

2019

Том 10. № 3

2019. Vol. 10. No. 3

DOI: 10.19181/vis.2019.30.3

ISSN 2221-1616 (online)

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik-isras.ru

Тема номера:

**Сетевизация общества:
социально-политический
ракурс**

**/ Вектор ориентации на себя
и своё окружение**

**/ Интеграция сообществ:
воспитание чувства близости и связей
в сетевом обществе**

**/ Самоидентификация
и критерии идентичности
молодёжных групп**

Вестник Института социологии Vestnik instituta sotziologii 3'2019

Рецензируемый научный журнал
Издаётся с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

2019. Том 10. № 3

DOI: 10.19181/vis.2019.30.3

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Главный редактор: М. К. Горшков

Заместители главного редактора: П. М. Козырева, И. А. Халий

Ответственный секретарь: К. В. Подъячев

Журнал включён в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.
Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа

Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Common Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.vestnik-isras.ru>.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77–51453:

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Год регистрации: 2010 г.

9 772221 161006 >

© Вестник Института социологии, 2019

© Vestnik instituta sotziologii, 2019

Состав Редколлегии

Главный редактор

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: director@isras.ru

Заместители главного редактора

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна – доктор социологических наук, руководитель Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: illaio@yandex.ru

Ответственный секретарь

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: vestnik@isras.ru

Члены редколлегии

БАРАБАНОВ Олег Николаевич – доктор политических наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе Европейского учебного института МГИМО МИД России, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай» (Москва, Россия)

E-mail: drolegbarabanov@gmail.com

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула, Россия)

E-mail: batanina@mail.ru

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a_duka@mail.ru

ЖЕЛЕЗНЯКОВ Александр Сергеевич – доктор политических наук, заместитель директора Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

КАЧЕРАУСКАС Томас – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Вильнюсского технического университет им. Гедиминаса (Вильнюс, Литва)

E-mail: tomas.kacerauskas@vgtu.lt

КИВИНЕН Маркку – профессор, директор по исследованиям Александери института Университета Хельсинки (Хельсинки, Финляндия)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

КОСТЕЛЕЦКИ Томас – профессор, директор Института социологии Чешской Академии наук (Прага, Чехия)

E-mail: tomas.kostelecky@soc.cas.cz

МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследований социально-политических отношений Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

ПАТЕЛЬ Сажата – профессор социологии, научный сотрудник Индийского института перспективных исследований (Шимла, Индия)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и информационных технологий Среднерусского института управления, Орловский филиал РАНХиГС (Орёл, Россия)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

ЧОЙ Ву Ик – профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Ханкук (Йонгин, Южная Корея)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Editorial Board

Editor in Chief

Mikhail K. GORSHKOV, Academician, Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: director@isras.ru

Deputy Chief Editors

Polina M. KOZYREVA, Doctor of Sociological Sciences, Deputy Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Irina A. KHALIY, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Center of politology and political sociology of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: illaio@yandex.ru

Executive secretary

Kirill V. PODYACHEV, Candidate of Political Sciences, Scientific Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: vestnik@isras.ru

Irina A. BATANINA, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of humanitarian and social sciences, Tula State University (Tula, Russia)

E-mail: batanina@mail.ru

Oleg N. BARABANOV, Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the European Studies Institute, Moscow State Institute of International relations (University) of the Ministry of International affairs of Russia (MGIMO University) (Moscow, Russia)

E-mail: drolegbarabanov@gmail.com

Wooik CHOI, Professor, The Institute of Russian Studies, Hunkuk University of Foreign Studies (Yongin-si, South Korea)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Aleksander V. DUKA, Candidate of Political Sciences, Head of the department of the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Peterburg, Russia)

E-mail: a_duka@mail.ru

Tomas KAČERAUSKAS, Dr. Sci. (Philos.), Professor., Head of Department of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Creative Industries, Vilnius Gediminas Technical University (Vilnius, Lithuania)

E-mail: tomas.kacerauskas@vgtu.lt

Markku KIVINEN, professor of sociology, Research director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

Tomas KOSTELECKY, RNDr, Director of the Institute of the Czech Academy of Sciences (Prague, Czech Republic)

E-mail: tomas.kostelecky@soc.cas.cz

Oleg M. MIKHAILENOK, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for Research of Social and Political Relations of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Sergei V. PATRUSHEV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Nikita E. POKROVSKY, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

Natalya V. PROKAZINA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department “Sociology and Informative Technology”, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel branch (Orel, Russia)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Sujata PATEL, professor of Sociology, National Fellow at the Indian Institute of Advanced Studies (Shimla, India);

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

Elena N. ZABOROVA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

Aleksandr S. ZHELEZNYAKOV, Doctor of Political Sciences, Deputy Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

Содержание

Об этом выпуске	8
Тема номера:	
«Сетевизация общества: социально-политический ракурс»	12
<i>Михайленок О. М.</i> Информационно-коммуникативные риски сетевизации политических отношений	12
<i>Люблинский В. В.</i> Социальная политика в условиях развития сетевого общества	22
<i>Мантерис А.</i> Культурный капитал и общественные отношения	33
<i>Шпочиньски А.</i> Значимость прошлого и отношения в социальных сетях	44
Муниципалитеты России:	
пространственно-демографический аспект	59
<i>Пациорковский В. В., Симагин Ю. А., Муртузалиева Д. Д.</i> Динамика численности населения муниципальных образований России в 2010–18 гг.	59
Социология молодёжи: социальные ориентиры	78
<i>Аврамова Е. М.</i> Социальное позиционирование и социальные практики российских миллениалов	78
<i>Ярмак О. В., Нелина Л. П., Ярмак В. Е.</i> Межнациональное и межрелигиозное согласие в среде крымского студенчества	96
Трибуна молодого учёного	113
<i>Земскова А. Ю.</i> История изучения электоральной социологии	113
<i>Ермолаева Ю. В.</i> Модернизация сектора обращения с отходами в России: поле экспертного анализа	131
<i>Ивченкова М. С.</i> Функционирование российских «фабрик мысли» в информационном обществе	151
О новых научных публикациях.....	165
<i>Широкалова Г. С.</i> Что происходит в социальной структуре российского общества?	165

Contents

About This Issue	8
Topic of the Issue:	
“Setevization of Society: Social and Political Perspective”	12
<i>Oleg M. Mikhailenok.</i> The Informational-Communicative Risks of Actively Transitioning Political Relations to the Web	12
<i>Victor V. Lyublinski.</i> Social Policy Under Conditions of Network Society Development	22
<i>Alexander Manterys.</i> Cultural Capital and Public Relations.....	33
<i>Andrzej Spoczynski.</i> The Importance of the Past and Relationships in Social Networks	44
Municipalities of Russia: Spatial and Demographic Aspect.....	59
<i>Valeriy V. Patsiorkovsky, Yuri A. Simagin, Djamila D. Murtuzalieva.</i> The Population Dynamic in Russian Municipal Formations from 2010 to 2018	59
Youth Sociology: Social Guidelines.....	78
<i>Elena M. Avraamova.</i> The Social Positioning and Social Practices of Russian Millenials.....	78
<i>Olga V. Yarmak, Larisa P. Nelina, Veronika Ye. Yarmak.</i> Interethnic and Interreligious Unity Among Crimea College Students...	96
Tribune of the Young Scientist	113
<i>Anastasiya Yu. Zemskova.</i> The History of Electoral Sociology’s Studies.....	113
<i>Yulia V. Ermolaeva.</i> Modernizing Russia’s Waste Management Industry: The Scope of Expert Analysis	131
<i>Maria S. Ivchenkova.</i> Russian Think Tanks Functioning and Information Society	151
On New Publications	165
<i>Gallina S. Shirokalova.</i> What is Happening Within the Social Structure of Russian Society?	165

Об этом выпуске

Тема данного номера [«Сетевизация общества: социально-политический ракурс»](#) считается сегодня наиболее актуальной в социологических и политологических исследованиях. Постепенно она становится таковой и для рассматриваемых двух стран – России и Польши. Ориентация нашей страны на прорыв в форме цифровизации экономики делает особенно важным начинать анализ последствий именно с того, насколько общество готово к ним и, в первую очередь, в сфере формирования сетей взаимодействия различных людей, социальных групп и институтов.

В нашем выпуске рассмотрение темы начинается с аналитического обзора теоретических подходов в статье [О. М. Михайлёнка](#) (Москва) [«Информационно-коммуникативные риски сетевизации политических отношений»](#). В ней представлены теоретические аспекты сетевизации политических отношений и вызванные этим процессом информационно-коммуникативные риски. Отмечается, что один из актуальных аспектов изучения проблем новой социальной реальности связан с довольно быстрым распространением сетевых структур в обществе, что соответственно изменяет характер социально-политических отношений в нём. В связи с этим политическая сфера подвергается существенным изменениям, в частности, по мнению ряда экспертов, происходит постепенная деградация традиционных институтов общества.

Одним из наиболее важных социально-политических последствий развития сетевого общества постепенно становится то, как меняется социально-экономическое положение россиян и как на них реагируют власти. [В. В. Люблинский](#) (Москва) [«Социальная политика в условиях развития сетевого общества»](#) констатирует, что социальные проблемы, порождённые сетевой и цифровой трансформацией общества, выходят на первый план в политических отношениях. В этих условиях, как показывает автор, происходит масштабное обновление социально-профессиональной структуры, обострение социальной конкуренции, рост социального неравенства, ухудшается положение среднего класса. Технологическая революция в перспективе может привести к снижению благосостояния значительной части населения. Трансформация занятости фактически подрывает действующую модель социальной политики, которая традиционно строится вокруг создания рабочих мест и снижения безработицы как главных задач государственного управления. С начала столетия прежний, сбалансированный механизм формирования социальной политики разладился, равновесная и устойчивая социальная модель постепенно сдаёт позиции.

Польские коллеги в своих статьях сосредоточились на социокультурных аспектах проблем сетевизации общества.

А. Мантерыс (Варшава) статью «Культурный капитал и общественные отношения» посвятил проблемам соотношения системы ценностей и человеческой деятельности. Автор подходит к анализу вопроса в категориях культурного капитала. Рассмотрению подлежит ключевая составляющая общественного порядка, понимаемого как складывание отношений высшего и низшего порядков, как вектор ориентации на себя, на своё окружение в социальной группе или сети. В работе сделана попытка определить, из чего состоит культурный капитал в смысле привилегированных и легитимизированных культурных практик. Предполагается, что культура общих ценностей самоценна, если имеет возможность реализоваться в пределах разных типов отношений. Это позволяет предугадывать тренды перемен в межличностных отношениях.

Известно, насколько польское общество включено в оценки прошлого своей страны. К этой проблеме обратился А. Шпачиньски (Варшава) в статье «Значимость прошлого и отношения в социальных сетях». Через призму теории социальной памяти рассматриваются вопросы интеграции сообществ в контексте воспитания чувства близости и связей в сетевом обществе. Автор размышляет о соотношении значимости прошлого на макро- и микроуровнях. Перед исследователем стоит задача отобразить роль сети в формировании индивидуальной и коллективной идентичностей, сосредоточившись на следующих проблемах: если прошлое играет столь существенную роль в интеграционных процессах на макроуровне, то является ли оно столь же важным на микроуровне; обращения к прошлому формируются или поддерживаются в сетях; является ли «сетевость» в коллективной памяти эффективным механизмом формирования позиций и установок.

При всей значимости таких глобальных процессов, как сетевизация и цифровизация, остаются не менее актуальными вопросы жизнедеятельности местных сообществ – именно в них проходит жизнь основной части населения. В рубрике «Муниципалитеты России: пространственно-демографический аспект» размещена статья В. В. Пациорковского, Ю. А. Симагина и Д. Д. Муртузалиева (Москва) «Динамика численности населения муниципальных образований России в 2010–18 гг.». В ней рассмотрены особенности дифференциации естественного прироста и миграционных потоков населения России по городским округам, муниципальным районам и в территориальном разрезе (по федеральным округам). Выявлено, что негативные тенденции в большей мере присущи муниципальным районам, чем городским округам. Наиболее сложная ситуация с показателями смертности и рождаемости – в муниципалитетах Центрального, Северо-Западного и Приволжского федеральных округов. В основном из-за интенсивного миграционного оттока быстро сокращается население во многих муниципальных образованиях Дальневосточного федерального округа. Наилучшая демографическая ситуация, как и в предыдущие десятилетия, наблюдается в Северо-Кавказском федеральном округе. При этом его муниципальные образования постепенно приближаются по показателям рождаемости и смертности населения к остальной территории России, заключают авторы.

Исследованиям молодёжи в социальных науках постоянно оказывается пристальное внимание, что получает отражение и на страницах Вестника. В данном выпуске представлен очередной блок статей, заключённых в рубрику [«Социология молодёжи: социальные ориентиры»](#).

[Е. М. Аврамова](#) (Москва) в статье [«Социальное позиционирование и социальные практики российских миллениалов»](#) рассматривает подходы к изучению поколений, выделяет поколение миллениалов (родившиеся после 1984 г. и встретившие новое тысячелетие в юном возрасте) в качестве специфического объекта исследования. При значительном внутреннем разнообразии и неоднородности российские миллениалы выступают в качестве целостного поколения и по своим социальным ориентациям и поведенческим характеристикам отличаются от старших поколений. Исследована их социальная самоидентификация и определены критерии идентичности различных молодёжных групп. Показано, что их статусная самооценка существенно выше, чем у старших поколений. Их социальный капитал формируется из источников, которые предоставляет новая информационно-коммуникационная среда, более разнообразных и доступных, чем прежде. В результате новых возможностей формирования социального капитала его использование в различных средах становится более эффективным.

Севастопольские исследователи [О. В. Ярмач](#), [Л. П. Нелина](#) и [В. Е. Ярмач](#) в статье [«Межнациональное и межрелигиозное согласие в среде крымского студенчества»](#) рассматривают одну из самых актуальных проблем региона, поскольку Крым и Севастополь являются многонациональными регионами, проблема межнационального и межрелигиозного согласия для них была актуальна в различные периоды истории. С одной стороны, здесь существует внутренний крымско-татарский вопрос, который необходимо изучать в рамках достижения межэтнического и межконфессионального диалога, с другой – наличие внешних вызовов заставляет задуматься о формировании межнационального и межконфессионального согласия в молодёжной среде и, в первую очередь, среди студенчества как самой организованной её части. По мнению авторов, межнациональное согласие включает в себя этнические установки, готовность к межнациональным контактам, что, в том числе, формирует национально-государственную и территориальную идентичности.

В рубрике [«Трибуна молодого учёного»](#) представлены весьма разноплановые статьи, свидетельствующие о разнообразии научных исследований научной молодёжи – это и политические проблемы, и экологические, и производство необходимых обществу знаний.

[А. Ю. Земскова](#) (Москва) статью [«История изучения электоральной социологии»](#) посвятила анализу этапов развития электоральной социологии от «соломенных опросов» до современных теорий электорального поведения (этап «соломенных опросов», электоральная социология 30–40 гг. XX в., экологический анализ в электоральной социологии, бихевиористский подход, социологическая теория электорального поведения, социально-психологическая теория электорального поведения, рационально-инструментальная теория), которые в современной элек-

торальной социологии принято называть «постгэлаповскими». Автор раскрывает основные черты каждого этапа формирования современной электоральной социологии, выделяет её достижения и ценность, а также проводит углублённый анализ современных теорий электорального поведения с учётом проблем, лежащих на стыке политической социологии и социологии права, среди которых особое внимание уделяется выборам как политическому феномену, политической культуре и политическим установкам избирателей, особенностям избирательных систем, политическим механизмам и избирательным технологиям.

Статья [Ю. В. Ермолаевой](#) (Москва) [«Модернизация сектора обращения с отходами в России: поле экспертного анализа»](#) раскрывает актуальность проблемы обращения с отходами в России, которая стала особенно острой в 1990-х гг. с последующей реструктуризацией промышленного сектора, когда перестали существовать доступные в советской системе элементы модели циклического производства и переработки материалов. В статье приводятся результаты исследования на основе экспертных интервью по теме модернизации сектора управления отходами в России в период с 2014 по 2017 гг. Экспертами стали специалисты различного профиля: сотрудники некоммерческих организаций (НКО), экоактивисты, учёные гуманитарного и естественнонаучного направлений, представители бизнес-сектора, государственного управления, профессиональные экологи и технологи. В интервью особый акцент сделан на разрешении социальных вопросов.

[М. С. Ивченкова](#) (Москва) в статье [«Функционирование российских «фабрик мысли» в информационном обществе»](#) рассматривает деятельность социально-политического института «фабрики мысли» в условиях растущей роли интернета и распространения социальных медиа. Традиционно «фабрики мысли» или «аналитические центры» изучаются политологами и специалистами по международным отношениям как элементы политических систем, но с распространением и развитием этих организаций в мире, расширением их функций появляется необходимость в социологическом осмыслении места и роли фабрик мысли в обществе. Автор рассматривает их как социально-политический институт, являющийся одновременно и генератором, и проводником социально значимой информации для власти и социума.

В рубрике [«О новых научных публикациях»](#) представлены размышления [Г. С. Широкаловой](#) (Нижний Новгород) под названием [«Что происходит в социальной структуре российского общества?»](#). В рецензируемой монографии [Ж. Т. Тощенко](#) «Прекариат: от протокласса к новому классу» (Москва, 2018) анализируются факторы формирования новой социальной общности – прекариата. Проводится критический разбор современных исследований изменений социальной структуры отечественными и зарубежными авторами, что позволяет выявить специфические явления и тенденции.

ТЕМА НОМЕРА

СЕТЕВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАКУРС

DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.584

Информационно-коммуникативные риски сетевизации политических отношений

Ссылка для цитирования: Михайленок О. М. Информационно-коммуникативные риски сетевизации политических отношений // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 3. С. 12–21. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.5843

For citation: Mikhailenok, O. M. The informational-communicative risks of actively transitioning political relations to the web. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No 3. P. 12–21. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.584

**Михайленок
Олег Михайлович**

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

m-oleg-m@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 385479

Информационно-коммуникативные риски сетевизации политических отношений

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты сетевизации политических отношений и связанные с этим процессом информационно-коммуникативные риски. Отмечается, что один из актуальных аспектов изучения проблем новой социальной реальности связан с довольно быстрым распространением сетевых структур в обществе, что соответственно изменяет характер социально-политических отношений в нём. В связи с этим политическая сфера подвергается существенным изменениям, в частности, по мнению ряда экспертов, происходит постепенная деградация традиционных институтов общества. Таким образом, можно с большой долей уверенности утверждать, что политика как вид деятельности под воздействием процессов её сетевизации на наших глазах становится существенно иной. Вместе с тем нельзя не отметить, что значительный позитивный потенциал новой, сетевой реальности сопряжён также и с рядом серьёзных проблем. Несомненно, информационно-сетевые технологии коммуникативных систем существенно изменяют морфологию общественных отношений, которые сегодня ещё во многом опираются на традиционные иерархии. Следует также иметь в виду, что радикальное изменение социальной топологии приведёт к неизбежному росту опасностей, рисков и конфликтов в социально-политической сфере, которые в силу природы сетевых структур очень сложно прогнозировать. Возникновение рисков или их отсутствие определяется способом использования сети, поэтому, собственно, с природой сетей связаны лишь потенциалы рисков. Со стороны представителей экспертного сообщества поступают предупреждения о серьёзных угрозах безопасности и стабильности, которые несёт в себе новая социальная реальность. Отмечается, что сегодня актуально обращение к полю проблем, включающему информационно-коммуникативные риски в сфере политических отношений. Реально противоречивое информационно-коммуникативное общество отличается повышенной рискогенностью. Точка зрения автора заключается в том, что новая социальная реальность как область исследования на сегодняшний день ещё слабо концептуализирована и понятийно освоена. Какие-то общепризнанные или хотя бы приемлемые для значительной части научного сообщества концепции пока отсутствуют. Трудности исследования особенностей, характеризующих постиндустриальное развитие, а также главные его составляющие – глобализацию, информатизацию, сетевизацию и др. – не в последнюю очередь связаны со стремительными переменами в социальной реальности, что не позволяет эффективно использовать в качестве инструмента анализа предшествующие достижения теоретической науки. Социально-политические отношения и процессы демонстрируют высокий динамизм и в то же время значительную неопределённость. Информационное общество в своём развитии невольно расширяет спектр ситуаций риска, что требует серьёзных изменений в организации управления информационно-коммуникативными рисками в социуме, в разработке и реализации эффективной информационной политики.

Ключевые слова: политические отношения, сетевизация, новая социальная реальность, информационно-коммуникативные риски

Результаты неоднократных социологических исследований последних лет дают основание утверждать, что «качественные характеристики и количественные показатели, которыми описывается глубина изменений» последнего времени, «побуждают сделать принципиальный вывод: за годы реформ российское общество сложилось как новая социальная реальность» [Горшков 2009: 16].

Один из актуальных аспектов изучения проблем новой социальной реальности заключается в выявлении масштабов, направленности и темпов формирования сетевой структуры социума и соответственного изменения характера социально-политических отношений в нём.

Теоретические аспекты сетевизации политических отношений

Следует отметить, что на российскую действительность, очевидно, влияют глобальные тенденции развития общества, и в сферу этого влияния попадают также социально-политические отношения. Мы полагаем, что здесь можно выделить собственно политические отношения, основное содержание которых заключается в стремлении завоевать, распределить и использовать власть с целью реализовать свои политические интересы, а также способствовать достижению своих целей, продвигать установки и ценности политических субъектов.

Можно согласиться с тем, что на протяжении веков коммуникация и информация были фундаментальными источниками как самой власти, так и её оппозиции, основой господства и подчинения, стабильности и социальных изменений. С понятиями властных отношений тесно коррелирует понятие политических отношений как взаимодействия социальных групп, личностей, социальных институтов по вопросу устройства и управления обществом.

Сегодня политическая сфера подвергается существенным изменениям в связи со всё более широким распространением в обществе сетевых структур и, по мнению ряда экспертов, постепенной деградацией традиционных общественных институтов: «Сетевизация политической сферы включает в себя несколько взаимосвязанных процессов, в том числе глобализацию, фрагментацию, ослабление института национального государства и подъём субполитики» [Трубицын 2013: 60].

Таким образом, можно с большой долей уверенности можно утверждать, что политика как вид деятельности под воздействием процессов её сетевизации на наших глазах становится существенно иной.

А. В. Курочкин полагает, что в политические отношения включено «множество акторов, преследующих свои собственные интересы; политические сети существуют благодаря взаимозависимости акторов; структура политической сети – это более или менее длительные и устойчивые отношения между взаимозависимыми акторами; предмет этих отношений – политические проблемы или программы» [Курочкин 2005: 257].

Например, ряд авторов связывают будущее сети с разработкой моделей политических проектов в социальном интернете. Предполагается, что консолидация избирателей единомышленников в социальных сетях способна качественно преобразить политический ландшафт [Эйдман 2009]. В частности, А. В. Назарчук считает, что сетевизация политики способствует усилению демократических тенденций в обществе: «Государственная власть является ничем иным, как сетью коммуникаций. Сетевое общество, мультиплицируя и разнообразя информационные потоки в политической сфере, неизбежно демократизирует устоявшийся порядок отправления власти» [Назарчук 2008: 72].

Сторонники сетевой парадигмы уверены, что, становящаяся всё более очевидной неспособность различных социальных институтов, включая государство, разрешать общественные конфликты, уменьшать социальные риски и угрозы, требует поисков сетевых инструментов, которые смогут обеспечить безопасность общества не за счёт достижения закрытости его элементов, а через их открытость. Во всяком случае, «эффекты сетевизации как результаты проникновения сетевого общества в публичную политику и воздействия на неё носят многосоставной характер и проявляются в виде изменений на различных её уровнях, обуславливают появление инновационных механизмов, воспроизводящих её новый тип – сетевую публичную политику» [Мирошниченко 2014: 45].

Вместе с тем нельзя не учитывать, что значительный позитивный потенциал новой социальной реальности сопрягается также и с рядом серьёзных проблем. П. Бурдые говорит как о позитивном, так и негативном социальном капитале сетевых сообществ. Понимание социального капитала соотносится с позитивным потенциалом, характеризующим неинституциональные связи, доверительные отношения людей или их групп [Бурдые 2007]. Негативный социальный капитал характерен для сетевых сообществ, которые действуют в противоречии с законами. Сетевые сообщества с негативным социальным капиталом – «антисети», содержание деятельности которых наркоторговля, работоторговля, терроризм, торговля оружием. Негативный социальный капитал сопряжён также, по мнению М. Олсона, со связями и практиками, направленными на дестабилизацию, дезинтеграцию ситуации в группах людей, регионах, государствах [Олсон 1995].

Риски и угрозы в социально-политической сфере

Несомненно, информационно-сетевые технологии коммуникативных систем существенно изменяют морфологию общественных отношений, которые сегодня ещё во многом опираются на традиционные иерархии. Следует также иметь в виду, что радикальное изменение социальной топологии приведёт к неизбежному росту опасностей, рисков и конфликтов в социально-политической сфере, которые в силу природы сетевых структур очень сложно прогнозировать.

Значимая составляющая структуры информационных рисков – это риски внутри сетевых структур, представленных, например, интернетом и социальными сетями. Сетевые структуры обладают возможностями, которые сами по себе не могут быть ни опасными, ни безопасными. Возникновение рисков или их отсутствие определяется способом использования сети, поэтому, собственно, с природой сетей связаны лишь потенциалы рисков.

Анализ изменений социальной структуры свидетельствует о том, что сетевое информационное общество не только способствует формированию новых, динамичных социальных общностей и систем обретения идентичности, но и допускает дезинтеграцию существующих социальных групп. Это обрекает людей, входящих в эти группы, на утрату их символического, социального и экономического статуса. Такая рестратификация, приводящая к социокультурному отторжению неудачных акторов глобальных сетей, часто не принимающих навязываемые формы идентичности, влечёт за собой возникновение протестных, фундаменталистских, антиглобалистских и т. п. движений [Зарубина 2016].

Ключевой задачей виртуальных социальных сетей является осуществление основных коммуникационных функций между сетевыми акторами. Однако всё чаще социальные сети используются в качестве объектов и средств информационно-психологического управляющего воздействия и информационного противоборства различных групп.

Очевидно, что современное информационное пространство содержит как позитивную, конструктивную, так и негативную, деструктивную составляющие. Деструктивная деятельность социальных сетей заключается в специфической форме активного отношения к миру, характеризующейся стремлением к разрушению или нарушению нормального функционирования тех объектов и систем, которые обеспечивают жизнедеятельность личности, общества и государства. Функционирование деструктивных сетей осуществляется в контексте существующего общества, однако акторы этих сетей противопоставляют себя обществу, используя в своей деятельности зачастую неприемлемые, незаконные методы.

Как считают эксперты, сегодня социальные сети могут играть роль важного инструмента деструктивного влияния. Как правило, деструктивные социальные сети используются в целях манипулирования личностями и социальными группами. Это указывает на актуальность проблемы обеспечения безопасного функционирования социальных сетей, в частности компенсации отрыва пользователей от реальности и недостатка живого общения.

Со стороны представителей экспертного сообщества поступают предупреждения о серьёзных угрозах безопасности и стабильности, связанных с характером новой социальной реальности.

В этой связи следует подчеркнуть, что весьма актуальными становятся проблемы информационно-коммуникативных рисков в социально-политической сфере. В частности, как отмечают эксперты, происходя-

щие в российском социуме структурные и функциональные изменения повышают доминанту социальных рисков; неустойчивость, непредсказуемость социальных изменений, их необратимость приводят к многократному увеличению рисков. Таким образом, информационно-коммуникативное общество в плане рискогенности – реальность весьма противоречивая.

В этом отношении исследователи отмечают тенденцию роста рисков, которые могут быть определены как коммуникативные и социокультурные. Это свидетельствует о том, что социальные реалии, объективируемые с помощью информационно-коммуникативных технологий, сложны и неоднозначны [Гримов 2014].

Проявления рисков и угроз социально-политического характера могут иметь много вариантов, осуществляться различными способами. Риски гибридной природы часто реализуются путём проекции воздействия внешних угроз на развитие внутриполитической ситуации и обратно. Речь идёт как о традиционных угрозах, так и об угрозах, порождённых информационными и коммуникационными технологиями.

Как российская, так и глобальная новая социальная реальность получила название «общество риска». Такую характеристику ввёл немецкий социолог У. Бек [Бек 2000]. Он считает, что от системы материального и социального производства неотделимо и постоянное воспроизводство таких системных феноменов, как опасности, риски.

С точки зрения английского социолога Э. Гидденса, современная модернизация, безусловно, представляет основу развития производительного потенциала в материальной и социальной сферах, но также порождает опасности в экологической сфере, на рынке труда, в семейных отношениях [Гидденс 1999].

По мнению известного польского социолога П. Штомпки, современные социально-политические трансформации, рассматриваемые в качестве модернизации, в то же время являются культурными или «социальными травмами» [Штомпка 2001].

Глобальное общество риска предполагает амбивалентную динамику социально-политических отношений в их различных аспектах. Нельзя не видеть, что в ходе этих существенных изменений топологии социального пространства неизбежно возникновение опасностей и рисков, которые, как уже отмечалось, в силу природы коммуникационных технологий достаточно сложно прогнозировать. Поэтому, по нашему мнению, весьма актуальными в ближайшее время станут проблемы, связанные с рисками, угрожающими безопасности сетевого социального пространства.

Российский социум неуклонно дрейфует к состоянию «общества риска». Причин для этого множество, но среди них явно присутствуют те, которые вносят самый существенный вклад в этот процесс. На первом месте – модернизационные процессы информатизации и сетевизации, затронувшие материальное, культурное и социальное производство. Сталкиваясь с традиционной культурой и социальной структурой социума, они серьёзно «травмируют» эти сферы, вызывая

соответствующую ответную реакцию. Как следствие – риски возникают с обеих сторон. Со стороны традиционных структур и институтов – риски замедления и срыва модернизационного процесса, что чревато отставанием от лидеров. Со стороны сетевых структур – риски для стабильности традиционного социума. Для ориентированной на традиционный государствоцентрический уклад России риски существенно усиливаются в результате снижения эффективности социальных структур и институтов, на фоне демократизации общества и связанной с этой претензией на участие во власти ради модернизации. Высокий уровень рисков и угроз, всё отчетливее проявляющихся в российском социуме, требует детального исследования направлений возможной эволюции «общества риска» при возникновении множественных кризисных явлений в социально-политической сфере.

Заключение

Сегодня опубликовано достаточно много работ по рассматриваемым вопросам. Однако многие авторы этих публикаций считают, что современное понимание проблем, связанных с таким феноменом, как новая социальная реальность, не достигает требуемого уровня.

Пока не выработаны общепризнанные или хотя бы приемлемые существенной частью исследователей основания концептуализации этой предметной области, включая постиндустриальное развитие, его особенности, а также специфику его основных составляющих – глобализацию, информатизацию, сетевую структуризацию. Эти явления, безусловно, носят общемировой характер. С достаточным основанием можно говорить о том, что их интегративное воздействие радикально меняет мировоззренческие и социокультурные основы общественного бытия.

Социальная реальность изменяется так быстро, что опережает инновационные идеи, которые сегодня предлагает философская и социально-теоретическая мысль. Тем более скептически следует оценивать эффективность традиционных методов и подходов, которые всё ещё занимают значительное место в арсенале учёных. Так или иначе, в мировом научном сообществе всё более укрепляется уверенность в том, что только адекватное интеллектуальное обеспечение в состоянии помочь осмыслить сложные и динамичные процессы, составляющие содержание стремительно трансформирующегося мира.

Глобальное общество риска порождает угрозы безопасности, затрагивающие различные сферы, в частности, социально-политические отношения, которые эволюционируют в контексте расширения поля деятельности, представляющего собой сетевое социальное пространство.

По нашему мнению, сетевая составляющая современных социально-политических отношений является сложным феноменом, влияние которого нельзя трактовать как однозначно положительное или негативное. Однако одновременно в условиях высокого динамизма и неопреде-

лённости социально-политические процессы и отношения в глобальном информационном обществе могут сталкиваться с расширением спектра риска. Поэтому сегодня необходимы качественные изменения в организации управления информационно-коммуникативными рисками в социуме, в разработке и реализации эффективной информационной политики.

Библиографический список

Бек У. 2000. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс–Традиция. 384 с.

Бурдые П. 2007. Социология социального пространства / Пер. с франц. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. 288 с.

Гидденс Э. 1999. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia. 640 с.

Горшков М. К. 2009. Российское общество в социологическом измерении // Социологические исследования. № 3. С. 15–26.

Гримов О. А. 2014. Социокультурные практики личности в социальных сетях: Автореф. дисс. канд. полит. наук. Москва // Веб-сайт «Человек и наука». URL: <http://cheloveknauka.com/sotsiokulturnye-praktiki-lichnosti-v-sotsialnyh-setyah> (Дата посещения: 09.06.19).

Зарубина Н. Н. 2016. Несение бремени риска в условиях глобализации – новый фактор социальной рестратификации общества // Экономическая социология. М.: Юрайт. 378 с.

Курочкин А. В. 2005. Институционализация сетей в системе управления образованием в РФ // Политическая экспертиза: Политэкс. № 2. С. 252–262.

Мирошниченко И. В. 2014. Эффекты и результаты сетевизации современной публичной политики // Вестник Пермского университета. Политология. № 4. С. 42–69.

Назарчук А. В. 2008. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. № 7. С. 61–75.

Олсон М. 1995. Логика коллективных действий: Общественные товары и теория групп / Под ред. Н. М. Нуреева. М.: Фонд экономической инициативы. 165 с.

Трубицын О. К. 2013. Политические аспекты сетевой трансформации современного общества // Вестник НГУ. Серия: Философия. Т. 11. Вып. 2. С. 54–61.

Штомпка П. 2001. Социальное изменение как травма // Веб-сайт Nauka x. Бесплатная электронная библиотека. URL: <http://nauka.x-pdf.ru/17istoriya/512753-1-2001-shtompka-socialnoe-izmenenie-kak-travma-statya-pervaya-shtompka-petr-professor-yagellonskogo-universiteta-krako.php> (Дата посещения: 09.06.19).

Эйдман И. 2009. Политические социальные сети: «спам» или ключ к победе? // Веб-сайт Livejournal. URL: <http://igeid.livejournal.com/38647.html> (Дата посещения: 09.06.19).

Статья поступила: 14.06.2019

DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.584

The Informational-Communicative Risks of Actively Transitioning Political Relations to the Web

Oleg M. Mikhailenok

Institute of Sociology of FCTAS RAS Moscow, Russia

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-8379-359X

For citation: Mikhailenok, O. M. The informational-communicative risks of actively transitioning political relations to the web. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 12–21. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.584

Abstract. This article examines the theoretical aspects of transitioning political relations to the web, together with the informational-communicative risks associated with this process. It is highlighted that one of the relevant aspects of studying issues of a new social reality is linked to a rather rapid expansion of network structures within society, which leads to corresponding shifts in its social-political relations. As a result, the political realm is subject to significant change: notably, according to a number of experts, this leads to a gradual deterioration of traditional social institutions. As such, we can confidently claim that political activity, it being influenced by a transition to the web, is undergoing drastic change right before our eyes. That said it has to be mentioned that the substantial positive potential of our new network reality is also linked to a number of serious issues. Without a doubt, informational-network communicative technologies will take a serious toll on the morphology of social relations, which in many respects still rely on traditional hierarchies. We should also bear in mind that a drastic shift in social topology will inevitably lead to an increase in danger, risk and conflict in the social-political realm, which will be very difficult to predict due to the inherent nature of network structures. Development of risks or lack thereof is determined by the manner in which a network is used, which is why only the potentials of risks are linked to the nature of networks. The expert community warns us about severe threats to security and stability which our new social reality brings with it. It should be noted that in this day it is important to appeal to a range of issues which includes informational-communicative risks in the realm of political relations. Actual controversy in an informational-communicative society is associated with increased risk. In the author's opinion, as of today our new social reality is insufficiently conceptualized as an area of research. So far it lacks any sort of concepts which are universally recognized or even acceptable in the eyes of the vast majority of the scientific community. Difficulties in studying the features which characterize postindustrial development, as well as components of the latter such as globalization, informatization, transitioning to the web, are in no small part linked to rapid changes in our social reality, which prevent the effective use of past achievements in theoretical science as an analytical tool. Social-political relations and processes exhibit a high degree of dynamism, together with significant uncertainty. In its development an information society involuntarily broadens the spectrum of risky situations, which warrants serious changes in organizing control over informational-communicative risks in society, as well as developing and implementing effective informational policy.

Keywords: political relations, networking, new social reality, information and communication risks

References

Bek U. The risk Society. On the way to another modern. Moscow: Progress–Tradicija, 2000: 384 (In Russ.).

Bourdieu P. Sociology of social space. Moscow: Institut eksperimental'noi sociologii, Sankt-Petersburg: Aletejja, 2007: 288 (In Russ.).

Giddens A. The Consequences of Modernity. In: Novaja postindustrial'naja volna na Zapade: antologija = The new post-industrial wave in the West: Anthology. Ed. By V. L. Inozemcev. Moscow: Academia, 1999: 640 (In Russ.).

Gorshkov M. K. Russian society in the sociological dimension. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2009; 3: 15–26 (In Russ.).

Grimov O. A. Social and cultural practices of personality in social networks. Avtoref. diss. ... kand. polit. nauk. Moscow: Web-sjite «Chelovek i nauka», 2014. URL: <http://cheloveknauka.com/sotsiokulturnye-praktiki-lichnosti-v-sotsialnyh-setyah> [accessed: 09.06.2019] (In Russ.).

Zarubina N. N. Bearing the burden of risk in the context of globalization is a new factor of social re-stratification of society. In: *Ekonomicheskaya sociologija = Economic sociology*. Moscow: Jurajt, 2016: 378 (In Russ.).

Kurochkin A. V. Institutionalization of networks in the education management system in Russia. *Politicheskaya ekspertiza: Politeks = Political expertise: Politeks*, 2005 2: 252–262 (In Russ.).

Miroshnichenko I. V. Effects and results of modern public policy networking. *Vestnik Permskogo universiteta = Bulletin of Perm University. Politologija*, 2014; 4: 42–69 (In Russ.).

Nazarchuk A. V. Network society and its philosophical understanding. *Voprosy filosofii = Philosophy questions*, 2008; 7: 61–75 (In Russ.).

Olson M. *Logic of collective action: Public goods and group theory*. Ed. by N. M. Nureeva. Moscow: Fond ekonomicheskoi initsiativy, 1995: 165 (In Russ.).

Trubitsyn O.K. Political aspects of network transformation of modern society. *Vestnik NGU. Serija Filosofija = Bulletin of NGU: Philosophy*, 2013; 11; 2: 54–61. (In Russ.).

Shtompka P. Social change as trauma. In: *Veb-sajt Nauka x. Besplatnaja jelektronnaja biblioteka*. 2001. URL: <http://nauka.x-pdf.ru/17istoriya/512753-1-2001-shtompka-socialnoe-izmenenie-kak-travma-statya-pervaya-shtompka-petr-professor-yagellonskogo-universiteta-krako.php> [accessed: 09.06.2019] (In Russ.).

Eidman I. Political social networks: spam or the key to victory?]. In: *Veb-sajt Livejournal*, 2009. URL: <http://igeid.livejournal.com/38647.html> [accessed: 09.06.2019] (In Russ.).

The article was submitted on: 14.06.2019

ТЕМА НОМЕРА

СЕТЕВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАКУРС

DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.585

Социальная политика в условиях развития сетевого общества

Ссылка для цитирования: Люблинский В. В. Социальная политика в условиях развития сетевого общества // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 3. С. 22–32. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.585

For citation: Lyublinskiy, V. V. Social policy under conditions of network society development. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No 3. P. 22–32. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.585

Люблинский Виктор Викторович

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

lyubl.victor@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 372377

Социальная политика в условиях развития сетевое общества

Аннотация. Социальные проблемы, порождённые сетевой и цифровой трансформацией общества, выходят на первый план в политических отношениях. В этих условиях происходит масштабное обновление социально-профессиональной структуры, обострение социальной конкуренции, рост социального неравенства, ухудшается положение среднего класса. Технологическая революция в перспективе может привести к снижению благосостояния значительной части населения в развитых странах. Трансформация занятости фактически подрывает действующую модель социальной политики, которая традиционно строится вокруг, создания рабочих мест и снижения безработицы как главных задач государственного управления. С начала столетия прежний, сбалансированный механизм формирования социальной политики разладился, равновесная и устойчивая социальная модель постепенно сдаёт позиции. Под прицелом находится действующая модель социального государства и социально-политических отношений на основе консолидации интересов. Современное развитое общество повсеместно в мире опирается на него и без него эффективно развиваться не может. И одна из задач государства в том, чтобы его социальная активность не отставала от изменений. Однако нынешняя модель социальной политики во многих странах, включая Россию, не вполне соответствует процессам переустройства, так как в условиях сетевого общества целевые группы социальной политики меняются. Прогнозы развития в социально-трудовой сфере неблагоприятны для больших групп работников, обрекая их, в случае непринятия государством и обществом эффективных мер, на дальнейший рост поляризации социального положения и доходов. Необходима альтернативная политика, опирающаяся на координацию активности основных участников социально-политических отношений. Это потребует нового политического подхода, нацеленного на обеспечение динамического социального равновесия, рост благосостояния, снижение бедности и неравенства. Перспектива в политике, опирающейся на более широкую поддержку, более значительные ресурсы и большие возможности реализации поставленных целей. Государство же должно объединять усилия, играя роль посредника в соответствующей системе принятия политических решений. Такая политическая сеть может привести к большей социальной эффективности.

Ключевые слова: сетевое общество, цифровизация, социальная политика, социальное государство, социально-политические отношения, управление, занятость, благосостояние, неравенство

В эпоху сетевого общества происходит изменение характера социально-политических проблем. Причина в том, что непрерывная трансформация общества, охватившая современный мир, существенно затрагивает все аспекты развития социума, сферу труда и занятости, уровень и качество жизни граждан, их политические и социальные права. Можно было бы предположить, что эти процессы меняют и сущность самого общества. Но этого не происходит. В основных проявлениях оно остаётся устроенным на основе иерархии власти, высокой дифференциации богатства и доходов, которые детерминируют социально-политические отношения. И такая модель развития остаётся устойчивой к изменениям.

Но изменения всё же имеют место. И весьма заметное. Значительно возрастает мобильность социально-экономических факторов. Однако капитал явно впереди, новые сетевые сферы деятельности высокоомобильны, что формирует возникающие противоречия, потенциальные и реальные конфликты. Государство и политические институты отстают, не поспевая в реагировании на социальные изменения, появление новых социальных групп и связанных с этим проблем. Кроме того, сетевое общество (а оно глобально, и другим быть не может) и цифровизация ставят в центр проблему конкурентоспособности и производительности.

Трансформация занятости как главная проблема сетевого общества

Как это обычно происходит при эпохальных сдвигах, в центре динамичных изменений оказывается социальный фактор. Цифро-сетевое общество предъявляет спрос на работника нового типа, наделённого высокими профессиональными качествами, способного быстро адаптироваться к меняющимся условиям, активно включаться в процесс непрерывного образования в течение всей жизни с ориентацией на творческий труд и инновации. Не исключено, что со временем роботизация и искусственный интеллект могут достигнуть такого уровня, что сделают труд человека во многих сферах излишним. Однако в любом случае он всегда останется главным действующим лицом экономической деятельности, так как никакие технологии не снимают необходимости решения сложных интеллектуальных и управленческих задач [Colin, Palier 2015: 29].

Так или иначе, социальные проблемы, порождённые сетевой и цифровой трансформацией общества, выходят на первый план в политических отношениях. Особенно обостряются проблемы занятости и социального неравенства. Тем более, что развитие сетевого общества задаёт долговременный тренд. Многие массовые профессии не имеют перспективы, чему способствуют автоматизация и роботизация. Под угрозой рабочие места во многих сферах, определявших развитие в условиях индустриального общества. Соответствующая ему модель занятости постепенно сдаёт позиции. Традиционные гарантии стабильности соци-

ального положения оказываются подорванными, всё большее распространение получает работа временного и краткосрочного характера, что ведёт к снижению заработной платы этих работников.

В итоге значительная часть занятости «скатывается» к периферии. И только небольшая часть общества имеет шансы успешно интегрироваться в новую систему социально-трудовых отношений.

Международные исследования свидетельствуют, что впереди мир ожидает масштабное обесценение и обновление профессий, ибо компетенции, необходимые для эффективного выполнения работы под влиянием новой цифровой волны значительно меняются. Показатель профессиональной стабильности в глобальном плане (доля базовых навыков, необходимых для выполнения работы, остаётся прежней) ожидается на уровне 58%, а к 2022 г. не менее 54% работников будут вынуждены пройти переподготовку и повышение квалификации [The Future of Jobs Report 2018: IX].

Трансформация занятости фактически подрывает действующую модель социальной политики, которая традиционно строится вокруг занятости, создания рабочих мест и снижения безработицы как главных задач государственного управления. С начала столетия прежний, сбалансированный механизм формирования социальной политики разладился, изменились условия и технологическое развитие, претерпевает изменения социальная структура, меняется мироустройство.

Новый социальный порядок наступает всё более активно. Устойчивое положение сохраняется только у работников, деятельность которых связана с высокоинтеллектуальным трудом, разработкой и обслуживанием новой техники и программного обеспечения. Это сектор стабильной, престижной занятости с высокой заработной платой. Иными словами, объективно задан тренд, который может с течением времени привести к значительному росту социальной напряжённости.

Согласно прогнозам, значительная часть рабочих мест находится в высокой степени риска в течение ближайших десятилетий. В этой ситуации равновесная и устойчивая социальная модель, как она сформировалась в недавнем прошлом, постепенно сдаёт позиции, неизбежно дальнейшее обострение конкуренции на рынках труда. А в результате под угрозой оказывается средний класс в том виде, в котором он сложился в XX столетии.

Между тем перспективы среднего класса – важнейший фактор для политических отношений. Эти перспективы становятся неопределёнными, ибо сокращаются возможности роста статуса и увеличиваются риски его снижения. Средний класс индустриальной и постиндустриальной эпохи уходит в прошлое, находится в состоянии глубокого реформирования. Наиболее благополучная часть этого класса улучшает своё положение, для основной же части проблемы значительно обострились.

В среднем в странах ОЭСР доля домохозяйств со средним доходом снизилась с 64 до 61% с середины 1980-х гг. к середине 2010-х гг. Наиболее значительные изменения произошли в Канаде, Израиле, Люксембурге, США, ФРГ, Финляндии, Швеции (более чем на 4,5%).

В США доля 1% самых богатых домохозяйств в совокупных доходах почти удвоилась (с 11 до 20%). В целом за 30 лет медианные доходы увеличились, но на 1/3 меньше, чем доходы наиболее богатых 10% домохозяйств. За указанный период совокупный доход домохозяйств со средним уровнем был в 4 раза больше, чем доходы более богатых домохозяйств (свыше двух раз от медианного уровня, а сейчас – только три) [Under Pressure... 2019: 19–21].

В результате труднее стало поддерживать стиль жизни, соответствующий среднему классу. Это связано прежде всего с ростом цен на жильё и другие значимые статьи расходов и потребления. Причём жильё, образование, медицинское обслуживание подорожали на уровень выше инфляции. В итоге сейчас жилищные расходы составляют 1/3 располагаемых доходов по сравнению с прежними 1/4, так как цены на жильё росли втрое быстрее доходов [Under Pressure... 2019: 24].

Анализ показывает, что в благополучных странах набирает обороты следующая тенденция. Социальные группы со средним доходом с каждым новым поколением значительно медленнее увеличиваются численно. Средний уровень профессиональной подготовки уже недостаточен. Образовательная планка возросла, особенно в отношении среднего класса. Сегодня почти 50% граждан со средним доходом работают на местах, требующих высокого профессионального уровня (по сравнению с третью 20 лет назад) [Under Pressure... 2019: 26]. Из этого следует и такой важный вывод: старшее поколение оказалось лучше защищено от изменений на рынке труда и рисков снижения доходов, имея в период активной трудовой жизни более стабильные рабочие места, а также более развитую пенсионную систему и систему социальной поддержки.

Таким образом, в условиях развития сетевого общества благосостояние и социальное положение среднего класса оказались подорваны. Отсюда его роль как центра экономической и социально-политической консолидации в известном смысле ослабевает.

Макроэкономическое равновесие остаётся пока стабильным, потери рабочих мест в целом компенсируются возможностями, которые открывает новая модель технологического развития. Главное – происходит постепенный сдвиг в пользу перспективных сфер, развития сетевой занятости, которая, однако, пока не вписывается в деятельность социального государства. Кроме того, во многих случаях виртуальные фирмы, формирующие эту сферу деятельности, руководствуются собственными правилами, что ведёт к несправедливой конкуренции с традиционными компаниями, развитию параллельных рынков труда, эрозии трудового законодательства.

Контурь новой политики государства в социальной сфере

Одна из наиболее серьёзных проблем, касающихся повседневной жизни и перспектив (в большинстве стран, а также в России) – это сохранение долговременного тренда роста социального неравенства. На данном

этапе развитие цифровизации и сетевизации способно только усилить эти процессы, оказывающие негативное влияние на основной фактор развития – совокупный спрос. В таких условиях рост инвестиционной активности – другой основополагающий фактор развития – во многом оказывается ограниченным и лишённым какого-либо смысла. В принципе, дополнительный спрос можно обеспечивать через расширение возможностей заимствования, что и делали политические и экономические власти в странах Запада на протяжении десятилетий. И сейчас становится ясно, что такая политика завела общество в тупик, из которого не видно выхода. Макроэкономическое равновесие неустойчиво, задолженность колоссальна и продолжает расти, социальные проблемы обостряются. Политические последствия прямые и серьёзные – устойчивый и глубокий кризис социально-политических отношений и доверия в обществе.

Между тем фактор доверия, измеряемый через социальный капитал, оказывает большое воздействие на развитие. И его росту, как свидетельствуют данные ОЭСР, отчасти может способствовать активность сетевых сообществ. Граждане, активно в них участвующие, имеют больше шансов для успешного трудоустройства и карьеры, более высокую оплату труда, стрессоустойчивость и продолжительность жизни [How's Life... 2011: 171]. В то же время социальный капитал неизбежно снижается в случае падения доходов, а это реальность для многих стран, отмеченных высокой безработицей и ростом бедности.

Во многом это явилось результатом отказа от стратегии, нацеленной на социальное выравнивание, которая активно проводилась до 1980-х гг. Политические и экономические круги в странах Запада рассматривали крушение СССР и мировой системы социализма как свою победу. И прежнюю политику, которую они были вынуждены проводить в мировой геополитической борьбе, они отбрасывают, в том числе сокращение неравенства – этот важный фактор экономического и социального развития. Большую роль в развитии играет и фактор доходов, даже незначительные изменения в их распределении могут иметь как негативные, так и позитивные последствия. В большинстве стран на заработную плату приходится 60–70% совокупных доходов [Herr, Ruoff, Salas 2014: 58].

В среднесрочном плане многие специалисты видят решение проблемы в том, чтобы работники переориентировались на изменение характера деятельности. В ЕС в инициативах по цифровизации общества большое внимание уделено социальным проблемам и новой политике в сфере занятости. В частности, поставлен вопрос о формировании «европейского образовательного пространства», о широком и активном внедрении модели образования в течение всей жизни. Стратегическая цель – превратить ЕС в мировой центр инноваций и глобального технологического лидера, а уже на этой основе проводить новую политику в области благосостояния. Однако реализация этой цели пока проблематична, ибо идёт вразрез с принципами рыночного хозяйства и со сложившимися методами управления им.

При рассмотрении социальных проблем необходимо учитывать и развитие такого феномена, как сетевая занятость, хотя она ещё не получила значительного распространения. Но развитие таких структур ведёт к трансформации традиционных социально-трудовых отношений, а социальная политика фактически не затрагивает или мало затрагивает эту сферу деятельности, лишая занятых там социальной поддержки.

Необходимо учитывать и неизбежный в этих условиях дальнейший рост социальной дифференциации доходов, а это угроза стабильности. Поэтому для сохранения динамического социального равновесия может потребоваться увеличение социальных расходов государства. А это очередной возможный тупик, ибо в связи с финансовыми проблемами такое увеличение может не состояться в качестве эффективной поддержки гражданам, т. е. не сможет надлежаще выполнить социальные обязательства. Возможность снижения финансирования социальных расходов представляет собой серьёзную проблему, которая повсеместно порождена глобальными факторами, процессами сетевизации и цифровизации общества.

Под прицелом находится действующая модель социального государства и социально-политических отношений на основе консолидации интересов. Современное развитое общество повсеместно в мире опирается на такую консолидацию и без неё эффективно развиваться не может, ибо такова общая конструкция, в основе которой принцип динамического равновесия (социально-экономического и политического). В противном случае потеря равновесия будет генерировать конфликты не только малой, но и большой мощности. И одна из задач государства в том, чтобы его социальная активность не отставала от изменений.

Несмотря на это, попытки подставить под сомнение социальное государство продолжают предприниматься, не утихают политические страсти, идёт непрерывная борьба интересов. Формально цель состоит в том, чтобы заместить большое, но «пассивное» социальное государство, деятельность которого связана с предотвращением бедности и выплатой денежных пособий, «активным» государством, более компактным, экономным, но более эффективным в контексте социальных расходов и результатов, нацеленным на координированное партнёрство в решении проблем благосостояния и развития общества.

Действительно, нынешняя модель социальной политики не вполне соответствует процессам трансформации и, тем более, – грядущим изменениям, так как в условиях сетевого общества целевые группы социальной политики меняются. И правящие круги стремятся изменить её таким образом, чтобы она «способствовала развитию», больше отвечала интересам конкурентоспособности общества, что предполагает изменение политико-экономических и социальных приоритетов. Но новые политические подходы в социальной сфере не сулят ничего хорошего для больших групп работников, обрекая их на дальнейший рост поляризации социального положения и доходов. Технологическая революция, особенно в среднесрочной и долгосрочной перспективе, может привести

к снижению благосостояния значительной части населения в развитых странах. Не удивительно, что в последние годы в странах ЕС вновь реанимирована тема базового безусловного дохода, причём в практической плоскости. Некоторые страны сделали первые шаги в этом направлении, ибо риски политические и социальные также серьёзны.

Между тем во многих странах, включая Россию, уже длительное время растут как бедность, так и богатство; неравенство увеличивается, а социальная политика оказывается не в состоянии эффективно противостоять этому. В этой ситуации политическая власть ставит важную, но парадоксальную и трудновыполнимую задачу – обеспечивать большую включённость граждан и общества в процессы развития.

По сути имеет место кризис управления обществом, ибо в условиях глобального мира, сетевизации и цифровизации государство теряет прежнюю эффективность, оказывается не в состоянии адекватно реагировать на проблемы социального развития. Возникает необходимость перехода к формам управления, лучше адаптированным к новой ситуации. Однако сейчас указанные проблемы – во многом следствие роста конкурентной борьбы на глобальном уровне. Поэтому будущее только за политикой, опирающейся на более широкую поддержку, более значительные ресурсы и большие возможности достижения поставленных целей.

Иными словами, современная политика не может эффективно формироваться и осуществляться иначе как на сетевой основе. Во многих случаях традиционная (иерархическая) модель политики и управления становится в таких условиях менее эффективной. И государство должно объединять усилия, играя роль посредника в соответствующей системе принятия политических решений. Такая политическая сеть может привести к большей социальной эффективности.

В частности, это касается и социальной политики, ибо она должна носить согласительный и координированный характер. Отдельные направления могут формироваться по секторально-сетевому принципу с участием на паритетной основе заинтересованных сторон. Это позволит объединить ресурсы, политический потенциал влияния, профессиональный и политический опыт для эффективного решения проблем общества. Однако это касается прежде всего стратегических вопросов. Естественно, что деятельность таких сетей основана на доверии. Это разрыв с традиционной концепцией, определяющей главенствующую роль государства в социально-политических процессах.

Согласно современному взгляду, управление становится эффективным тогда, когда государство отступает, делается менее значительным и функционирует в сети на паритетной основе с частными интересами. Подобная сеть управления означает коалицию участников с разделением ответственности. Понятие управления с определённого момента рассматривается как часть вопроса о реструктуризации власти, снижении доминантной роли государства в управлении и формировании смешанных сетей управления в рамках государственно-частного партнёрства [Merrien 1998].

Однако, по нашему мнению, характер политического управления прежде всего определяется возможностями государства. Чем оно сильнее, тем более способно проводить автономную, несетевую политику.

С политической точки зрения один из главных вопросов – придание продуктивного характера сетевому обществу, повышение эффективности государственного управления. Это предполагает: 1) развитие электронного управления (более широкая концепция, чем электронное правительство, так как включает участие граждан и формирование политических решений); 2) развитие электронного здравоохранения, образования, социального обеспечения; 3) систему динамического регулирования индустрией коммуникаций, её адаптацию к условиям сетевого общества. В связи с этим происходит развитие интерактивных сетей, что не может не оказывать влияния на характер государственного управления. Как результат, под вопросом оказывается рациональная бюрократическая модель государства индустриальной эпохи, которая вступает в противоречие с процессами развития сетевого общества [The Network Society... 2005: 17].

Современные цифровые технологии, приведшие к формированию и развитию сетевого общества, дают человечеству большие возможности для решения многих социальных и экономических проблем. Главное – открывают возможности значительного роста производительности труда со всеми вытекающими из этого возможностями социального прогресса. Парадокс состоит в том, что технологические трансформации часто обирались для большинства граждан повышенными рисками снижения уровня благосостояния.

Политические отношения в современных условиях в большей степени становятся производными от изменений, которые происходят в экономических и социально-трудовых отношениях. Власть вынуждена перестраиваться, принимать принцип координационной модели политики, когда решения формируются путём согласования позиций. Прежде в силу отсутствия современных средств коммуникации это было сделать трудно, но новые технологии и развитие сетей политических отношений дали такую возможность.

Заключение

Мир вступает в эпоху цифро-сетевого общества, а социальная политика носит традиционный характер, будучи нацелена на проблемы общества индустриальной эпохи.

В ЕС предлагается в этих условиях создавать новую систему социально-экономических и политических отношений, поставив человека в центр технологических изменений, что предполагается подкрепить «новым европейским социальным контрактом», нацеленным на рост участия и доверия граждан. Кроме того, в мире получает развитие концепция «устойчивого благосостояния», которая отражает серьёзный

сдвиг в мировоззрении. Речь идёт о том, чтобы перейти от традиционной конкуренции, нацеленной на лидерство, к новой модели, при которой в социальной политике учитываются проблемы благосостояния в других странах.

Кроме того, необходимо учитывать и противоречивость ситуации, связанной с социально-политическими последствиями цифровой революции. Конечно, бизнес измениться не может, социальные цели ему «привить» невозможно, они – побочный, второстепенный продукт его деятельности. Между тем социальная политика не должна отставать от изменений в базовых сферах, тогда она сохраняет эффективность. В этом плане она нуждается в реструктуризации, чтобы соответствовать требованиям времени. Прежде всего речь идёт о формировании новой рабочей силы, обладающей необходимыми параметрами в соответствии с характером спроса на рынке труда. Политическая власть должна искать ответ и на вопрос роста социального неравенства, и на так называемый «цифровой разрыв». Прежде всего он возможен на пути развития образования, профессиональной подготовки и цифровой грамотности. Всё это затрагивает и концептуальные основы, на которых базируется социальное государство. Перспективная политика в этом плане потребует нового подхода, способного эффективно парировать негативные тенденции в социальном развитии. От новой социальной политики могут выиграть все основные участники социально-политических отношений (граждане, работодатели, государство).

Библиографический список

Colin N., Palier B. 2015. The Next Safety Net. Social Policy for a Digital Age // Foreign Affairs. July/August. P. 29–33. URL: https://www.researchgate.net/profile/Bruno_Palier/publication/287221271_The_Next_Safety_Net_Social_Policy_for_a_Digital_Age/links/56d3043d08ae4d8d64a76a83/The-Next-Safety-Net-Social-Policy-for-a-Digital-Age.pdf?origin=publication_detail (Дата посещения: 28.05.2019).

Herr H., Ruoff B., Salas C. 2014. Labour markets, wage dispersion and union policies // International Journal of Labour Research. Vol. 6. Is. 1. P. 56–74.

How's Life? Measuring well-being. 2011. P.: OECD Publishing. 284 p. <https://dx.doi.org/10.178/9789264121164-en>

Merrien Fr.-X. 1998. Governance and modern welfare states // International Social Science Journal. Vol. 50. Is. 155. P. 57–67.

The Future of Jobs Report 2018. Geneva: World Economic Forum, 2018. 131 p.

The Network Society: From Knowledge to Policy / Castells M., Cardoso G. (eds.). Wash.: John Hopkins Center for Transatlantic Relations, 2005. 434 p.

Under Pressure: The Squeezed Middle Class. P.: OECD Publishing, 2019. 167 p. <https://doi.org/10.1787/689afed1-en>

Статья поступила: 14.06.2019

DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.585

Social Policy Under Conditions of Network Society Development

Victor V. Lyublinskiy

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: lyubl.victor@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-2178-6124

For citation: Lyublinskiy, V. V. Social policy under conditions of network society development. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 22–32. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.585

Abstract. Social issues created by a network/digital transformation of society are coming to the forefront of political relations. Given such conditions, we are witnessing a large-scale renewal of social-professional structure, an escalation of social competition, an increase in social inequality, and a decline in the status of middle-class citizens. In the long run, the technological revolution might lead to a decrease in living standards for a significant part of the population of developed nations. Transformation of employment effectively undermines the current model for social policy, which has traditionally been built around creating new jobs and decreasing unemployment as the main objective of public administration. Since the turn of the century, the former balanced mechanism for developing social policy has been upset, and the equilibrium and stable social model is gradually deteriorating. The current model of a welfare state and social-political relations based on consolidated interests is at risk. All around the world modern advanced society relies on it and cannot adequately evolve without it. And one of the main objectives for a government would be making sure that social activity doesn't lag behind the occurring changes. However, the current social policy model in a number of countries, including Russia, does not fully correspond with the process of rearrangement, since, given the conditions of a network society, social policy's target groups tend to change. Forecasts of development within the social-labor realm are unfavorable for large groups of workers, who will have to deal with further polarization in terms of social standing and income, unless the government and society implement a set of effective measures. We are in need of alternative policy, based on coordinating the activities of the main participants of social-political relations. This will require a new political approach, aimed at providing a dynamic social balance, an increase in prosperity, and a decrease in poverty and inequality. Policy based on wider support, a broader resource base and increased opportunity for accomplishing relevant tasks seems to bear the most promise. Meanwhile the government needs to consolidate efforts, while performing an intermediary role in the respective system for making political decisions. Such a political network might result in increased social efficiency.

Keywords: network society, digitalization, social policy, welfare state, social and political relations, management, employment, welfare, inequality

References

Colin N., Palier B. The Next Safety Net. Social Policy for a Digital Age. Foreign Affairs. 2015; July/August: 29–33. URL: https://www.researchgate.net/publication/287221271_The_Next_Safety_Net_Social_Policy_for_a_Digital_Age [accessed: 09.06.19].

Herr H., Ruoff B., Salas C. Labour markets, wage dispersion and union policies. International Journal of Labour Research, 2014; Vol. 6; Is. 1: 56–74.

How's Life? Measuring well-being. P.: OECD Publishing, 2011: 284 <https://dx.doi.org/10.1787/9789264121164-en>

Merrien Fr.-X. Governance and modern welfare states // International Social Science Journal, 1998; Vol. 50; Is. 155: 57–67.

The Future of Jobs Report 2018. Geneva: World Economic Forum, 2018: 131.

The Network Society: From Knowledge to Policy. Castells M., Cardoso G. (eds.). Washington: John Hopkins Center for Transatlantic Relations, 2005: 434.

Under Pressure: The Squeezed Middle Class. P.: OECD Publishing, 2019. 167. <https://doi.org/10.1787/689afed1-en>

The article was submitted on: 14.06.2019

ТЕМА НОМЕРА

СЕТЕВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАКУРС

DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.586

Культурный капитал и общественные отношения

Ссылка для цитирования: Мантерыс А. Культурный капитал и общественные отношения // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 3. С. 33–43. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.586

For citation: Manterys, A. The informational-communicative risks of actively transitioning political relations to the web. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No 3. P. 33–43. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.584

Мантерыс Александр

Институт политических исследований ПАН,
Варшава, Польша

amanterys@02.pl

Культурный капитал и общественные отношения

Аннотация. Статья посвящена проблемам соотнесения системы ценностей и человеческой деятельности. Автор подходит к анализу вопроса в категориях культурного капитала. Рассмотрению подлежит ключевая составляющая общественного порядка, понимаемого как «складывание отношений высшего и низшего порядков», как вектор ориентации на себя, на своё окружение в социальной группе или сети. В работе сделана попытка определить, из чего состоит культурный капитал в смысле привилегированных и легитимизированных культурных практик. Предполагается, что культура общих ценностей самоценна, если имеет возможность реализоваться в пределах разных типов отношений. Это позволяет предугадывать тренды перемен в межличностных отношениях, обобщив результаты и проведя сравнительный анализ. Подчёркивается, что этот анализ имеет смысл, если проводится в категориях культурного капитала. В этой связи особая роль отводится культурной компетентности. Ценность представляет способность и/или навыки оперировать на практике и в определённых обстоятельствах достижениями культуры в целях конвертирования их в другие типы капитала в дальнейшем. Отмечается, что понимание культурного капитала, его изменений важно для анализа реальных практик, отражающих процессы динамики «достижения, одобрения или отвержения, репродукции или трансформации». Автор подтверждает вывод, к которому пришли известные в этой области знаний западные исследователи, что существует определённая закономерность: либо в обществе формируются особые каналы движения классовых культур с непроницаемыми границами и особыми, относительно автономными стандартами предназначений (вкуса), либо происходит размывание классовых различий. Это не может не повлиять на снижение роли культурного капитала, а значит, на принадлежность к элите. Выдвигается гипотеза о необходимости определения места личности в социальных сетях, принадлежности её к числу тех, кого принято считать представителями «эксклюзивных культур». В противном случае близость к таким сетям означает «низшую культурную компетентность» и слабость позиций в общественной иерархии.

Ключевые слова: социальные сети, социальное окружение, межличностные отношения, культурный капитал, культурная компетентность, эксклюзивный культурный выбор

В каждой культуре существует нормативное упорядочение человеческой деятельности, её соотнесение с системой ценностей. Формируется также соотношение с современной классовой (или статусной) культурой – палитрой различных выборов и оценочных суждений. Правила человеческого поведения всегда соблюдаются – на празднике или в повседневной жизни. Они диктуют экономический выбор, позволяют лучше канализировать энергию, служащую достижению поставленных целей и/или поддержанию благоприятного внешнего вида, имеющего значение в глазах других. Разговор о культуре общих ценностей целесообразен постольку, поскольку будет возможна их реализация в рамках различных типов отношений, начиная с рутины повседневной жизни и кончая взаимодействием без экономических интересов с объектами высокой культуры.

Понимание этой мистерии требует анализа в категориях культурного капитала. Культурная компетентность – это нечто иное, чем простое понимание того, что считается привилегированным, высшим или лучшим. Это принятое в особых ситуациях умение или искусство пользоваться достижениями культуры во имя сохранения позиций, обеспечивающих их конверсию в другие типы капитала. Имеется также в виду и возможность трансформации начальных отношений, преобразования их формы и определения того, что легитимизировано. В более широком смысле – это ключевая составляющая общественного порядка, понимаемого как выстраивание отношений высшего и низшего порядков, как векторы ориентации на себя, на других, на своё окружение в группе или сети, как источник упорядочения, а вместе с тем аналитический ключ, служащий реконструкции образцов межчеловеческих отношений.

Необходимо внимательно рассмотреть возможные аналитические значения термина «культурный капитал» и их применимость, а также определить возможные сценарии использования этого понятия. Анализ концентрируется на определении того, что такое культурный капитал, каковы его размеры, и позволяет формулировать гипотезы.

Культурный капитал

Самое общее определение культурного капитала – это сумма компетенций, изначально позволяющая чётко определить, кто «выше», кто «ниже», а кто «неровня» при фиксации культурных достижений. Знания и компетентность в этой области подтверждаются на практике. Анализ работ Бурдье [Bourdieu 1984; Bourdieu 1986] содержит описание убедительных преимуществ, связанных с составляющими культурного капитала, их стратегического значения в образовательной системе, которое основывается на полученных в семье формах и практиках высокой культуры. «Харизматический» характер высокой культуры, за которым следует совершенствование *savoir faire*, это прежде всего составляющая классового определения тех, кто вырос в так называемом натуральном окружении форм и практик высокой культуры. Это подразуме-

вадет вместе с тем придание качества легитимизированной «высоты» или «преимущества» тому, что трансцендентно и внеэкономически выражается в абстрактных категориях в сравнении с тем, что приземлено и связано с развлечениями и конкретикой повседневной жизни.

Сосредоточение на понимании культурного капитала в категориях компетентного потребления культуры необходимо, это является исходной позицией при анализе изменений его смысла, значения и соотношения с другими формами капитала. Такие процессы могут трактоваться как действительные практики, демонстрирующие динамику достижения, одобрения или отвержения, репродукции, трансформации [Bennett 2006: 7–14].

Смысл использования термина «капитал» [Bourdieu 1986: 46–47] предполагает понимание социального мира в категориях исторического накопления и преемственности. Капитал можно трактовать как силу, вписанную в объективные и субъективные структуры, потенциал мобилизации общественной энергии, конкретизирующийся в деяниях действующих субъектов, и как принцип, который определяет правила социальной игры. Капитал может быть аккумулирован, использован для получения выгоды, распределён в отдельных сегментах общества. Он создаёт сеть принуждений и возможностей, прочерчивает орбиты и траектории социальных практик, а также определяет шансы реализации тех или иных мероприятий. Его характеризует относительная устойчивость, которая является функцией его накопления и воспроизведения, а также возможности трансформации. Благодаря этому возникает шанс на создание новых сценариев социальных практик. Капитал при этом проявляет способность трансформировать свою субстанцию, может превращаться в нематериальные формы, обретать внеэкономические достоинства или неинструментальные свойства.

Свойство чистого бескорыстия функционально необходимо для инструментальных и экономических действий – как направленных на получение прибыли, так и на экономию при меркантильных практиках. Тотальность практик содержит в себе то, что воспринимается как внеэкономическое (хотя может выражаться и в деньгах, иметь свою цену), несмотря на то что является действительной силой и содержит результат активности человека, несводимый к праву распоряжения частной собственностью.

Культурный капитал, по утверждению Бурдьё [Bourdieu 1986: 247–250], это институционализированная форма воспитательных квалификаций, отдельные разновидности или конкретизации которой могут быть преобразованы в экономический капитал; например, плата за произведение искусства или высокие заработки профессионала. Этот капитал имеет три формы. Первая из них – воплощённый, реализованный культурный капитал – требует длительных усилий ума и тела. Накопление этой разновидности культурного капитала предполагает усилия (например, работу или тренировку) для получения компетенций легитимизированного участия в культуре, включение и ассимиляцию

того, что доступно как объект культуры. Эти усилия направлены на субъекты культуры; они являются личной инвестицией (или ценой, конкретизацией, по определению Бурдьё), социально конституированной формой либидо, канализирующей усилия тех, кто намерен (часто ценой большого труда и самоотдачи) выполнять установленные культурные стандарты. Воздействие этого процесса на соответствие навязанным сверху критериям усиливает позитивную оценку прививки и ассимиляции культуры, труда и самоотверженности.

Этот капитал часто функционирует как символический капитал, как маркер компетентности, авторитета или иных нестандартных показателей. Неравномерное распределение уровней капитала отражает логику соперничества, борьбы, согласно правилам воспроизводства и занятия более высоких позиций в иерархии. Этот процесс эффективнее всего проходит в семьях вкупе с высоким/сильным культурным капиталом. Он отражается на различиях в сроках этого процесса, продолжительности и эффективности достижения специфически высоких требований культуры, а также благодаря возможности посвящать свободное время овладению этими высотами, но не повседневной экономической необходимостью.

Другой облик культурного капитала, объективированный и материализованный, – это культурный реквизит, материальные объекты СМИ. Их связь с реальным капиталом очевидна. Владение этими предметами и средствами массовой информации может иметь экономический (материальный) характер, в смысле владения собственностью, или символический характер, что требует культурной компетентности отдельных лиц или групп. Например, в случае обслуживания сложного технического инструментария, управления кадрами или экспертизы произведений искусства. Вообще, это способность использовать «средства производства», реализующаяся по собственным законам с учётом доминирования участников согласно степени их компетентности в сфере культуры [Bourdieu, Passeron 1990: 50–51].

Культурный капитал – в значительной мере результат экономического капитала (как и социального, в смысле связей в сети институализированных отношений, опирающихся на знакомства, признание и взаимные обязательства). Конверсии между капиталами требуют трансформации в процессах социального обмена и никогда не сводятся ни к чисто экономическим сделкам, ни к коммуникациям. Адекватной мерой культурного капитала являются время и энергия, необходимые для его приобретения или получения, а также экономический капитал, производный от конверсии. И это не только свободное время, которое может быть посвящено, например, воспитанию детей, но также и время компетенций, которые можно купить у других агентов конверсии.

Трансмиссия культурного капитала, подтверждённая в категориях, легитимизированных образовательной и академической квалификацией, даёт право доступа к ценностным, часто доминирующим позициям. Такая конверсия затрудняет простое наследование привилегий доминирую-

щими классами и различными ветвями власти. Образовательная система как один из инструментов воспроизводства, поддерживаемая унифицированным рынком квалификаций, увеличивает значение культурного капитала в сфере социальной репродукции, создаёт барьеры для непосредственной (или простой) конверсии экономических или социальных активов в культурные [Bourdieu, Passeron 1990: 51–55].

Культура и классовая система

Другие авторы [Lamont, Lareau 1988: 154–156; Lamont 2012; Lareau, Weininger 2003] в связи с выводами Бурдьё не без оснований замечают, что концепт культурного капитала демонстрирует воздействие культуры на классовую систему. Это воздействие формирует связи между деятельностью и социальной структурой, создаёт структурные обстоятельства, в которых воспитательная система воспроизводит межклассовые отношения власти и символические связи как раз через трансмиссию составляющих культуры. Институционализация образцов культуры сама по себе не дискриминирует личность, хотя часто оказывается таковой для отдельных людей; она нацелена прежде всего на укоренение рутинной повседневности.

Культурный капитал не является монолитом. Он должен быть расписан по нескольким существенным показателям и аспектам. Даже если ограничиться официальной формулировкой, что он состоит из нескольких неформальных академических стандартов. Это может означать и фактически означает множество позиций, предпочтений, вариантов поведения и культурного багажа, которые считаются атрибутами господствующего класса. Речь не идёт исключительно о таких атрибутах, как уровень образования и академизм, правильная речь, стиль поведения, которому свойственны натуральность, креативность, блеск и так называемое изящество. Речь о том, что это составляющие части культурного капитала, т. е. вкус, манеры, личный стиль – составляющие элементы классового этоса. При другом подходе вкус рассматривается как конгломерат позиций, предпочтений, моделей поведения, которые, скорее, являются показателями и основой социальной селекции. И, наконец, культурный капитал можно рассматривать как источник власти в техническом, научном, экономическом или политическом измерениях. Власть обеспечивает или, по крайней мере, облегчает доступ к организаторским позициям, а также является показателем занимаемых классовых позиций.

Этому сопутствуют методологические проблемы, как верно замечают учёные [Lamont, Lareau 1988: 157–158]. Классификация этой или иной культурной практики, «выступления» той или иной особы, имитирующей культурные «сигналы», не может быть произведена в отрыве от так называемого общего культурного капитала. Его, в свою очередь, следует рассматривать в категориях стандартов среды этой особы, что также означает определение ранга или ценности отдельных сигналов, их

«кодирования» в культурных ресурсах окружения, а также установления, какие из них свидетельствуют об эксклюзивности, а какие употребляются повседневно и не носят статусного характера.

Идентификация стилей жизни и предпочтений относительно проста, но её точность обычно проявляется в составляющих культуры потребления. Имеется в виду то, что необходимо для жизни – одежда, пища, развлечения, «ценимые» личные предметы и эстетические предпочтения. Маркер культурной легитимации не встроен обычно в детали стиля жизни, но содержится и подтверждается в структурных бинарных противопоставлениях, образующих сетку отношений: высокое – низкое, изысканное – вульгарное, эстетическое – повседневное. Это, согласно Бурдьё [Bourdieu 1984 (1979): 244–256], социальное пространство символических битв или столкновений как за присвоение престижных знаков преимущества или превосходства, так и эпитетов – «народный», «низкий», «вульгарный» или «обыденный».

В дефиниции культурного капитала учёные [Lamont, Lareau 1988: 156–157] делают упор на высокостатусные культурные сигналы: позиции, предпочтения, формальное знание, поведение, имущество и квалификации. Эти свойства институционализированы, поэтому широко разделяемы и могут служить инструментами исключения из определённых занятий. Они также символизируют принадлежность к группам с высоким статусом. Такое самоограничение смягчает возможные терминологические ошибки и одновременно сохраняет структуралистское направление анализа. Существенно знание о том, что важно (позиции), что и как потребляется и оценивается (формальное знание); как определять, что лучше и почему лучше (предпочтения и позиции); как с сохранением канонов хорошего вкуса потреблять еду (поведение и позиции), а также осознавать важность самоконтроля при потреблении алкоголя, предметов роскоши, ведении здорового образа жизни, в заботе о сохранении своего облика, умении вести разговор и соответствующе вести себя в различных ситуациях, наличии академических или экспертных знаний, всестороннего образования или способности к эстетической восприимчивости.

Те или иные сигналы, хотя они касаются личности, являются маркерами статуса постольку, поскольку они институализированы и являются точкой отсчёта для более широкой группы. Её члены относительно одинаково ранжируют отдельные сигналы как составляющую легитимации культуры в категориях того, что важно, престижно, достойно уважения. Однако представители низших классов исключаются из участия в практиках среднего класса [Lamont, Lareau 1988: 156–157]. В этом смысле капитал определяет место в пространстве социальных позиций, близости и отдалённости, привилегированности, но также допускает и возможность существования социальных лифтов.

Авторы отмечают присутствие «исключений» в работах Бурдьё, имеющих три главные формы [Lamont, Lareau 1988: 158–159]. Первая из них – это самовыключение, т. е. признание того, что нет нужных компетенций, чтобы присоединиться к определённой группе или среде,

обычно из-за недостаточного знания или «овладения» определёнными культурными нормами. Вторая – это чрезмерная селекция, т. е. ситуация, в которой от нерасполагающих ценными культурными ресурсами требуют того же самого, что и от привилегированных, что вынуждает более «слабых» в культурном отношении людей прилагать больше усилий. Третья форма означает ситуацию, в которой более слабо подготовленные в культурном отношении единицы, несмотря на все усилия, не занимают ожидаемых позиций, ощущая это как потерю из-за неудачной образовательной инвестиции.

Эти три формы исключения имеют косвенный характер. Исключение, наряду с символическим капиталом, формирует человеческие начинания, легитимизируя признание определённых культурных форм и практик, одновременно устанавливая институциональные нормы поведения и доступа к ресурсам. Такой тип контроля считается естественным, являя собой источник символического насилия. Другие аспекты власти касаются возможности получения культурного капитала в процессе конверсии в другие формы капитала. И тут обнаруживается особенность в теоретических размышлениях Бурдье. Хотя метафора идеального рынка с его максимализацией ресурсов и трактовкой капиталов как обобщённых средств обмена очевидна, дело не сводится к экономическим и материальным «выплатам». Достоинством идеи, высказанной Бурдье, является привлечение внимания к конверсии капитала в капитал символический. То есть к ресурсам, связанным с легитимизацией и престижем. Это порождает очередные сложности, когда мы имеем дело с обществами, в которых культурный консенсус слаб или неустойчив и фрагментирован.

Заключение

Если признать, что культурный капитал может и дальше служить инструментом изысканности, необходимо определить, из чего он состоит в смысле привилегированных и легитимизированных культурных практик. Сначала нужно установить частоту выбора таких практик, которые «традиционно» считаются относящимися к сфере потребления высокой культуры. Важно установить, из чего состоят «сигналы» высокого культурного статуса, которые могут превращаться в успех или достоинство на уровне организаций, начиная со школ и кончая структурами, которые обеспечивают доступ к высоко оцениваемым позициям. Первая задача – это подсчёт числа выборов в рамках бинарного соотношения между тем, что считается «высоким» и «низким», чтобы можно было сравнить с результатами выборов в других странах, а также в будущем. Это позволяет примерно предугадать тренды перемен, установить, происходят ли они в том же направлении, есть ли темпоральные различия.

Очередной шаг – это попытка обобщить их результаты с аналогичным намерением провести сравнение и выявить основные векторы перемен. Речь идёт об определении классовых преимуществ (или стилей) и сопровождающих их практик, а также об установлении, какие из них свидетельствовали и теперь свидетельствуют об их исключительности. Эта реконструкция стилей означает также включение других атрибутов, особенно образования и состоятельности, а также определения характера контактов с другими группами. В результате мы вновь обращаемся к вопросу о силе конверсии культурного капитала как «здесь и сейчас», так и в сравнительной перспективе. Словом, что именно сейчас является каноном хорошего тона, становится ли образование фактором включённости в состав высшего класса? Или же такую включённость обеспечивают только некоторые типы образования, а также сильная трансмиссия капитала в семье, подкрепляемая или награждаемая системой воспитания?

Очередная группа проблем касается вопроса, насколько и в какой степени стили низших классов и далее будут трактоваться как зависимые, определяться как отступление от стиля высшего класса. Другими словами, можно ли, несмотря на изменение процессов включения и исключения, говорить о разделении на потребителей высокой и обыденной культур. Соответствует ли этому относительно унифицированный облик (профиль) высшего класса, являющегося распорядителем ценностных ресурсов, и низшего класса – пассивного потребителя этих ресурсов по каналам легитимизированной и привилегированной трансмиссии и конверсии? Или, другими словами, если перефразировать изречение автора [Hechter 2004: 400–445], формируются ли особые каналы движения классовых культур с непроницаемыми границами и особыми, относительно автономными стандартами вкуса? Или наступает размывание классовых различий, а тем самым уменьшение роли культурного капитала, владение которым является составной частью, как это определил Веблен, потреблением напоказ, определённым блеском, основой которого является не культурная компетентность, но «твёрдое» свидетельство состоятельности и принадлежности к элите? [Veblen 1918].

Так или иначе, требуется определение места личности в социальных сетях, принадлежности (или притязания на это) к числу тех, кто считается эксклюзивными. Необходимо также определиться, означает ли отсутствие принадлежности к такому роду сетей (или претензий на это) низшую культурную компетентность и слабость позиций? Или же это свидетельствует о формировании альтернативных сценариев борьбы за позиции, о множественности потенциальных эксклюзивных культур, либо об определённого рода культурной аномии? И далее: действительно ли и в какой степени всеохватная «сетевизация» личностей, гомофилия свойственного им социального окружения формируются согласно практической логике эксклюзивных или неэксклюзивных культурных выборов?

Библиографический список

Bennett T. 2006. Postscript: Cultural Capital and Inequality. *Refining the Police Calculus // Cultural Trends*. № 15 (2/3). P. 7–14.

Bourdieu P. 1984. *Distinction: A sociological critique of the judgement of taste*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 640 p.

Bourdieu P. 1986. The forms of capital // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* / Ed. by John E. Richardson. N. Y.: Greenwood Press. P. 241–258.

Bourdieu P., Passeron C. 1990. *Reproduction in education, society and culture*. London: Sage Publications. P. 50–51.

Hechter M. 2004. From class to culture // *American Journal of Sociology*. № 110 (2). P. 400–445.

Lareau A. 1988. Cultural capital: Allusions, gaps and glissandos in recent theoretical developments // *Sociological Theory*. № 6 (2). P. 153–168.

Lamont M. 2012. How has Bourdieu been good to think with? The case of the United States // *Sociological Forum*. № 27 (1). P. 228–237.

Lareau A., Weininger E. 2003. Cultural capital in educational research: A critical assessment // *Theory and Society*. № 32 (5/6). P. 567–606.

Veblen T. 1918. *The theory of the leisure class: An economic study of institutions*. N. Y.: B. W. Huebsch. 339 p.

Статья поступила: 14.06.2019

DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.586

Cultural Capital and Public Relations

Alexander Manterys

Institute of Political Studies of Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland

E-mail: amanterys@02.pl

For citation: Manterys, A. The informational-communicative risks of actively transitioning political relations to the web. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 33–43. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.584

Abstract. This article focuses on problems with correlating a value system to human activity. The author approaches analyzing this issue in terms of cultural capital. Subject to examination is the key component of social order, which can be described as “developing relations of the highest and lowest order”, as orientation towards oneself of one’s community in a social group or network. This work attempts to define what social capital consists of in terms of privileged and legitimized cultural practices. Presumably a culture of common values bears self-worth if it can be materialized within the boundaries of various types of relations. This allows for predicting trends of change in interpersonal relationships, by means of generalizing the results and conducting comparative analysis. Highlighted is the fact that such analysis makes sense if it were to be conducted in terms of cultural capital. As such, a special role is assigned to cultural competence. The ability and/or skills in practically using cultural achievements under certain conditions, with the goal of converting them into other types of capital later down the line, are especially valuable. Also noted is the fact that an understanding of cultural capital, as well as its transformations, is vital for analyzing actual practices which reflect the processes of the “achievements, approval or rejection, reproduction or transformation” dynamic. The author confirms the conclusion which had already been drawn by foreign scientists who are well-known in this field of knowledge, namely that there exists a certain pattern: either society brings forth specific channels for the flow of class cultures with their impenetrable boundaries, their peculiar and somewhat autonomous standards of purpose (of taste), or a dilution of class distinctions occurs. This inevitably has an effect on

the decline of the role of cultural capital, and therefore on belonging to the elite. A hypothesis is brought forth about the need to define a person's place within social networks, their affiliation with those who are typically considered to be members of "exclusive cultures". Otherwise a connection to such networks implies the "lowest level of cultural competence" and an unfavorable place in the social hierarchy.

Keywords: social networks, social environment, interpersonal relations, cultural capital, cultural competence, exclusive and non-exclusive cultural choice

References

Bennett T. Postscript: cultural capital and inequality. Refining the police calculus. *Cultural Trends*, 2006; 15 (2/3): 7–14.

Bourdieu P. *Distinction: A social critique of the judgement of taste*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984: 640.

Bourdieu P. The forms of capital. In: *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Ed. by John E. Richardson. New York: Greenwood Press, 1986: 241–258.

Bourdieu P., Passeron C. *Reproduction in education, society and culture*. London: Sage Publications, 1990: 50–51.

Hechter M. From class to culture. *American Journal of Sociology*, 2004; 110 (2): 400–445.

Lareau A. Cultural capital: Allusions, gaps and glissandos in recent theoretical developments. *Sociological Theory*, 1988; 6 (2): 153–168.

Lamont M. How has Bourdieu been good to think with? The case of the United States. *Sociological Forum*, 2012; 27 (1): 228–237.

Lareau A., Weininger E. Cultural capital in educational research: A critical assessment. *Theory and Society*, 2003; 32 (5/6): 567–606.

Veblen T. *The Theory of the leisure class: A economic study of institutions*. New York: B. W. Huebsch, 1918.

The article was submitted on: 14.06.2019

ТЕМА НОМЕРА

СЕТЕВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАКУРС

DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.587

Значимость прошлого и отношения в социальных сетях

Ссылка для цитирования: : Шпочиньски А. Значимость прошлого и отношения в социальных сетях // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 3. С. 44–58. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.587

For citation: Spoczynski, A. The importance of the past and relationships in social networks. *Vestnik instituta soziologii*. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 44–58. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.587

Шпочиньски Анджей

Институт политических исследований ПАН,
Варшава, Польша

aszproc@02.pl

Значимость прошлого и отношения в социальных сетях

Аннотация. Через призму теории социальной памяти в статье рассматриваются вопросы интеграции сообществ в контексте воспитания чувства близости и связей в сетевом обществе. Автор размышляет о соотношении значимости прошлого на макро- и микроуровнях. Перед исследователем стоит задача отобразить роль сети в формировании индивидуальной и коллективной идентичностей, сосредоточившись на следующих проблемах: если прошлое играет столь существенную роль в интеграционных процессах на макроуровне, то является ли оно столь же важным на микроуровне; обращения к прошлому формируются или поддерживаются в сетях; является ли «сетевость» в коллективной памяти эффективным механизмом формирования позиций и установок. То есть ставится вопрос о значимости (или отсутствием важности) опыта прошлого (памяти общества). В статье представлены механизмы интегрирования общества при помощи напоминаний о прошлом, а также на основе анализа опросов последних двадцати лет показано, как в общественном сознании функционировали отдельные события из новейшей истории Польши. Автор представляет интерпретации, гипотезы, аргументы и контраргументы, касающиеся связи между сетевым характером общественной жизни и формированием различных вариантов отношения к прошлому. В результате проведённого исследования констатируется, что участие в сети очень слабо влияет на интерпретацию событий недавнего прошлого. Отмечается также, что наиболее достоверным источником знаний о прошлом являются непосредственные участники событий. Таким образом подтверждается гипотеза о том, что современные сети обладают влиянием на выбор традиций, а, следовательно, и на их трансформацию на макроуровне.

Ключевые слова: значимость прошлого, традиции, сети, сетевое общество, «сетевость», социальные связи, коллективная память

В теориях социальной (коллективной) памяти принято считать, что одной из главных функций является интеграция сообществ, которые адресуются к прошлому [Halbwachs 1969; Szacka 2006; Szpociński 2007: 25–43]. Эффектом интеграции является создание чувства близости и связей в обществе. Одним из механизмов создания и поддержания этого чувства выступает «сетевость» общественной жизни, т. е. функционирование единицы в сети её контактов с другими оказывает значительное, независимое от других индивидуальных атрибутов влияние на формирование ею позиций и компетентности, определяющих затем предпочтения, выборы и поведение¹. Показать, что мы имеем дело с реальным влиянием «присутствия в сети», а не влиянием иного рода, методологически и теоретически трудно. Особенно сложно это сделать в случае необходимости отразить роль сети в отношении элементов памяти общества. Ибо речь идёт о взглядах, позициях и установках, которые не обязательно являются центральными для формирования индивидуальной и коллективной идентичности. «Нахождение в сети» может не иметь центрального значения для их возникновения и поддержания. Укоренившаяся в концепциях коллективной памяти, выходящая за эмпирический материал интерпретация установленной зависимости в этом контексте имеет особое значение в качестве инструментария при проведении аналитического исследования.

Сосредоточимся на следующих проблемах: если прошлое играет столь существенную роль в интеграционных процессах на макроуровне, то является ли оно столь же важным на микроуровне; формируются либо поддерживаются в сетях обращения к прошлому; является ли «сетевость» в коллективной памяти эффективным механизмом формирования позиций и установок?

С точки зрения эвристики стоит несколько модифицировать вопрос и спросить не только о том, так ли это, но и в каких ситуациях соотношение с прошлым так важно. То, что кажется небольшим переформатированием, приводит к необходимости внесения уточнений, прежде всего касающихся упомянутой выше значимости прошлого. Тут речь идёт не столько о более точном определении этого понятия, сколько о его операционализации: как в конкретном случае констатировать, что мы имеем дело со значимостью (или отсутствием важности) опыта прошлого.

На теоретическом уровне эта проблема решается легко. Считается, что опыт прошлого (память общества) важен, когда он является существенной составляющей экзистенционального выбора, а не только знания (информации) о тех или иных событиях. Трудности появляются тогда, когда мы хотим перейти с теоретического уровня на уровень эмпирических решений, когда пытаемся переложить экзистенциональные проблемы на уровень конкретных операций. При стандартных опросах в такой ситуации обычно задаётся прямой вопрос: «По вашему мнению, является ли прошлое источником принятия важных жизненных

¹ Другой важной функцией социальной памяти, по нашему мнению, является легитимация общественного порядка.

решений?». Не ставя под сомнение значение подобного рода вопросов, можно принять, что обследование людей в сетях открывает новые возможности понимания того, что события из прошлого – источник важных экзистенциальных решений, интерпретация которых близкими не безразлична для наших с ними отношений. Малозначительные события не столь существенны не только для нашего повседневного выбора, но и для формирования нашего отношения с другими.

Статья состоит из трёх частей. В первой представлены механизмы интегрирования общества при помощи напоминаний о прошлом. Во второй на материалах наших исследований и анализа других опросов последних двадцати лет показано, как в общественном сознании функционировали отдельные события из новейшей истории Польши. В третьей части, детализируя исследования проекта «Люди в сетях» [Ludzie w sieciach... 2018], представлены интерпретации, гипотезы, аргументы и контраргументы, касающиеся связи между сетевым характером общественной жизни и формированием различных вариантов отношения к прошлому.

Прошлое как фактор интеграции

В прежних исследованиях интеграционные функции социальной памяти не являлись исследовательской проблемой – их принимали как аксиому. Интегральная функция памяти трактовалась (и являлась) объясняющей переменной, а не переменной объяснения [Szpociński 1989]. Другая характерная черта этих исследований заключается в том, что предметом изучения выступает интеграция на макроуровне, прежде всего на уровне национального сообщества (хотя это не констатируется *ekspresis verbis*). Данного уровня почти во всех исследованиях касаются такие вопросы, как: «Какие годовщины, по вашему мнению, должны отмечаться в нашей стране особенно торжественно?»; «Как вы считаете, в нашей истории были такие личности, которыми мы можем гордиться?»; «Были ли в нашей истории такие события, которыми мы можем гордиться?». Это, несомненно, вопросы о мнениях, позициях респондента, который позиционируется как член национального сообщества. В результате социальная действительность, относительно которой собираются эмпирические данные, определяется как действительность, рассматриваемая единицей с макроперспективой. Однако это не единственная социальная действительность, воспринимаемая единицей. Я попробую описать интеграционно-дезинтеграционный механизм масштаба макро, который появляется в традиционных исследованиях памяти о прошлом, чтобы на этом фоне затем показать специфику памяти о прошлом на микроуровне.

Одним из важнейших пунктов в традиционных исследованиях является реконструкция признаваемых и отвергаемых (ценных, дающих поводы для гордости или стыда) в данной социальной группе (чаще всего

это национальное сообщество) важных событий, личностей, артефактов. Как правило, это именуется культурным (историческим) канон [Por. hasła kanon... 2014]. Элементы канона выполняют двоякую функцию: они являются собранием символов коллективной идентификации, а также носителями идейных и поведенческих ценностей, которые из-за их канонического характера признаются особо ценными для сообщества. Интеграция вокруг канона может проходить на двух уровнях – уровне носителей и уровне приписываемых им ценностей.

Современные народы представляют собой сильно дифференцированные сообщества в различных смыслах, в том числе культурном, идеологическом, политическом. Как это возможно, что в таких плюралистических обществах социальная память, как правило, является интегрирующим фактором? Так происходит потому, что культурный канон (примерно то, что чаще всего спрашивают о значимых личностях и событиях) в общественном сознании функционирует как фонд ресурсов, из которого индивиды выбирают то, что помогает им лично делать упорядоченный выбор. Иерархичное упорядочение канона, которое описывается в докладах об исследованиях, это артефакт – усреднённый результат многих различных индивидуальных упорядочений. Более точные исследования показывают, что мы имеем дело не с однородным линейным упорядочением, но с синдромами традиций. Барбара Шацкая в своём классическом исследовании об отношении польской интеллигенции к прошлому показала, что в польской культуре мы имеем дело с четырьмя синдромами традиций: традиций борьбы за национальное и социальное освобождение, традиций государственной организации (в двух версиях – вооружённой борьбы и мирного строительства), а также синдромом культурных традиций [Szacka 1972: 36–46].

Интеграция как чувство связи с другими формируется не как следствие убеждённости, что и другие делают идентичный выбор, но как убеждение, что они сделают выбор из того же фонда ресурсов. Иначе говоря, интегрирующим фактором является убеждение, что существует какая-то общенациональная культура [Kłoskowską 1996]. Принимая такой подход, нужно также признать, что интеграционные функции могут исполнять не только «сильные» каноны точно определённого состава и с однозначно определёнными ценностями, приписываемыми отдельным элементам (или их интерпретация), но также и самый слабый вид канона, в котором ничто чётко не определено – ни состав, ни ценности. Единственное, что он содержит – это убеждение, что такой канон существует, а его элементы являются носителями каких-то ценностей, а каких – надо устанавливать каждый раз [Czy kryzys kanonu 1997: 98–117]. Такой тип канона может интегрировать даже очень дифференцированные плюралистические сообщества.

Представленный механизм интеграции на макроуровне не обязательно подразумевает «сетевость», но её и не исключает: она может и усиливать, и ослаблять стимулируемые ею процессы. Много говорит за то, что «сетевость» может иметь большое значение для хода процессов на

микроуровне. Дело прежде всего в том, вокруг каких носителей символов и ценностей проходит интеграция. В прежних исследованиях заведомо принималось, что наши индивидуальные выборы определяет культура.

Внимание ко всевозрастающей роли «сетевости» заставляет рассматривать наши индивидуальные сети как одну из основных детерминант индивидуального выбора традиций. Это подкрепляется важными аргументами. Речь идёт о личных нарративах идентичности и автобиографической памяти в её конструировании. «Бытие меняет форму через рефлексии относительно конфигураций нарративного начала» – писал Поль Рикёр [Ricoeur 2008]. С точки зрения моих интересов важно не столько обратить внимание на изменение конструируемых идентичностей, сколько на нарративный характер этого процесса. Наррация, на что обращают внимание как философы истории, так и авторы биографических исследований, влияет не на «натуральный» характер личности, а на культурный. Помня или рассказывая (себе или другим) о прошлом, личность пользуется принятыми в культуре данного общества интерпретационными схемами, модифицируя их. Учёт сетевого характера социальной реальности предписывает остановиться на роли индивидуальных сетей в процессе создания нарратива. Прежде всего – в отношении личностной автобиографической памяти, а как следствие – в более широкой социальной памяти сообщества.

Мнения о событиях недавнего прошлого в общественном сознании

В проекте «Люди в сетях» мы спрашивали о важных событиях недавнего прошлого: военное положение, Круглый стол, роль Костёла в свержении коммунизма¹, польза для Польши от вступления в Евросоюз, а также цена приватизации 1990-х гг. Прежде чем перейти к этим событиям, я бы хотел, ссылаясь на существующее состояние исследований, дать краткий обзор общественного мнения по этому вопросу.

Через 15 лет после введения военного положения 65% респондентов считали, что это защитило нас от вторжения СССР, одна треть были противоположного мнения [ОВОР 1996]. В 2016 г. те, кто не находили такого основания, по-прежнему оставались в меньшинстве. Таково было мнение 28% опрошенных, в то время как для 43% это решение представлялось верным, а 29% затруднились с однозначным ответом [TNS 2016].

¹ ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПНР было введено 13 декабря 1981 г. в связи с назначением на 17 декабря всеобщей забастовки, грозившей перерасти в кровавые столкновения в стране и вооружённую интервенцию войск ОВД; КОСТЕЛ (КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ) сыграл важную роль в предотвращении эскалации конфликта в стране: примас архиепископ Ю. Глемп поддерживал мирные инициативы президента В. Ярузельского. Священники представляли храмы для проведения мероприятий оппозиции как «выпуска пара» протестных настроений; 3. КРУГЛЫЙ СТОЛ в ПНР – переговоры в феврале-апреле 1989 г. между властями ПНР и оппозиционным профсоюзом «Солидарность», приведшие к согласию сторон и проведению глубоких политических и экономических преобразований.

Расхождение мнений также существует в отношении Круглого стола. В 1989 г. результаты его работы оценивали позитивно 60% поляков. В исследованиях CBOS [CBOS 2014] в 25-ю годовщину его работы оценка существенно не изменилась: позитивно её оценивали 42%, негативно – 10, затруднились что-либо сказать 11, а 37% сказали, что это их не интересует.

Мнения об обоих событиях расходятся, а, следовательно, в значительной степени они конфликтогенны. Конфликтогенна также оценка роли Костёла в процессе демонтажа коммунизма. В исследованиях 1995 г. позитивно о ней высказались 36%, негативно – 33 [ОВОР 1989].

Менее дифференцированы, а, следовательно, потенциально менее конфликтогенны оценки плюсов от вступления в Евросоюз. В этом случае явно преобладают позитивные оценки. В исследованиях 2012 г. [CBOS 2014] на вопрос «Считаете ли вы членство нашей страны в ЕС в целом чем-то позитивным или негативным?» 56% ответили положительно, 11 – негативно, 29 – ни хорошо, ни плохо, а 4% не имели мнения на эту тему.

В отношении приватизации трудно найти более ранние исследования, которые можно было бы сопоставить с данными нашего проекта «Люди в сетях».

Результаты исследований в значительной степени совпадают с приводимыми примерными результатами. Если взять во внимание ответы его, то далеко идущее совпадение можно отметить в случае вопросов о введении военного положения, о роли Костёла и оценки роли ЕС для развития Польши. На вопрос об обоснованности введения военного положения 43% ответили положительно, 19 – негативно, а 39% выбрали ответ «трудно сказать». На вопрос, связано ли развитие Польши в последние 11 лет в основном с членством в ЕС, 72% выбрали ответ «да», 12 – «нет», а 16% затруднились с ответом. На вопрос о позитивной роли католического Костёла 33% согласилось с постановкой вопроса, 33 – нет, а 34% выбрали ответ «трудно сказать». На вопрос, были ли заседания Круглого стола изменой идеалам «Солидарности», 20% респондентов ответили «да», 31% дали отрицательный ответ, 49% выбрали позицию «трудно ответить». На вопрос, была ли приватизация начала 1990-х гг. «грабежом национального достояния», 55% согласились, 15% нет, а 30% не нашли ответа.

Таким образом, следует констатировать, что представленные выше результаты исследований «Люди в сетях» приближаются к результатам более ранних зондажей. Это свидетельствует о том, что мы имеем дело с прочными, хорошо укоренёнными в общественном сознании тенденциями. На что следует обратить внимание, – это высокая степень расслоения мнений об интересующих нас событиях. В основном – относительно Круглого стола. В отношении ЕС существует укоренившееся согласие. С учётом дифференциации мнений военное положение занимает среднюю позицию между Круглым столом и Костёлом, с одной стороны, и между ЕС и приватизацией – с другой, но ближе ко второму случаю.

Вышесказанное имеет отношение к моим последующим исследованиям на тему роли отношения (общественной памяти) к прошлому. Если понимать «сетевость» как выработку взглядов (убеждений) с учётом погружения в такую, а не иную сеть межлических отношений, то исследователю её легче анализировать тогда, когда в сообществе существует большая дифференциация взглядов. В ситуации, когда большинство мыслит одинаково (а это так в случае оценки роли ЕС, а также в известной степени – приватизации и обоснованности введения военного положения), трудно сделать вывод, из чего вытекает совпадение взглядов – из участия в конкретной сети, или из факта, что все индивидуальные сети подчинены одинаково «стандартизирующему» воздействию на мнения. С этой точки зрения для меня самые интересные случаи – это мнения о Круглом Столе и роли Костёла.

Совпадение мнений *alter* и *ego*. Результаты, интерпретации, гипотезы, аргументы и контраргументы

В проекте «Люди в сетях» был применён метод, благодаря которому получены новые данные. Наши исследования проводились в двух фазах. В первой фазе на вопросы, сформулированные в анкете, отвечал основной респондент, назовём его *ego* (Я). Во второй те же самые вопросы были адресованы тем, кого *ego* указывал в качестве элементов сети близких ему людей (вне семьи). Мы их называем *alter* (другие). Такой способ сбора данных позволил нам исследовать, в какой степени лица, признаваемые близкими, подобны ему (ей) с точки зрения возраста, воспитания, доходов, взглядов, позиции, поведения и других характеристик.

Результаты такого рода сравнений – основа для интерпретаций, допущений и взвешивания обоснованности аргументов, определяющих значимость сетевых аспектов действительности в формировании единомыслия и взаимодействия между людьми. Хотя я ссылаюсь на статистику в процентах, всё же я не провожу основательного количественного анализа, но стараюсь интерпретировать (в контексте своего знания о социальной памяти) гомо- и гетерофоничность социальной памяти в личных отношениях, центральным пунктом в которых является *ego*. При исследовании отношения к прошлому применение такого метода позволяет добраться до неисследованного ранее уровня явлений: а именно – до мнения о событиях прошлого, свободного от давления коллективного контекста; в перспективе респонденты в стандартных исследованиях должны интерпретировать это прошлое.

Можем ли мы обоснованно интерпретировать мнение о недавнем прошлом в категориях единомыслия и взаимовосприятия, обусловленного сетевизацией общественной жизни?¹. Я исхожу из того, что чем

¹ Говоря здесь о прошлом, я имею в виду новейшее прошлое – то, о котором мы спрашивали в наших исследованиях.

больше гомофоничность позиций по отношению к прошлому или сходства мнений *ego* и *alter*, тем в большей степени отношение к прошлому возникает и удерживается в индивидуальных социальных сетях.

Приводимые таблицы 1–5 содержат информацию о сходстве и различиях в позициях *ego* и *alter*. Высказывания последних, сходные с высказываниями *ego*, выделены жирным шрифтом.

Сравнение позиций *ego* и *alter* на тему роли Европейского союза, приватизации, а также в определённой степени и обоснованности введения военного положения не дают оснований, по моему мнению, для утверждения, что механизм возникновения и поддержания представлений о прошлом в значительной степени обусловлен запутанностью трактовок в индивидуальных сетях. Правда, мы здесь имеем дело с высокой степенью согласованности мнений между *ego* и *alter*, но так бывает только в ситуации, когда *ego* выражает взгляды, повсеместно принятые в польском обществе. В такой ситуации трудно было бы принять, что согласие является эффектом участия в сети. В ситуации, когда *ego* формулирует непопулярные взгляды, *alter* в большинстве случаев не соглашается с *ego*. В случае с ЕС непопулярного мнения «нет», высказанного 12-ю процентами респондентов *ego*, не разделяют (в среднем) 71% их *alter*. В случае негативной оценки приватизации 15% *ego* говорят «нет», соглашаются с ними только 23% их *alter*. Наконец, по вопросу введения военного положения говорят «нет» 18% *ego*, и соглашаются с ними только 34% их *alter*. Небольшая численность, возможно, не позволяет формулировать неоспоримые выводы, но направление, в котором должна идти интерпретация, кажется в этом случае намечено правильно.

Таблица 1 (Table 1)

Распределение ответов на вопрос:
«В какой мере вступление в ЕС способствовало развитию Польши?», %
Distribution of responses to the question
“To what degree did joining the EU contribute to Poland’s development?”, %

	Согласен	Не согласен	Нет данных	Всего
Ответы респондента <i>ego</i>	71,8	11,8	16,4	100
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые согласны с этим	74,2	71,4	66,7	
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые не согласны с этим	11,4	23,0	15,0	
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые не имеют мнения	14,4	5,6	18,4	
Всего	100	100	100	

Таблица 2 (Table 2)

Распределение ответов на вопрос:
 «Была ли приватизация разграблением национального достояния?», %
Distribution of responses to the question
 “Do you consider privatization to have been a depredation of national assets?”, %

	Согласен	Не согласен	Нет данных	Всего
Ответы респондента <i>ego</i>	54,8	14,9	30,3	100
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые согласны с этим	65,1	44,5	51,1	
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые не согласны с этим	10,0	23,8	8,0	
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые не имеют мнения	24,9	31,8	40,8	
Всего	100	100	100	

Таблица 3 (Table 3)

Распределение ответов на вопрос:
 «Спасло ли введение военного положения Польшу в 1981 г.
 от военной интервенции Советского Союза?», %
Distribution of responses to the question “Did implementing martial law in 1981
save Poland from Soviet military intervention?”, %

	Согласен	Не согласен	Нет данных	Всего
Ответы респондента <i>ego</i>	43,3	18,8	37,9	100
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые согласны с этим	50,8	42,8	39,7	
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые не согласны с этим	16,7	33,7	16,7	
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые не имеют мнения	32,5	23,6	43,6	
Всего	100	100	100	

Таблица 4 (Table 4)

Распределение ответов на вопрос:
 «Сыграл ли католический Костёл самую важную роль
 в ликвидации коммунистической власти в Польше?», %
Distribution of responses to the question “Did the Catholic Church play the most
important role in abolishing communist government in Poland?”, %

	Согласен	Не согласен	Нет данных	Всего
Ответы респондента <i>ego</i>	32,6	33,4	34,0	100
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые согласны с этим	41,4	29,8	27,5	
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые не согласны с этим	30,7	41,0	32,4	
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые не имеют мнения	27,9	29,1	40,2	
Всего	100	100	100	

Таблица 5 (Table 5)

Распределение ответов на вопрос:
«Были ли переговоры Круглого стола предательством идеалов “Солидарности”?» %
Distribution of responses to the question “Do you consider Round Table negotiations to have betrayed the ideals of ‘Solidarity’?”,%

	Согласен	Не согласен	Нет данных	Всего
Ответы респондента <i>ego</i>	20,3	31,1	48,5	100
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые согласны с этим	30,7	45,6	18,6	
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые не согласны с этим	23,7	43,4	23,1	
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые не имеют мнения	45,6	36,5	58,3	
Всего	100	100	100	

Появление расхождений между *ego* и *alter* можно гипотетически объяснить иначе – для респондентов прошлое попросту мало значимо как поле жизненного опыта. Подобные результаты были получены в различных других исследованиях, в том числе в 2016 г. Можно было бы пойти дальше в этих гипотезах и принять, что раз вопросы о новейшей истории несут на себе определённый политический груз, то следует предположить, что политическая сфера несущественна для функционирования сети, или – в более осторожной версии (и я склоняюсь к ней), – что новейшее прошлое не так существенно для конституирования политической сферы. Проще говоря, людей интересуют актуальные программы, а не то, какие позиции занимали или что делали представители определённых политических воззрений двадцать или тридцать лет тому назад. Определённые обстоятельства, однако, указывают на то, что можно сформулировать контраргументы против этой гипотезы. Обсудим их.

Мы привыкли говорить о прошлом, как о чём-то однородном. Тем временем в исследованиях в зависимости от постановки вопросов мы можем иметь дело с разными фигурантами памятных событий. Прошлое, которое описывается в стандартных зондажах, как правило, – это события, которые подверглись осмыслению или вошли в культурно оприходованные структуры изложения. Переосмысленное прошлое – уже не просто рассказ о том, что случилось, но рассказ, обросший дополнительными значениями, которые в известных ситуациях становятся даже важнее, чем то, что содержит сообщение.

Рассуждая о дополнительных значениях, можно иметь в виду то, что прошлые события (факты, лица, произведения культуры) воспринимаются обычно как собственность (наследство) тех или иных социальных групп, символизирующая ценности, важные для группы/сообщества. Бывает и так, что эти важные ценности оказываются стёртыми. А важным оказывается только то, что они – «наши». Упомянутые дополнительные значения можно понимать шире – как метафоризацию. В такой трактовке осмысление – это что-то значительно большее, чем политические или общественные коннотации.

Ссылаясь на других авторов – П. Рикёра [Ricoeur 2008] и выдающегося польского антрополога культуры М. Червиньского [Czerwiński 1997] – высказывание (или мышление) на метафорическом языке хотелось бы противопоставить высказыванию (мышлению) на языке дискурсивном (протокольном). Смысл использования метафорического языка – в получении информации. Вот пример: Идёт снег. Я, желая сообщить кому-то, что вижу за окном, могу сделать это различными способами. Произнося слова «снежный покров», я использую протокольное определение, свободное от коннотаций, от оценивания и эмоциональной окраски; зато, если сказать «снежный ковёр», то уже используется метафора и вводятся смыслы, которых не предполагало прежнее определение. Ковёр – это роскошь и украшение, что-то, что для нас симпатичное и одновременно облагораживающее. Мы можем также сказать «снежное покрывало, которое напоминает ковёр, поскольку выглядит как дорогая материя» [Czerwiński 1997]. Это последнее высказывание, оформленное, как и первое, на протокольном языке, лучше всего демонстрирует отличие от метафорического языка. В протокольном языке теряется характерное для метафоры богатство мира. Теряется что-то большее, чем непосредственность и сила внушения. Метафоры также меняют качество приобретаемого миром опыта, не только его картинку. Различие между аналитическим и метафорическим состоит не только в том, что о быте говорится иначе, но говорится о чём-то другом, которое иначе воспринимается. Это онтологическое различие.

После этих теоретических размышлений вернёмся к интерпретации эмпирических данных, полученных из наших исследований. В случае событий, о которых мы спрашивали в наших опросах, показателем степени переосмысления может быть позитивное соотношение между оценкой события и политическими симпатиями («за кого я голосовал»). Исходя из этого, единственным переосмысленным событием является Круглый стол (возможно, также и роль Костёла, однако нет достаточных данных, чтобы формулировать гипотезы на эту тему). Остальные события не имеют такого характера, т. е. они прежде всего рассказывают о прошлом, без соотнесения с тем, что «здесь и сейчас».

В случае оценок военного положения нет никакой тесной зависимости между ними и политическими симпатиями (см. таблицу 6). Также и в случае трактовки значения Европейского союза для развития Польши и оценки приватизации, где проявляется почти единомыслие. Однако в случае с Круглым столом существует явная зависимость мнений об этом событии от политических симпатий. Влияет ли высокая степень осмысления на сходство или несходство мнений между *ego* и *alter*? Отличается ли чем-то Круглый стол, с этой точки зрения, от остальных случаев?

Сравним самое большое расхождение во мнениях в наших исследованиях между *ego* и *alter* – они самые низкие в случае Круглого стола. В вопросе о военном положении 42,8% *alter* и *ego*, которые не согласны с утверждением, что военное положение спасло нас от советской агрессии, оценили военное положение как спасение. В вопросе о приватизации

44,4% *alter* и *ego*, дающих ответ «нет», ответили «да», а в вопросе о ЕС даже 71% *alter* и *ego*, дающих ответ «да», ответили «нет». В случае, когда *ego* отвечали «нет», только 20% *alter* давали противоположные ответы.

Таблица 6 (Table 6)

Мнения сторонников отдельных партий относительно введения военного положения в Польше в 1981 г. (низкий уровень осмысления), %
Opinions of those who support certain parties on Poland declaring martial law in 1981 (low level of understanding), %

ВЫБОРЫ 2015		Партии						
		ПиС	ПиС	ГП	Кукиз	Соврем	Объед. лев. и Razem*	Ост.**
МНЕНИЕ: Введение военного положения спасло от интервенции со стороны СССР	Согласен	44,0	43,8	53,8	30,3	43,6	55,4	45,4
	Не согласен	13,7	25,3	53,8	26,3	43,6	14,6	19,8
	Нет мнения	42,3	30,9	30,1	43,4	32,1	30,0	34,8
Всего		100	100	100	100	100	100	100

*Объединены из-за небольшой численности.

**Учитываются голосующие за остальные организации.

Эти результаты можно интерпретировать следующим образом (только гипотеза). В случае Круглого стола то или иное мнение было в большей степени, чем в других случаях, результатом воздействия сети. Обобщая, следовало бы принять, что при основательно осмысленных событиях мнение о них является следствием пребывания в сетях. Если мы примем этот тезис, то сформулированную выше гипотезу о небольшой значимости прошлого при определении политичности надо бы ограничить только теми случаями, в которых события из прошлого не подвергаются переосмыслению.

Против этой гипотезы можно, однако, выставить контраргумент. Если мы примем во внимание сходство мнений *ego* и *alter*, то оно отнюдь не выше в случае Круглого стола, чем при оценке других событий (ЕС, приватизация, военное положение). В защиту своей гипотезы я указал бы на высокие процентные показатели в категории «трудно сказать». Можно принять, что в этих формулировках при желании дать однозначный ответ, среди *alter* в категории «трудно сказать» оказались многие, чьи ответы только в небольшой степени могли отличаться от ответов *ego*.

К выводам

Подводя итоги, можно сказать, что участие в сети только в небольшой степени влияет на интерпретацию событий недавнего прошлого. Это влияние намного меньше, чем можно было бы ожидать. Однако будем помнить, что наши выводы касаются только недавнего прошлого, слабо осмысленного (или слабо насыщенного вторичными значениями).

В качестве генератора убеждений и культурных компетенций сеть может иметь большое значение для функционирования прошлого как фактора, интегрирующего на макроуровне.

Интерес к прошлому может иметь свой источник, прежде всего в сети. Исследования достаточно ясно показывают, что это место – не школа. Кроме того, те же исследования социальной памяти показывают, что наиболее достоверными источниками знаний о прошлом считаются непосредственные участники событий и любители-пассионарии. Это некоторым образом подтверждает гипотезу, что современные сети, однако, оказывают влияние на выбор традиций, а тем самым на форму, какую принимает трансформация традиций на макроуровне.

Библиографический список

CBOS. 2014. Dwudziesta piąta rocznica obrad Okrągłego Stołu. W., Centrum Badania Opinii Społecznej (K. 16/2014). URL: http://www.okragly-stol.pl/wp-content/uploads/2014/09/CBOS_25_lat_Okraglego_Stolu.pdf (Дата посещения: 04.07.2019).

Czerwiński M. 1997. Sztuka w pejzażu kultury. W.: Instytut Kultury. 204 s.

Czy kryzys kanonu // U progu wielokulturowości / M. Kempny, A. Kapciak, S. Łodziński (red.). W.: Oficyna Naukowa. S. 98–117.

Halbwachs M. 1969. Społeczne ramy pamięci. W.: PWN. 436 s.

Kłoskowską A. 2005. Pojęcie kultury narodowej // Kultury narodowe u korzeni. W.: Wyd. Nauk. PWN. 470 s.

Ludzie w sieciach. Znaczenie otoczenia społecznego dla funkcjonowania jednostki. / B. W. Mach, I. Sadowski (red.). W.: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2018. 270 s.

OBOP. 1989. Opinie mieszkańcy Warszawy o obradach “okrągłego stołu” – kwiecień 1989. W.: Ośrodek Badania Opinii Publicznej (K. 14/516).

OBOP. 1996. Stan wojenny w opinii Polaków przed 15 rocznicą stanu wojennego. W.: Centrum Badania Opinii Społecznej (K. 102/96). URL: http://www.tnsglobal.pl/archiv_files/102-96.pdf (Дата посещения: 04.07.2019).

Por. hasła kanon historyczny oraz kanon kulturowy. 2014 // Modi memorandi, Leksykon kultury pamięć / M. Saryusz-Wolska, R. Traba (red.). W.: Wyd. Nauk. Scholar. 592 s.

Ricoeur P. 2008. Czas i opowieść. T. 3. Czas opowiadany. Kraków: Wyd. UJ. 353 s.

Szacka B. 1972. Wzory tradycji narodowej we współczesnej świadomości potocznej. Teksty: teoria literatury, krytyka, interpretacja. № 5. S. 36–46.

Szacka B. 2006. Czas przeszły, pamięć – mit. W.: WNS. 223 s.

Szpociński A. 1989. Przemiany obrazy przeszłości Polski: analiza słuchowisk historycznych dla szkół podstawowych 1951–1984. W.: Uniwersytet Warszawski.

Szpociński A. 2007. O współczesnej kulturze historycznej Polaków // B. Korzeniowski (red.). *Przemiany pamięci społecznej a teoria kultury*. Poznań: UAM. S. 25–43.

TNS. 2016. Pamięć o stanie wojennym. URL: http://www.tnsglobal.pl/archiwumraportow/files/2016/12/K.073.Pamiec_o_stanie-wojennym_011b-16pdf (Дата посещения: 04.07.2019).

Статья поступила: 14.06.2019

DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.587

The Importance of the Past and Relationships in Social Networks

Andrzej Spoczynski

Institute of Political Studies of Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland

E-mail: aszpoc@02.pl

For citation: Spoczynski, A. The importance of the past and relationships in social networks. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 44–58. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.587

Abstract. Through the lens of the collective memory theory, this article examines issues of community integration, within the context of fostering a sense of affinity and connection in a network society. The author ponders the proportion of significance of the past on a macro- and micro-level. The main goal of the researcher is to display the role of a network in developing individual and collective identity, while focusing on the following problems: if the past plays such a vital role in processes of integration on a macro-level, does it play as crucial a role on the micro-level; does addressing the past develop or sustain itself within a network; can “network proclivity” in collective memory be considered an effective mechanism for developing attitudes. In other words, the significance (or lack thereof) of past experience (collective memory) is brought into question. This article presents certain mechanisms for integrating society by means of using reminders from the past. Also, based on analyzing polls which were conducted throughout the last twenty years, it is revealed how specific events in Poland’s recent history have played out in collective memory. The author presents interpretations, hypotheses, as well as arguments and counterarguments with regard to the connection between the network nature of social life and the development of various forms of connection to the past. The results of the study indicate that participation in a network has an insignificant effect on one’s interpretation of events from the recent past. Also highlighted is the fact that individuals who directly participated in certain events are the most trustworthy source of knowledge of the past. This confirms the hypothesis that modern networks do have an effect on choosing traditions, and therefore on their transformation on a macro-level.

Keywords: significance of the past, traditions, networks, network society, networking, social relations, collective memory.

References

- Czerwiński M. *Sztuka w pejzażu kultury*. Warszawa: Instytut Kultury, 1997.
- Czy kryzys kanonu. In: *U progu wielokulturowości*. Kempny M., Kapciak A., Łodziński S. (eds.). Warszawa: Oficyna Naukowa, 1997: 98–117.
- Kłoskowską A. *Pojęcie kultury narodowej*. In: *Kultury narodowe u korzeni*. Warsaw: PWN, 1996.
- Por. hasła kanon historyczny oraz kanon kulturowy. In: *Modi memorandi, Leksykon kultury pamięć*. M. Saryusz-Wolska, R. Traba (eds.). Warsaw: Wyd. Scholar, 2014.
- Ricoeur P. *Czas i opowieść*. T. 3. *Czas opowiadany*. Kraków: Wyd. UJ., 2008: 353.
- Szacka B. *Wzory tradycji narodowej we współczesnej świadomości potocznej*. 1972: 36–46.
- Szpociński A. *Przemiany obrazyw przeszłości Polski*. Wwrsaw: Wyd. UW, 1989.

The article was submitted on: 14.06.2019

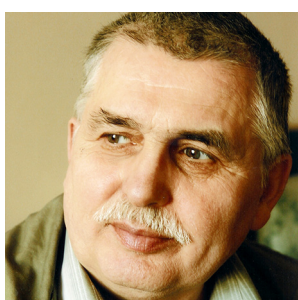
МУНИЦИПАЛИТЕТЫ РОССИИ: ПРОСТРАНСТВЕННО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.589

Динамика численности населения муниципальных образований России в 2010–18 гг.

Ссылка для цитирования: *Пациорковский В. В., Симагин Ю. А., Муртузалиева Д. Д.* Динамика численности населения муниципальных образований России в 2010–18 гг // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 3. С. 59–77. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.589

For citation: Patsiorkovsky, V. V.; Simagin, Yu. A.; Murtuzaliev, D.D. The population dynamic in Russian municipal formations from 2010 to 2018. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 59–77. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.589

Пациорковский Валерий Валентинович

ИСЭПН РАН,
Москва, Россия

patsv41@gmail.com

AuthorID РИНЦ: 71701

Симагин Юрий Алексеевич

ИСЭПН РАН,
Москва, Россия

yas63@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 76033

Муртузалиева Джамиля Джавидовна

ИСЭПН РАН,
Москва, Россия

djama76@list.ru

AuthorID РИНЦ: 9661-4540

Динамика численности населения муниципальных образований России в 2010–18 гг.

Аннотация¹. В период с конца 2010 до начала 2018 гг. после многолетнего перерыва численность населения Российской Федерации увеличивалась. При этом на большей части территории страны убыль населения не прекращалась все последние годы. Это хорошо видно при анализе демографической ситуации на уровне муниципальных образований первого порядка – городских округов и муниципальных районов. Показатели естественного прироста в них в последние годы выше, чем они были в первое десятилетие XXI в. Но почти в 80% муниципалитетов наблюдается отрицательная динамика численности населения по сравнению с 2010 г. в основном за счёт естественной убыли. Часто естественная убыль сопровождается отрицательным сальдо миграционных потоков населения. В итоге в некоторых случаях депопуляция имеет практически катастрофический характер – более 2% ежегодно. В статье рассмотрены особенности дифференциации естественного прироста и миграционных потоков населения России по городским округам, муниципальным районам и в территориальном разрезе (по федеральным округам). Выявлено, что негативные тенденции в большей мере присущи муниципальным районам, чем городским округам. Наиболее сложная ситуация с показателями смертности и рождаемости – в муниципалитетах Центрального, Северо-Западного и Приволжского федеральных округов. В основном из-за интенсивного миграционного оттока быстро сокращается население во многих муниципальных образованиях Дальневосточного федерального округа. Наилучшая демографическая ситуация, как и в предыдущие десятилетия, наблюдается в Северо-Кавказском федеральном округе. При этом его муниципальные образования постепенно приближаются по показателям рождаемости и смертности населения к остальной территории России. Эта тенденция имеет неоднозначный характер, ибо, с одной стороны, сглаживает чрезмерную межрегиональную социально-экономическую дифференциацию, имеющуюся в России, а с другой, – негативно сказывается на демографическом развитии страны в целом. Миграционный отток населения из большинства муниципальных районов Северного Кавказа сужает базу для демографического развития этого региона в будущем.

Ключевые слова: динамика численности населения, естественный прирост, рождаемость, смертность, миграции населения, городские округа, муниципальные районы, федеральные округа России

¹ Исследование выполнено в рамках НИР по Государственному заданию ИСЭПН РАН на 2018 г. «Анализ деятельности населения регионов России в сферах финансового поведения, распространения информационных технологий, естественного и миграционного движения».

В период 2010–18 гг., в отличие от предыдущих почти двух десятилетий, численность населения России увеличивалась. Этот рост происходил в основном за счёт положительного сальдо внешних миграций страны. В то же время для стабилизации численности населения важнее процессы естественного движения, чем высоковольтные миграционные потоки. Динамика естественного прироста населения в стране в последние годы находилась под влиянием сложившихся ранее тенденций изменения возрастной структуры, естественного движения населения и мер проводившейся демографической политики, направленной преимущественно на стимулирование рождаемости [Рыбаковский и др. 2018]. В итоге в 2013–15 гг. в Российской Федерации наблюдался небольшой естественный прирост населения, а в 2016 г. общие коэффициенты рождаемости и смертности оказались почти одинаковыми на уровне 12,9 промилле. С 2017 г. вновь отмечается заметная естественная убыль населения¹.

При этом в территориальном разрезе показатели естественного движения населения имеют весьма заметную дифференциацию. Даже на уровне регионов (субъектов Российской Федерации) большинство территорий все последние годы характеризовалось сокращением численности населения. Ещё более значимыми являются различия между разными территориями внутри регионов страны.

База данных «Муниципальная Россия», разработанная в Институте социально-экономических проблем народонаселения Российской Академии Наук (ИСЭПН РАН), позволяет проследить динамику численности, естественного прироста и миграции населения в период после Всероссийской переписи населения 2010 до начала 2018 гг. на уровне муниципальных образований (МО) первого порядка [База данных... 2014]. Таковыми являются городские округа (ГО) и муниципальные районы (МР). На 1 января 2018 г. в базе данных представлены 2327 МО, из которых 580 являются ГО и 1747 – МР.

Общая динамика численности населения

Три основные группы МО по динамике численности населения в 2010–18 гг. представлены в таблице 1, из которой видно, что в период увеличения численности населения по России в целом эта тенденция проявилась лишь примерно в пятой части МО. Темпы увеличения в них довольно значительны – более 1% в среднем ежегодно. В таких муниципалитетах проживает более половины жителей страны, что и обусловило рост численности населения Российской Федерации в целом за рассматриваемый период. Это увеличение наблюдалось в основном за счёт жителей городских округов, включающих крупнейшие города России – Москву, Санкт-Петербург, Екатеринбург и т. д.

¹ Официальный сайт Росстата // URL: <http://www.gks.ru/> (Дата посещения: 25.01.2019).

Среди лидеров роста имеются также муниципальные районы, в которых вообще нет городского населения. Одновременно в некоторых городских округах происходит быстрое сокращение численности населения с темпами более 2% в среднем за год, т. е. сильная депопуляция [Демографическая статистика... 2010], которая уже в ближайшие два-три десятилетия может обернуться угрозой сохранения населения тех территорий, где она наблюдается.

Таблица 1 (Table 1)

**Группы муниципальных образований (МО)
по динамике численности населения за период 2010–18 гг.**
*Groups of municipal formations (MF) based
on population dynamics from 2010 to 2018*

Группы муниципальных образований	Количество МО	Доля в количестве МО, %	Доля в населении России, %	Динамика численности населения, %
С ростом численности населения	483	20,8	57,8	+7,6
Со слабой и средней убылью численности населения (до 2% в год)	1578	67,8	39,6	-5,6
С сильной убылью численности населения (более 2% в год)	266	11,4	2,6	-17,7
Всего (в границах России 2010 г.)	2327	100	100	+1,2

Источник: рассчитано авторами по [База данных... 2014].

Для городских округов рост численности населения более характерен, чем для муниципальных районов, и чем больше численность населения города, тем, за редкими исключениями (например, ГО Волгоград с населением более 1 млн чел., где численность населения сокращается), выше темпы роста. Сокращение численности населения наиболее типично для муниципальных районов, возглавляемых средними и малыми городами, а также посёлками городского типа (см. таблицу 2).

Таблица 2 (Table 2)

Группы муниципальных образований с разными темпами динамики численности населения в 2010–18 гг. по типам муниципальных образований России, %
Groups of municipal formations with various rates of population dynamics throughout 2010–2018 by type of Russian municipal formation, %

Тип муниципального образования	Группы МО по динамике численности населения			
	Рост численности населения	Сокращение численности населения до 2% в год	Сокращение численности населения более 2% в год	Всего
Городской округ	37,8	57,9	4,3	100
Муниципальный район	15,1	71,1	13,8	100
Все МО (в границах России 2010 г.)	20,8	67,8	11,4	100

Источник: рассчитано авторами по [База данных... 2014].

В итоге с увеличением численности населения муниципальные образования по площади занимают лишь около 11% территории России; т. е. сравнительно небольшой рост численности населения страны (на 1,1% за период 2010–18 гг. в границах России 2010 г.) происходил в условиях усиления концентрации жителей на немногих небольших по площади территориях, тогда как 90% территории страны теряло население, как и в предыдущие десятилетия. Причём во многих муниципалитетах это происходило очень быстро – более чем на 2% ежегодно, что уже в среднесрочной перспективе может привести к практически полному обезлюдению таких территорий и прекращению на них какой-либо экономической деятельности.

Наиболее проблемными с точки зрения сохранения населения и социально-экономического потенциала являются МО с быстрым сокращением численности жителей в последние годы. Впервые эти расчёты выполнены для периода 2010–16 гг. В этот период антилидерами по сокращению численности населения были ГО Среднеканский в Магаданской области (сокращение численности населения на 21,8% за 5 лет), МР Атюрьевский в Республике Мордовия (сокращение на 20,8%) и Мамско-Чуйский в Иркутской области (сокращение на 20,5%) [Симагин и др. 2018].

Сегодня, спустя всего два года, ситуация заметно изменилась. Антилидерами стали Мамско-Чуйский район (29,9% за 7 лет), Среднеканский ГО (29%), а третье–пятое места с близким результатом делят магаданские Тенькинский (26,3%), Северо-Эвенский (26,1%) и Ягоднинский (25,6%) ГО. Если данные текущего учёта соответствуют действительности, то уместно предположить, что при таких темпах сокращения численности населения в этом регионе по итогам предстоящей переписи 2020 г. можно ожидать различного рода административно-территориальных преобразований.

Здесь, правда, надо быть осторожными в выводах. Поскольку в Магаданской области (как и в других северных регионах России) продолжается выполнение государственных обязательств по обеспечению жильём категорий граждан, выезжающих из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей¹. Последние решения по данному вопросу были приняты в декабре 2018 г.² Возможно, именно с этим связано быстрое сокращение численности населения.

¹ Федеральный закон «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» от 25 октября 2002 г. № 125-ФЗ // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25102002-n-125-fz-o/> (Дата посещения: 26.01.2019).

² Постановление Правительства Магаданской области от 26 февраля 2014 г. № 150-пп «О Порядке реализации на территории Магаданской области основного мероприятия «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильём категорий граждан, установленных федеральным законодательством» государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильём и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» (с изменениями на 20 декабря 2018 года)» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/460284999> (Дата посещения: 26.01.2019).

Но при этом Магаданская область – один из двух регионов страны (вместе с Сахалинской областью), в которых полностью упразднён поселенческий уровень местного самоуправления. Все муниципальные районы были преобразованы в городские округа, что привело к исчезновению городских и сельских поселений, в которых происходило непосредственное взаимодействие населения и органов власти. Одновременно обеспечивались минимальные нормативы социального обслуживания в сферах общего образования, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства и других. Исчезновение поселенческого уровня местного самоуправления ведёт к ликвидации многих учреждений социальной сферы и усиливает миграционный отток населения, особенно молодёжи и трудоспособного возраста с детьми.

Быстрое сокращение численности населения для многих территорий России является одной из острейших проблем, тормозящих их социально-экономическое развитие в настоящее время и представляющих серьёзную угрозу в перспективе [Симагин 2018]. В целом МО с быстрым сокращением численности населения образуют в России два основных ареала, занимающих на карте страны противоположные части (см. таблицу 3).

Таблица 3 (Table 3)

Группы муниципальных образований с разными темпами динамики численности населения в 2010–18 гг. по федеральным округам России, %
Groups of municipal formations with various rates of population dynamics throughout 2010–2018 by Russian federal district, %

Федеральный округ	Группы МО по динамике численности населения			
	Рост численности населения	Сокращение численности населения до 2% в год	Сокращение численности населения более 2% в год	Всего
Центральный	18,4	66,1	15,5	100
Северо-Западный	20,5	57,5	22,0	100
Южный (в границах 2010 г.)	26,0	71,7	2,3	100
Северо-Кавказский	59,0	40,3	0,7	100
Приволжский	13,2	73,9	12,8	100
Уральский	25,9	66,8	7,3	100
Сибирский	18,7	74,7	6,6	100
Дальневосточный	12,2	70,9	16,9	100
Россия в целом (в границах 2010 г.)	20,8	67,8	11,4	100

Источник: рассчитано авторами по [База данных... 2014].

Западный ареал – это значительная доля муниципалитетов в Северо-Западном, Центральном и Приволжском федеральных округах России. Здесь сильной депопуляцией отличаются, как правило, муниципальные районы, возглавляемые малыми городскими населёнными пунктами с численностью населения до 20 тыс. жите-

лей, а также районы с исключительно сельским населением. В них сформировалась «старая» возрастная структура населения со значительной естественной убылью из-за массового миграционного оттока молодёжи в большие города и восточные регионы страны, начиная ещё с середины XX в. В последние годы негативные тенденции усилились, что и привело к быстрому сокращению численности населения более чем в 1/10 муниципалитетов.

Восточный ареал быстрой депопуляции (более 1/6 от общего количества муниципалитетов) – территория Дальнего Востока России. Здесь до 1990-х гг., как правило, наблюдался рост численности населения за счёт миграционного притока людей в трудоспособном возрасте из западных регионов России и республик бывшего СССР, а также высокого естественного прироста среди сформировавшегося населения с молодой возрастной структурой. Но в рыночных экономических условиях по различным причинам начался интенсивный миграционный отток жителей, который продолжается и в настоящее время. В итоге в последние годы, даже при наблюдающемся естественном приросте, численность населения многих МО сокращается очень быстро. Способствуют оттоку населения характеристики человеческого потенциала Дальнего Востока [Локосов и др. 2018].

В лучшую сторону отличается ситуация в муниципалитетах Южного и особенно Северо-Кавказского федеральных округов. В частности, максимальным ростом численности населения в России характеризуется городской округ Магас в Республике Ингушетия – увеличение в 2,75 раза за период 2010–18 гг. В этот небольшой город – новую столицу региона – влился интенсивный миграционный приток жителей из других МО Республики Ингушетия, и естественный прирост населения здесь также значителен.

Естественное движение населения

Общим для стабильной численности населения конкретных территорий является естественный прирост населения, а не миграционные потоки, которые могут иметь высоковолатильный характер. Группы муниципалитетов России с разными темпами естественного прироста в 2016 г. (на данный момент это последние официальные данные Росстата по МО всей страны) показаны в таблице 4. При этом нужно отметить, что МО, по которым нет данных, это преимущественно закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО), являющиеся местами дислокации крупных воинских частей. Большинство из них отличается молодой возрастной структурой населения, так как в основном это военнослужащие и их семьи при очень незначительной доле жителей старших возрастных групп. В таких муниципалитетах, как правило, имеется значительный естественный прирост населения при сочетании высокого общего коэффициента рождаемости и низкого общего

коэффициента смертности. Поэтому можно предполагать, что МО, по которым нет данных, скорее всего относятся к группе с высоким положительным естественным приростом населения.

Таблица 4 (Table 4)

**Группы муниципальных образований России
по значению естественного прироста населения в 2016 г.**
Groups of municipal formations in Russia by population increase rate in 2016

Группы МО	Количество МО	Доля МО, %
Высокая естественная убыль (-6,0 промилле и менее)	679	29,2
Средняя и низкая естественная убыль (от 0,0 до -6,0 промилле)	995	42,7
Средний и низкий естественный прирост (от 0,0 до 6,0 промилле)	427	18,3
Высокий естественный прирост (6,0 промилле и более)	206	8,9
Нет данных	21	0,9
Все МО (в границах России 2010 г.)	2328*	100

*Число МО соответствует положению дел в 2016 г.

Источник: рассчитано авторами по [База данных... 2014].

По России в целом в 2016 г. естественный прирост был близок к нулю. При этом положительным он был только примерно в 28% муниципалитетов первого уровня. Традиционно лидируют в этом отношении преимущественно сельские муниципальные районы в республиках Северного Кавказа, где обычно сочетаются высокие показатели рождаемости с низкими значениями смертности. Так, в Джейрахском районе Республики Ингушетия естественный прирост в 2016 г. составил 26,4 промилле при общем коэффициенте рождаемости 32,3 промилле, а в Гудермесском районе Чеченской Республики – прирост 25,4 промилле при коэффициенте рождаемости 30,1 промилле.

Лидируют по показателям естественной убыли муниципальные районы Центральной и Северо-Западной России за счёт очень высоких общих коэффициентов смертности. В 2016 г. максимальной естественной убылью выделялись Пучежский район в Ивановской области (естественная убыль – 21,6 промилле при общем коэффициенте смертности 29,2 промилле) и Опочецкий район в Псковской области (естественная убыль – 20,7 промилле при показателе смертности 30,5 промилле). При таких показателях естественного движения населения, даже при значительном миграционном притоке, наблюдалось бы сокращение численности населения. Но периферийные МО, относительно региональных административных центров в Центральной и Северо-Западной России, как правило, также характеризуются отрицательным сальдо миграций. Распределение МО с разными значениями естественного прироста по федеральным округам России показано в таблице 5.

Таблица 5 (Table 5)

Доля муниципальных образований с разными значениями естественного прироста населения в 2016 г. по федеральным округам России, %
Percentage of municipal formations with various natural growth values in 2016 by Russian federal district, %

Федеральные округа	Доля МО с естественным приростом населения			
	Отрицательным	Положительным	Нет данных	Всего
Центральный	91,8	6,8	1,4	100
Северо-Западный	85,0	12,5	2,5	100
Южный (в границах 2010 г.)	78,0	22,0	0,0	100
Северо-Кавказский	13,2	86,8	0,0	100
Приволжский	80,4	19,6	0,0	100
Уральский	64,4	32,2	3,4	100
Сибирский	56,0	43,5	0,5	100
Дальневосточный	57,0	43,0	0,0	100
Все МО (в границах 2010 г.)	71,9	27,2	0,9	100

Источник: рассчитано авторами по [База данных... 2014].

В общем случае наиболее негативной демографической ситуацией является на территории Центрального федерального округа, где менее 10% муниципалитетов имеют положительный естественный прирост. Частично естественная убыль компенсируется положительным сальдо миграций, поэтому доля муниципалитетов с положительной динамикой численности населения выше (см. таблицу 2). Почти такая же ситуация наблюдается в Северо-Западном федеральном округе, но здесь в большинстве регионов (кроме Санкт-Петербурга, Ленинградской и Калининградской областей) миграционное сальдо отрицательное. В итоге разница между долями МО с положительным естественным приростом и положительной динамикой численности населения меньше.

Резко выделяется в лучшую сторону (от среднероссийской ситуации) территория Северо-Кавказского федерального округа, где лишь немногим более 10% муниципалитетов имеют отрицательный естественный прирост населения. В основном это городские округа и муниципальные районы Ставропольского края, который по этническому и конфессиональному составу населения резко отличается от остальных регионов Северного Кавказа, что и обуславливает в данном случае особенности естественного движения. Лучше среднероссийской демографической ситуацией также в восточных федеральных округах России – в основном за счёт более молодой возрастной структуры населения.

Среди городских округов имеют положительный естественный прирост около 40% (к ним, скорее всего, относятся и те, по которым нет данных, о чём говорилось выше) – примерно такая же доля, как и городских округов с ростом численности населения. При этом среди муниципальных районов естественный прирост распространён в 1,5 раза чаще, чем рост численности населения. Различие связано в основном

с вектором миграционных потоков, направленных преимущественно из муниципальных районов в городские округа, хотя имеющаяся официальная статистика и не представляет таких данных. По этой статистике судить о направлениях миграционных потоков можно только на уровне регионов – субъектов Российской Федерации.

Но динамика естественного прироста за период 2010–16 гг. по сравнению с его состоянием (без учёта МО, по которым нет данных), имеет противоположные тенденции (см. таблицу 6). Именно в Северо-Кавказском федеральном округе, отличающемся максимальным уровнем естественного прироста населения, за указанный период наиболее велика доля муниципалитетов, где этот показатель сократился. Наоборот, наибольшая доля муниципалитетов с увеличением естественного прироста населения в рассматриваемый период наблюдается в Северо-Западном и Центральном федеральных округах, где максимальна доля муниципалитетов с естественной убылью населения.

Таблица 6 (Table 6)

Доля муниципальных образований с разной динамикой естественного прироста населения за период 2010–16 гг. по федеральным округам России, %
Percentage of municipal formations with varying natural population growth dynamics throughout 2010–2016 by Russian federal district, %

Федеральные округа	Естественный прирост населения за 2010–16 гг.			
	Сократился	Не изменился	Вырос	Всего
Центральный ФО	17,4	2,2	80,4	100
Северо-Западный ФО	28,7	2,6	68,7	100
Южный ФО (в границах 2010 г.)	36,2	5,2	58,6	100
Северо-Кавказский ФО	47,9	3,5	48,6	100
Приволжский ФО	44,9	3,3	51,8	100
Уральский ФО	62,4	2,0	35,8	100
Сибирский ФО	49,0	3,1	47,9	100
Дальневосточный ФО	34,7	4,7	60,6	100
Все МО (в границах 2010 г.)	39,2	3,1	57,7	100

Источник: рассчитано авторами по [База данных... 2014].

Действительно, многие муниципалитеты в республиках Северного Кавказа с высокими показателями естественного прироста населения выделяются максимальными темпами сокращения показателя по сравнению с 2010 г. (Аргунский район в Чеченской Республике и другие). Тогда как по России в целом естественный прирост населения за период 2010–16 гг. вырос, и это в наибольшей мере характерно для Центральной и Северо-Западной России.

В целом городские округа и муниципальные районы России по динамике естественного прироста населения за рассматриваемый период можно разделить на 5 групп (см. таблицу 7). Динамика естественного прироста рассчитана в процентных пунктах, так как естественный прирост имеет и положительные, и отрицательные значения. В среднем

по МО России в границах 2010 г. динамика составляет +0,06 процентных пункта, то есть прирост увеличился (или убыль сократилась), и за 5 лет это заметное изменение: +0,6 промилле. Динамика положительна как для городских округов (0,12), так и для муниципальных районов (0,05 процентных пункта). Крайние точки массива – это городской округ Аргун в Чеченской Республике (самое сильное сокращение естественного прироста на 3,35 процентных пункта) и муниципальный район Джейрахский в Республике Ингушетия (максимальное увеличение естественного прироста на 2,64 процентных пункта).

Таблица 7 (Table 7)

**Группы муниципальных образований России
по динамике естественного прироста населения в 2010–16 гг.**
*Groups of municipal formations in Russia
by natural population growth dynamics throughout 2010–2016*

№	Группа муниципальных образований (МО)	Число МО	Доля МО, %
1	Со значительным сокращением естественного прироста (-0,25 и менее процентного пункта)	275	11,8
2	Со слабым сокращением естественного прироста (от -0,25 до -0,01 процентного пункта)	625	26,9
3	С динамикой естественного прироста близкой к нулевой (от -0,01 до 0,01 процентного пункта)	71	3,0
4	Со слабым ростом естественного прироста населения (от 0,01 до 0,24 процентного пункта)	789	33,9
5	Со значительным увеличением естественного прироста (0,24 и более процентного пункта)	538	23,1
	Данные отсутствуют	30	1,3
	Все МО России (в границах 2010 г.)	2328	100

Источник: рассчитано авторами по [База данных... 2014].

Границы выделенных групп установлены экспериментальным путём. Они отражают прежде всего характер динамики происходящих процессов. Первая группа – со значительным увеличением естественной убыли населения (от -3,35 до -0,25 процентного пункта). Вторая группа – с относительно небольшим увеличением естественной убыли населения (от -0,249 до -0,009 процентного пункта). Третья группа с динамикой естественного прироста/убыли, близких к нулю. Её границы составляют от -0,01 до 0,01 процентного пункта. Четвёртая группа – с относительно небольшим увеличением естественного прироста населения (от 0,011 до 0,24 процентного пункта). Пятая группа – со значительным увеличением естественного прироста населения (от 0,241 и более процентного пункта). При этом интересные нас данные за 2010 или 2016 гг. отсутствуют в 30 муниципальных образованиях, основную часть которых составляют ЗАТО.

В первой группе по характеру динамики демографических процессов опережающими темпами снижалась рождаемость. Смертность снижалась также, но темпы её снижения были заметно ниже. В результате

естественная убыль увеличилась на 0,43 процентных пункта. В плане рождаемости и смертности эти тенденции характерны как для городских округов, так и для муниципальных районов.

Открывает эту группу уже упоминавшийся ранее городской округ Аргун, в целом благополучный в плане демографического развития. Даже с учётом заметного сокращения в период 2010–16 гг., рождаемость здесь в 2016 г. составила 26,8 промилле, а смертность – 4,8. В итоге естественный прирост равнялся 22,0 промилле.

Завершает группу муниципальный район Называевский в Омской области. В 2016 г. смертность (17,5 промилле) там превышала рождаемость (12,8 промилле), в результате чего и наблюдалась естественная убыль населения в 4,7 промилле, но это заметно лучше, чем было в 2010 г.

Среди МО в этой группе преобладают муниципальные районы (85,1%), тогда как городские округа составляют 14,9%. В основном это исключительно сельские районы (50,2%) и районы, центрами которых являются посёлки городского типа (15,3%). Больше всего таких в Сибирском, Приволжском, Уральском и Северо-Кавказском федеральных округах.

Во второй группе составляющие естественного прироста населения менялись разнонаправленно – в основном снижалась рождаемость и росла смертность. В итоге естественный прирост населения сократился, пусть и незначительно. Характерный пример – муниципальный район Жигаловский в Иркутской области. В 2016 г. рождаемость там составила 18,6 промилле, а смертность 14,7, и это заметно больше, чем в 2010 г. В результате естественный прирост равнялся 3,9 промилле. Этот случай показывает, как высокая смертность фактически «гасит» весьма достойные показатели рождаемости.

Среди МО в этой группе, как и в предыдущей, преобладают муниципальные районы (81,4%), тогда как городские округа составляют 18,6%. В основном это исключительно сельские муниципальные районы (30,9%), муниципальные районы во главе с посёлком городского типа (20,6%) или малым городом (20,3%). Больше всего их в Приволжском и Сибирском федеральных округах. По регионам представителей данной группы больше всего в Республике Башкортостан, Свердловской области, Красноярском крае и Иркутской области.

Третья группа по количеству МО самая маленькая. Показатели и рождаемости, и смертности в ней, как правило, в последние годы отличались стабильностью, что и привело к динамике естественного прироста, близкой к нулевой. Муниципальные районы составляют в этой группе 83,1%, а городские округа – 16,9%. Среди муниципальных районов преобладают чисто сельские (32,4%) и с центрами в посёлках городского типа (21,1%). В территориальном разрезе чаще всего их можно встретить в Приволжском, Сибирском и Центральном федеральных округах. Среди регионов муниципальных образований данной группы больше всего в Алтайском крае и Воронежской области.

Четвёртая группа – это МО с положительной динамикой естественного прироста/убыли населения. Низкие показатели рождаемости здесь уходят на второй план по сравнению с темпами снижения смертности, которые наблюдались в рассматриваемый период. Можно сказать, что для МО этой группы рассматриваемый период прошёл не столько в усилении работы по повышению рождаемости, сколько в борьбе за снижение смертности. В этой группе МО, как и в предыдущих, преобладают муниципальные районы (75,4%), но доля городских округов заметно выше (24,6%). Самый распространённый тип – муниципальный район, центром которого является малый город (25,0%). Заметная часть МО этой группы находится в Центральном и Приволжском федеральных округах. Характерно, что муниципалитеты группы примерно в равной мере представлены в большинстве субъектов Российской Федерации, поэтому они и являются наиболее многочисленными.

В пятой группе находятся МО, характеризующиеся в рассматриваемый период увеличением естественного прироста населения. Это муниципалитеты, начиная от Краснокамского муниципального района в Пермском крае с положительной динамикой в 0,24 процентного пункта при сохранении небольшой естественной убыли, и до уже упоминавшегося Джейрахского муниципального района в Республике Ингушетия с увеличением естественного прироста на 2,64 процентных пункта.

В муниципальных образованиях рассматриваемой группы, как правило, примерно в равной мере увеличивалась рождаемость и сокращалась смертность. Другими словами, здесь реализовались установки и на демографическое развитие, и на народосбережение. В этом и состоит смысл сочетания мер по демографическому развитию.

Доля муниципальных районов в этой группе минимальна (70,4%), а городских округов – максимальна (29,6%). Больше всего МО этой группы представлены в Центральном федеральном округе, а из регионов – в Московской области. При этом именно Московская область является в последние годы одним из «лидеров» по преобразованию муниципальных районов в городские округа, что, как говорилось выше, в будущем может негативно сказываться на демографическом развитии.

Миграция населения

Мигранты обычно направляются в центры городских округов и в другие регионы России, реже в соседние муниципальные образования и зарубежные страны. В итоге среди оставшегося населения появляется/возрастает естественная убыль. Действие этого механизма долговременно, но в результате приводит к негативным демографическим и социально-экономическим последствиям, хотя в начале может иметь положительный финансовый эффект за счёт концентрации бюджетных расходов. Группы МО с разными знаками миграции населения в 2016 г. по типам муниципальных образований России представлены в таблице 8.

Как видим, в настоящее время только четвёртая часть МО привлекательна для населения. При этом среди ГО таких 1/3, а среди МР – около 1/5. Обращает на себя внимание высокий удельный вес ГО

с отсутствием данных по миграционной подвижности населения. И это не только проблема ЗАТО. Например, таких данных нет по многим ГО Московской области (Егорьевск, Кашира и др.), по Республике Дагестан отсутствуют данные по всем ГО, а по Свердловской области данные по миграции в наблюдаемый период отсутствуют полностью.

Таблица 8 (Table 8)

**Группы МО с разными знаками миграции населения в 2016 г.
по типам муниципальных образований России, %
MF groups with varying migration balance in 2016
by type of Russian municipal formation, %**

Тип МО	Доля МО с разным сальдо миграций населения			
	Приток	Отток	Нет данных	Всего
Городской округ	33,3	48,1	18,6	100
Муниципальный район	22,8	76,9	0,3	100
Все МО (в границах 2010 г.)	25,4	69,7	4,9	100

Источник: рассчитано авторами по [База данных... 2014].

Городские округа лидируют как по притоку населения: Магас в Республике Ингушетия (123,6 промилле) и Красногорск в Московской области (62,1 промилле), так и по его оттоку. В качестве примера можно привести ГО Курильский Сахалинской области, в котором отток составил 66,1 промилле, и уже упоминавшийся ранее Северо-Эвенский ГО Магаданской области (56,1 промилле).

Среди МР преобладают муниципальные образования с миграционным оттоком населения. При этом показатели «лидеров» как притока, так и оттока, здесь практически в два раз ниже, чем приведённые выше для ГО. В наблюдаемый период наибольший приток наблюдался в Богучарском МР Воронежской области (37,7 промилле), а наибольший отток – в Мезенском МР Архангельской области (36,4 промилле). На весь массив есть, правда, одно исключение. Приток населения в МР Всевожский (Ленинградская область) составил 62,8 промилле. Более полно группы муниципальных образований России по значению миграционного притока/оттока населения в 2016 г. представлены в таблице 9.

Таблица 9 (Table 9)

**Группы муниципальных образований России
по значению миграционного притока/оттока населения в 2016 г.
Groups of Russian municipal formations by value of migration influx/outflow in 2016**

№	Группы МО	Количество МО	Доля МО, %
1	Высокий отток населения (-6,0 промилле и менее)	852	36,6
2	Средний и низкий отток (от 0,0 до -6,0 промилле)	766	32,9
3	Средний и низкий приток (от 0,0 до 6,0 промилле)	338	14,5
4	Высокий приток (6,0 промилле и более)	254	10,9
	Нет данных	117	5,1
	Все МО (в границах России 2010 г.)	2327	100

Источник: рассчитано авторами по [База данных... 2014].

Первая группа муниципалитетов *по сальдо миграций* включает наибольшее число МО. Для них характерен высокий отток населения. Среди этой группы муниципальных образований МР составляют 739 единиц (86,7%), тогда как ГО лишь 113 (13,3%). Средний отток в этой группе составляет -12,1 промилле.

Примеры МО, находящихся на нижней границе этой группы (с наибольшим оттоком населения), представлены нами ранее. Её верхнюю границу (с минимумом оттока для данной группы) представляют МР Знаменский в Орловской области (-6,1 промилле), МР Соликамский в Пермском крае (-6,0 промилле) и др. В этой группе нет крупных городов. Из центров субъектов федерации в ней представлены ГО Биробиджан (-6,6), Курган (-9,7), Мурманск (-11,4), Салехард (-10,3), Черкесск (-8,0), Элиста (-7,3 промилле).

Вторая группа. В неё входит значительное число МО. Для них характерен заметно менее высокий отток населения, чем для МО предыдущей группы. В этой группе муниципальных образований МР составляют 600 единиц (78,3%), тогда как ГО 166 (21,7%). Средний отток в этой группе составляет -3,1 промилле при минимуме в -0,02 и максимуме в -6,0 промилле. К минимальному показателю наиболее близок МР Унченский Калужской области (-6,0), средние для группы значения имеют МР Лискинский Воронежской области (-3,1), МР Окинский Республики Бурятия (-3,2), МР Собинский Владимирской области (-3,2), ГО Черноголовка Московской области (-3,2), а минимальный отток в группе – это МР Тимашевский и Тихорецкий Краснодарского края (-0,02), ГО Торжок Тверской области (-0,3 промилле). Последние из приведённых выше МО уже очень близки к сохранению численности населения.

Из центров субъектов Российской Федерации в этой группе представлены: ГО Анадьрь (-5,0), Астрахань (-1,3), Барнаул (-5,4), Благовещенск (-2,7), Вологда (-3,2), Владивосток (-0,3), Владикавказ (-5,6), Горно-Алтайск (-0,9), Грозный (-2,5), Иркутск (-2,0), Майкоп (-4,0), Нальчик (-3,9), Нижний Новгород (-3,1), Омск (-0,8), Пенза (-0,7), Петропавловск-Камчатский (-4,6), Самара (-0,7), Улан-Удэ (-3,6), Уфа (-0,7), Южно-Сахалинск (-0,1 промилле). Этот точечный анализ показывает, что на местах ситуация не такая простая, как её представляют СМИ и различного рода наблюдатели¹. Исходя из таких оценок, можно подумать, что жители Грозного, Нижнего Новгорода, Пензы и Уфы не понимают, какие блага они теряют, покидая эти города.

Третья группа. В неё входит почти в два раза меньше МО, чем в предыдущую группу. Для всех них характерен приток населения. В этой группе муниципальных образований МР составляют

¹ Лучшие города России для жизни // Вести. Экономика URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/94359?page=1> (Дата посещения: 25.01.2019); Лучшие города России для проживания: рейтинг 2019 // URL: <http://subsidi.net/ещё-выплаты/новости-о-разном/item/1262-лучшие-города-россии.html>; Нижний Новгород назван лучшим городом России по качеству жизни // Newsland. URL: <https://newsland.com/user/4298131488/content/...novgorod...gorodom.../6626026> (Дата посещения: 25.01.2019) и др.

227 единиц (67,2%), тогда как ГО 111 единиц (32,8%). Средний приток населения в этой группе составляет 2,7 промилле, минимальный – 0,02, а максимальный – 6,0 промилле. К этим показателям наиболее близки: ГО Великий Новгород (2,7), Волгореченск Костромской области (2,7), Назарово Красноярского края (0,1), Шаховская Московской области (0,04), максимум – в МР Большесолдатский (5,6) и Тимский (5,9) Курской области.

Из крупных городов и центров субъектов федерации в этой группе представлены: ГО Абакан (10,8 промилле), Брянск (3,2), Владимир (4,9), Волгоград (1,1), Иваново (0,4), Ижевск (0,2), Йошкар-Ола (3,2), Казань (5,6), Калуга (1,5), Липецк (1,2), Магадан (5,1), Москва (2,4), Орёл (1,6), Оренбург (0,3), Пермь (3,1), Петрозаводск (3,5), Ростов-на-Дону (4,2), Санкт-Петербург (4,8), Саратов (3,7), Смоленск (4,2), Ставрополь (4,0), Сыктывкар (0,2), Томск (2,4), Тула (5,6), Тюмень (25,2), Ульяновск (4,5), Хабаровск (2,9), Ханты-Мансийск (6,6), Челябинск (3,7), Якутск (2,3), Ярославль (3,6).

Четвёртая группа включает самое малое число МО. В этой группе муниципальных образований МР составляют 172 единицы (67,7%), тогда как ГО – 82 единицы (32,3%). Средний приток населения здесь равняется 16,7 промилле, минимальный 6,0, а максимальный 123,6 промилле. К этим показателям наиболее близки: ГО Магас (123,6 промилле), МР Брянский Брянской области (16,0), Ковровский Владимирской области (6,3), Прохоровский Белгородской области (6,3). Из крупных городов и центров субъектов федерации в этой группе представлены: ГО Белгород (9,5), Воронеж (7,8), Калининград (16,1), Кемерово (6,6), Киров (6,6), Краснодар (24,8), Красноярск (10,4), Магас (123,6), Новосибирск (9,5), Псков (7,6), Саранск (20,9), Чебоксары (11,8), Чита (6,3).

Показательно, здесь МР больше, чем ГО. Это значит, что и хорошо обустроенная сельская местность обладает высокой притягательностью для населения. Такого рода данные особенно важны как аргумент, оппонировавший предложениям по тотальной урбанизации системы расселения страны в сегодняшних дискуссиях по пространственному развитию.

Заключение

В целом анализ показывает, что естественное движение населения как в части рождаемости, так и в части смертности весьма противоречиво связано с социально-экономическим развитием, урбанизацией и её последствиями. Во многих МО рождаемость превышает уровень замещения поколений и подходит к порогу расширенного воспроизводства населения. В то же время и смертность в значительной части МО чрезмерно высока. Очень часто эти процессы имеют общую направленность. Высокая рождаемость реализуется одновременно с высокой смертностью. Подобное развитие событий характерно в основном для муниципальных районов и сельской местности в целом. В то же время низкая рождае-

мость, как правило, сопровождается низкой смертностью. Такое развитие событий характерно для городских округов и высокоурбанизированной местности в целом.

Между тем хороший результат естественного прироста может быть получен лишь в случае разнонаправленности его компонент: высокий уровень рождаемости должен корреспондироваться с низким уровнем смертности. В реальности на местах высокая смертность очень часто практически нивелирует достаточно высокие показатели рождаемости [Пациорковский 2018].

Естественный прирост населения в Российской Федерации за период 2010–16 гг. увеличился, но с 2017 г. вновь стал отрицательным. Эта тенденция при анализе на уровне муниципальных образований имела противоречивый характер. Во-первых, общие показатели рождаемости увеличились, но они существенно зависят от возрастной структуры населения, которая в предстоящие несколько лет будет негативно влиять на воспроизводство населения из-за сокращения доли людей в возрасте 18–30 лет. Одновременно смертность снижается, но во многих случаях недостаточно быстрыми темпами, чтобы перекрывать низкие показатели рождаемости, что и привело к естественной убыли населения России начиная с 2017 г.

Во-вторых, заметнее увеличился естественный прирост на территориях, где он был в предшествующие годы минимальным. Но при этом многие территории с традиционно высоким естественным приростом демонстрируют высокие темпы его сокращения, что негативно сказывается на демографических показателях страны в целом. Способствовать стабильному демографическому развитию России может только сбалансированная политика на всех уровнях государственного и муниципального управления, направленная как на стимулирование рождаемости, так и, возможно даже в большей мере, на сокращение смертности и увеличение продолжительности жизни, т. е. на народосбережение.

С учётом того, что миграционные процессы в определённой мере компенсируют различия в показателях естественного движения населения (для МО с относительно высоким естественным приростом более характерен миграционный отток), можно предположить, что различия в динамике численности населения между муниципалитетами России в последние годы сокращались. Эту тенденцию, безусловно, можно считать позитивной. Но для её укрепления необходима разработка специальных программ социально-экономического развития для территорий с быстрыми темпами сокращения населения как за счёт естественной убыли (в Центральной и Северо-Западной России), так и за счёт интенсивного миграционного оттока жителей (на Дальнем Востоке). При этом необходима «локализация региональной политики» [Тихонов 2018: 25] – программы могут эффективно реализовываться только с учётом внутрирегиональной дифференциации социально-экономических процессов, в том числе демографических.

Библиографический список

База данных «Муниципальная Россия». 2014 / Авторы и правообладатели: Пациорковский В. В., Коленникова О. А., Симагин Ю. А. Номер государственной регистрации: RU 2014620760 от 27.05.2014.

Демографическая статистика: учебник. М.: КНОРУС, 2010. 480 с.

Локоsov В. В., Рюмина Е. В., Ульянов В. В. 2018. Макрорегионы России: характеристика человеческого потенциала // Народонаселение. Т. 21. № 3. С. 37–51. 10.26653/1561-7785-2018-21-3-035

Пациорковский В. В. 2018. Актуальные вопросы повышения рождаемости // Народонаселение. Т. 21. № 1. С. 31–47. 10.26653/1561-7785-2018-21-1-03

Рыбаковский Л. Л., Кожевникова Н. И. 2018. Депопуляция в России, ее этапы и особенности // Народонаселение. Т. 21. № 2. С. 4–17. 10.26653/1561-7785-2018-21-2-01

Симагин Ю. А. 2018. Территориальное распределение сильной депопуляции в России на муниципальном уровне // Народонаселение. Т. 21. № 1. С. 60–69. 10.26653/1561-7785-2018-21-1-05

Симагин Ю. А., Пациорковский В. В., Муртузалиева Д. Д. 2018. Дифференциация естественного прироста населения в муниципальных образованиях России // Народонаселение. Т. 21. № 4. С. 36–49. 10.26653/1561-7785-2018-21-4-04

Тихонов А. В. 2018. Проблемы реформирования управления в стране: к истории разработки исследовательской программы // Вестник Института социологии. № 25. С. 10–26. 10.19181/vis.2018.25.2.506

Статья поступила: 10.06.2019

DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.589

The Population Dynamic in Russian Municipal Formations from 2010 to 2018

Valeriy V. Patsiorkovsky

Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: patsv41@gmail.com

ORCID ID:163659927

Yuri A. Simagin

Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: yas63@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-8392-8645

Djamila D. Murtuzaliev

Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: djama76@list.ru

ORCID ID: 0000-0003-3263-3032

For citation: Patsiorkovsky, V. V.; Simagin, Yu.A.; Murtuzaliev, D.D. The population dynamic in Russian municipal formations from 2010 to 2018. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 3. P.59–77. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.589

Abstract. During the period from the end of 2010 and up to the beginning of 2018, after a long pause, we saw an increase in the population of the Russian Federation. Meanwhile, on most of the country's territory the population has not ceased to decline in recent years. This is very apparent when analyzing the demographic situation on the level of first order municipalities – city districts and municipal areas. Indexes of natural population growth during recent years have exceeded values from the first decade of the 21st century. However, in 80% of municipalities a negative dynamic is evident compared to 2010, primarily due to natural decline. Natural decline is often accompanied by a negative balance in the migratory flow of the population. As a result, depopulation in certain cases reaches catastrophic proportions – at over 2% each year. This article examines peculiarities in the differentiation of natural population increase and migratory flow of Russia's population by city district, municipal area, and broken down by territory (as in by federal district). It was revealed that negative trends are more inherent to municipal areas than they are to city districts. The most complicated situation with indexes of death rate and birthrate can be observed in municipalities of the Central, North-West and Privolzhsky Federal Districts. Mostly due to an intense migratory outflow, the population is decreasing in many municipal formations of the Far Eastern Federal District. As was the case in previous decades, the most favorable demographic situation can be observed in the North Caucasian Federal District. Meanwhile its municipal formations are gradually approaching the rest of Russia in terms of population birthrate and death rate indexes. Though this trend is of ambiguous nature, since, on the one hand, it evens out the excessive interregional socio-economic differentiation we see in Russia, while on the other it has a negative effect on the country's demographic development in general. The migratory outflow of the population from the majority of North Caucasian municipal formations narrows the foundation for this region's demographic development in the future.

Keywords: population dynamics, natural growth, birth rate, mortality, migration of population, urban districts, municipal districts, federal districts of Russia

References

- Demographic statistics: textbooks. Moscow. KNORUS. 2010: 480.
- Lokosov V. V., Ryumina E. V., Ulyanov V. V. Macroregions of Russia: characteristic of human potential. *Population*. 2018; 21; 3: 37–51. 10.26653/1561-7785-2018-21-3-03
- Patsiorkovsky V. V. Challenges of raising fertility. *Population*. 2018; 21; 1: 31–47. 10.26653/1561-7785-2018-21-1-03
- Rybakovsky L. L., Kozhevnikova N. I. Depopulation in Russia, its stages and specifics. *Population*. 2018; 21; 2: 4–17. 10.26653/1561-7785-2018-21-2-01
- Simagin Yu. A. The territorial coverage of strong depopulation in Russia at the municipal level. *Population*. 2018; 21; 1: 60–69. 10.26653/1561-7785-2018-21-1-05
6. Simagin Yu. A., Patsiorkovsky V. V., Murtuzaliev D. D. Differentiation of natural population growth in the municipalities of modern Russia. *Population*. 2018; 21; 4: 36–49. 10.26653/1561-7785-2018-21-4-04
- Tikhonov A.V. The problem with reforming our country's system of government: addition to the history of developing a research program. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2018; 25: 10–26. 10.19181/vis.2018.25.2.506

The article was submitted on: 10.06.2019

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЁЖИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ

DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.591

Социальное позиционирование и социальные практики российских миллениалов

Ссылка для цитирования: Аврамова Е. М. Социальное позиционирование и социальные практики российских миллениалов // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 3. С. 78–95. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.591

For citation: Avraamova, E. M. The social positioning and social practices of Russian millennials. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 78–95. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.591

**Аврамова
Елена Михайловна**

ИНСАП РАНХиГС,
Москва, Россия

avraamova-em@ranepa.ru

AuthorID РИНЦ: 125832

Социальное позиционирование и социальные практики российских миллениалов

Аннотация. В статье¹ рассмотрены подходы к изучению поколений, выделено поколение миллениалов² в качестве специфического объекта исследования. При значительном внутреннем разнообразии и неоднородности российские миллениалы выступают в качестве целостного поколения и по своим социальным ориентациям и поведенческим характеристикам отличаются от старших поколений. Исследована их социальная самоидентификация и определены критерии идентичности различных молодёжных групп. Показано, что их статусная самооценка существенно выше, чем у старших поколений, и в её основе лежат несколько иные критерии. Так, хотя уровень материального положения, как и у старших поколений, играет ведущую роль в статусной самооценке, в основе самоидентификации миллениалов лежат также уровень образования и профессиональный статус, что может свидетельствовать об их готовности признать ценности меритократического общества. Их социальный капитал формируется из источников, которые предоставляет новая информационно-коммуникационная среда, более разнообразных и доступных, чем прежде. В результате новых возможностей формирования социального капитала его использование в различных средах становится более эффективным. Миллениалы декларируют высокую степень солидарности со старшим поколением, одновременно в значительном масштабе принимая от него монетарную и немонетарную помощь. В то же время они в высшей степени лояльны к различным проявлениям благотворительности и волонтерства, нередко сами в них участвуя. В целом можно сказать, что миллениалы достаточно плотно включены в систему социальных обменов и готовы выступать в качестве самостоятельного субъекта социального действия. Статья базируется на данных исследования «Дифференциация молодёжных групп: экономическая активность, демографическое поведение, социальные практики», проведённого Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в 2019 г. Репрезентативная для населения России в возрасте от 18 до 35 лет выборка составила 3,5 тыс. респондентов.

Ключевые слова: молодёжь, социально-экономическое поведение, социально-экономическое развитие, социальные практики, теория поколений, миллениалы, ресурсы развития, социальный капитал, социальная структура

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-010-01124.

² Миллениалы – поколение родившихся после 1984 г., встретивших новое тысячелетие в юном возрасте и характеризующихся прежде всего глубокой вовлечённостью в цифровые технологии.

Миллениалы как специфический объект исследования

Молодёжь как объект исследования занимает далеко не то место, которого заслуживает в силу важнейшей роли в характере и перспективах социально-экономического развития. Прежде всего это связано с тем, что социально-экономическое поведение молодёжи рассматривается обычно в сопоставлении с другими возрастными группами на основании данных массовых опросов, где молодёжные группы, занимая не более 12–14% выборки, выступают как единая внутренне недифференцированная общность. В таком же качестве она выступает как объект молодёжной политики, меры которой направлены на молодёжь в целом. Нельзя, разумеется, отрицать наличие общих черт, характеризующих целостное поколение, но концентрация соответствующих черт в различных молодёжных подгруппах заслуживает рассмотрения не в меньшей степени.

Исследования молодёжи велись, тем не менее, и в советское, и в постсоветское время, но в фокусе внимания обычно находилась либо молодёжная генерация в целом, либо её отдельные подгруппы, выделенные по какому-либо одному признаку (студенты, рабочие, сельская и городская молодёжь и пр.). Исследований, в которых объект дифференцировался бы по многим признакам, насколько известно, не проводилось.

В то же время в самые последние годы проявился значительный исследовательский интерес к анализу населения в формате поколенческих различий, что дало возможность сделать вывод о «поколенческом переломе» [Радаев 2018а], т. е. о существовании базовых отличий поведения современной молодёжи от предыдущих поколений. Масштабность этого вывода заставляет более глубоко и пристально рассмотреть современные теории поколений, что будет полезно для корректного выделения и описания объекта исследования.

Изучение поколений в качестве социальной общности, обладающей схожими моделями поведения и моральными нормами, продолжается с начала XX в. В этой области успели сформироваться несколько различных традиций и подходов, применимость которых остаётся предметом дискуссий. Попробуем рассмотреть основные подходы и концепции и оценить их соответствие современным российским реалиям.

Первоначально подходы к описанию и сопоставлению поколений были сформулированы ещё Карлом Мангеймом [Мангейм 1998], который нащупывал границы той или иной возрастной группы через изучение биографий его представителей. Важным методологическим открытием Мангейма явилось то, что поколение выделяется не только принадлежностью к одной возрастной группе, но и общностью исторической и культурной эпох. Автор настаивал на использовании в анализе синтеза количественных и качественных подходов, что взято нами на вооружение. Важно также отметить, что в работе «Утопия и идеология» [Mannheim 1929] он сформулировал положение о двух взаимодействующих социальных ориентациях, одна из которых состоит в стремлении к сохра-

нению доминирующих ранее норм и стереотипов поведения, в то время как вторая, наоборот, заключается в формировании новых норм и паттернов поведения.

Противоречия конца шестидесятых годов XX в., вылившиеся в студенческие волнения 1968 г., послужили основанием для анализа конфликта поколений. Так, Г. Маркузе в своей работе «Очерк об освобождении» [Маркузе 1970] интерпретирует конфликт поколений как основной драйвер социально-экономического развития, заставляющий общество изменяться. В том же дискурсе Льюис Фойер в работах «Поколенческий манифест» и «Конфликт поколений» [Feuer 1969] рассматривал историю как цепь непрекращающихся конфликтов поколений. Данная концепция была раскритикована С. Липсетом в исследовании «Восстание в университете» [Lipset 1972], в котором на эмпирическом материале показано, что поколения внутренне неоднородны, и различия доминируют над сходством их представителей.

Теория поколений нашла развитие в концептуальных работах Н. Штрауса и У. Хоува [Strauss, Howe 2009], рассматривавших США как цепь сменяющих друг друга поколений, вносящих новые модели социально-экономического поведения, определяющих развитие страны и общества и утверждавших наличие в каждом поколении определённого поведенческого паттерна. Штраус и Хоув также предложили название для последнего поколения – «миллениалы», которое получило широкое распространение, ставшее сегодня устойчивым определением для тех, кто родился после 1984 г. – года появления первого персонального компьютера: в качестве переломных точек для смены поколений ими предлагалось использовать наиболее резонансные исторические события, затронувшие жизнь социума.

Следует также остановиться на работах Т. Ньюкомба [Newcomb et al. 1965], исследовавшего формирование комплекса идей, значимых для поколения, и обозначившего возраст, когда эти идеи лучше всего проникают и усваиваются. Этот формирующий возраст (*impression age*), согласно данным исследования зависимости социально-экономических ориентаций и политических предпочтений от года рождения и их изменений, реализованного Колумбийским университетом [Ghitza, Gelman 2014], определяется в интервале с 14 до 24 лет.

Развитие теории поколений находит отражение в работах отечественных специалистов последних лет. Здесь нужно упомянуть исследования В. Радаева [Радаев 2018b], который выдвинул собственную классификацию поколений, основанную на изменении характера исторических условий в формирующем возрасте; Е. Шамис [Никонов, Шамис 2017; RuGenerations], показавшей, что поколение миллениалов включает в себя группы, чей формирующий возраст пришёлся на качественно различные периоды российской истории; В. Петухова [Петухов 2014], который (в отличие от В. Радаева, подчёркивающего общие черты поколения) концентрирует внимание на том, что миллениалы чрезвычайно сильно и по разным основаниям различаются, в том числе по уровню благосостояния, имеющимся ресурсам развития, жизненным планам и моделям поведения, и пр.

Объектом исследования ИНСАП РАНХиГС, на материалах которого мы будем базироваться, являются именно миллениалы – россияне, чей возраст в настоящее время находится в интервале 18–35 лет¹. Вопросы их социального позиционирования и социальных практик, освещённые в данной статье, явились одним из центров внимания данного исследования. В целом имеющиеся теоретические и эмпирические материалы дают основания для анализа, сопоставлений и интерпретаций данных, полученных в ходе нашего исследования.

Социальное позиционирование миллениалов

Адекватное социальное позиционирование имеет большое значение не только для самоощущения миллениалов, но и для выстраивания социальных практик, соответствующих тому месту в обществе, которое, по их мнению, они занимают. Согласно полученным данным, распределение по стратификационным группам, выделенным по критерию субъективной социальной идентичности, отличает молодёжь от старших возрастных групп в сторону повышенной социальной самооценки (см. таблицу 1). Так, к слоям выше среднего и высшему отнесли себя 33,2% миллениалов (в среднем по сопоставимому общероссийскому опросу около 9%), среднему – 59,9%, а ниже среднего и низкому лишь 7%.

Сопоставление соответствующих статусных групп с распределением в связи с субъективной оценкой материального положения указывает на то, что оценка социального статуса существенно выше, чем материального.

Таблица 1 (Table 1)

Самооценка социального и материального статуса, %
Self-assessment of social and material status, %

Самооценка	Социальный статус	Материальный статус
Высокий	10,5	3,3
Выше среднего	22,7	15,8
Средний	59,9	61,0
Ниже среднего	4,9	14,8
Низкий	2,0	5,1

Из этого следует предположение, что критерием социальной идентичности молодёжи выступает не только размер дохода, как для старших возрастных групп, но и иные основания. С целью проверки этого предположения рассмотрена социальная самооценка миллениалов, имеющих различный уровень образования (см. таблицу 2).

¹ Опрос реализован по формализованной анкете в марте 2019 г. по репрезентативной для населения России в возрасте 18–35 лет выборке. Объём выборочной совокупности составил 3500 респондентов.

Таблица 2 (Table 2)

Самооценка социального статуса по образовательным группам, % по строке
Self-assessment of social status by education group, % by row

Образовательные группы	Самооценка социального статуса			
	Высокий	Выше среднего	Средний	Ниже среднего
Нет профессионального образования	12,7	21,9	57,1	8,3
Среднее (начальное) профессиональное	11,7	20,3	61,9	6,1
Высшее	8,6	25,0	59,4	7,0
В целом	10,5	22,7	59,9	6,9

Из приведённых данных следует, что уровень образования не оказывает существенного влияния на социальное позиционирование. Более того, доли высокообразованных и тех, кто вообще не получили профессионального образования, примерно равны среди представителей миллениалов, низко оценивающих свой социальный статус.

Значимость такого критерия, как материальный достаток, показана в таблице 3: чем выше материальный достаток респондентов, тем выше они оценивают своё социальное положение. Вместе с тем 27,4% оценивших материальный статус как средний, считают своё социальное положение высоким или выше среднего, и более того – 13,4% респондентов с материальным положением ниже среднего характеризуют собственное социальное положение значениями, превышающими среднее. Из этого следует, что для значительной части молодёжи ни уровень образования, ни уровень материального положения не выступают значимыми критериями самоидентификации в социальном пространстве.

Таблица 3 (Table 3)

Самооценка социального статуса
 по группам материальной обеспеченности, % по строке
Self-assessment of social status by financial security groups, % by row

Уровень материальной обеспеченности	Самооценка социального статуса			
	Высокий	Выше среднего	Средний	Ниже среднего
Выше среднего	24,3	47,5	26,9	1,3
Средний	8,2	19,2	70,3	2,3
Ниже среднего	4,2	9,2	59,7	26,9
В целом	10,5	22,7	59,9	6,9

Респондентам был задан конкретный вопрос, на основании чего они выстраивают свою социальную идентичность (см. таблицу 4). И на втором месте после уровня материальной обеспеченности оказался фактор «уважение окружающих».

Таким образом, в молодых возрастах мнение социального окружения играет весьма существенную роль. Здесь же следует обратить внимание на то, что среди критериев идентичности уровень образования занимает последнее место. Эта проблема отражена в исследованиях, посвя-

щённых развитию среднего класса в России, где показана проблема так называемой статусной несовместимости, когда критерии социальной идентичности не согласуются между собой [Аврамова 2018, Тихонова 2018а, Тихонова 2018b]. Правомерно было ожидать, что эта проблема будет преодолеваться в молодых возрастах, но, как мы видим, этого не произошло.

Таблица 4 (Table 4)

Оценка главного фактора, определяющего уровень социального статуса, %
Assessment of the main factor which defines social status level, %

Факторы	Число респондентов
Материальная обеспеченность	41,0
Уважение окружающих	27,1
Занимаемая должность	15,1
Уровень образования, квалификации	12,0
Затруднились ответить	4,8

Рассмотрим, какие критерии идентичности являются главными для различных стратификационных групп (см. таблицу 5).

Таблица 5 (Table 5)

Выбор главного критерия идентичности
различными стратификационными группами, % по строке
Choosing the main criterion of identity by various stratification groups, % by row

Самооценка социального статуса	Факторы				
	Доход	Образование	Должность	Уважение	Затруднились ответить
Высокий	25,9	11,7	12,8	46,1	3,5
Выше среднего	34,9	17,1	14,3	29,1	4,6
Средний	44,3	11,2	15,1	24,8	4,6
Ниже среднего	56,8	5,8	20,6	11,5	5,3
В целом	41,0	12,0	15,1	27,1	4,8

Здесь нужно обратить внимание на то, что критерий материального достатка играет самую значимую роль для тех, кто его не имеет. В то же время для тех, кто оценивает свой статус весьма высоко, образование выступает в качестве значимого фактора. Должность более существенна для имеющих относительно низкую социальную самооценку, а уважение окружающих – для тех, у кого она сравнимо высокая. Таким образом, доход и должность выступают как факторы оценки других, а образование и уважение окружающих – как факторы оценки себя.

Формирование социального капитала

Социальный капитал, понимаемый как включённость в определённые сети взаимодействий и положение в этой сети, а также уровень доверия (положительные ожидания в отношении того, что другая сто-

рона не будет действовать в ущерб интересам субъекта), может выступать в качестве важнейшего ресурса развития как общества в целом, так и отдельных индивидов. Разнообразие межличностных контактов, умение поддерживать и развивать сетевые отношения, вызывая необходимый уровень доверия, естественным образом может способствовать получению важной информации для принятия решений, оказанию взаимной поддержки в решении деловых вопросов.

В то же время многочисленные исследования показывают, что социальный капитал является достаточно дефицитным ресурсом, на накопление которого уходят годы, а его доступность во многом определяется происхождением, социальной средой, качеством образования и пр. В результате исходные различия между социальными группами в отношении возможностей накопления социального капитала в дальнейшем воспроизводятся, что консервирует социально-экономическое неравенство и тормозит социальную динамику.

Существует устоявшаяся традиция в теоретическом изучении формирования и реализации социального капитала в отечественной и зарубежной науке, подкреплённая эмпирическими исследованиями. Остановимся на тех из них, которые в наибольшей степени описывают современные особенности формирования социального капитала. К ним в первую очередь следует отнести работу Роберта Патнэма [Патнем 1996], который измерение социального капитала производит по таким критериям, как количество и интенсивность контактов участников социума друг с другом, участие в общественных организациях и объединениях, склонность к соблюдению социальных норм, отношение к социальным институтам и прочие. Кроме того, Патнэм проводит различие между двумя видами социального капитала: «связывающий» (bonding) и «соединяющий» (bridging) [Putnam 2000]. «Связывающий» социальный капитал базируется на общих нормах поведения, ценностных установках, представлениях об общей судьбе, тогда как «соединяющий» социальный капитал позволяет устранить узкие внутригрупповые барьеры солидарности и обеспечить возможность коммуникации и взаимодействия между группами. Первый вид капитала формирует сильную групповую сплочённость, тогда как второй ориентирован на создание каналов межгруппового взаимодействия. Высокий уровень накопленного «связывающего» социального капитала, с одной стороны, обеспечивает тесную сплочённость и солидарность, а с другой – ограниченность социальных контактов только рамками группы.

Новым этапом в исследовании роли социального капитала стало появление коммуникационных технологий, позволившее участникам социума создавать группы любой направленности, члены которых зачастую оказывают друг другу поддержку существенно более значимую, чем та, что возможна за счёт использования традиционных каналов. Следуя предложенному Патнэмом разделению социального капитала на два вида, Р. Инглхарт и К. Вельцель полагают, что на этапе перехода к постиндустриальному обществу, в котором превалируют индивидуалистиче-

ские ценности и расширяется зона персонального выбора, происходит смещение от первого вида социального капитала ко второму [Инглхарт, Вельцель 2011: 211].

Новая информационная среда создаёт условия для создания сетевых сообществ, генерирующих социальный капитал, благодаря снижению барьеров доступа к его накоплению. Подобные сообщества переросли в масштабные горизонтальные объединения людей, способных приложить существенные усилия на пользу сообществу, руководствуясь, в числе прочего, и перспективой повышения собственной значимости в нём. Такие сообщества могут включать в себя десятки и сотни тысяч участников, принадлежащих к самым разнообразным социальным группам. Подобное изменение масштаба не могло не сказаться самым существенным образом на возможностях этих сообществ при сравнительно небольших усилиях привлечь общественное внимание и поддержку к решению важной для них проблемы. Указанные процессы повысили актуальность идей Грановеттера [Грановеттер 2009] относительно «силы слабых связей» по сравнению с традиционными сильными родственными или профессиональными. Можно предположить, что различные сетевые сообщества также могут основываться как на «связывающих», так и на «соединяющих» связях. Сообщества первого типа в большей степени ориентированы на формирование и поддержание идентичности и ограничиваются контактами среди «своих». Сетевые сообщества второго типа допускают больший уровень их разнообразия, не привязаны к жёстким символам идентичности и позволяют обеспечить реализацию не только культурных, но и практических социально-экономических интересов.

Полученные нами данные дают возможность исследовать, каким образом миллениалы формируют свой социальный капитал. Прежде всего обращает на себя внимание их активность в социальных сетях, которая по преимуществу формирует «связывающий» социальный капитал, однако и его «соединяющая» форма достаточно развита (см. таблицу 6).

Таблица 6 (Table 6)

Активность использования интернета, % по строке
Activeness in using the internet, % by row

Цели использования интернета	Активность использования		
	Часто	Иногда	Редко или никогда
Общение с лично знакомыми людьми (мессенджеры, социальные сети)	70,4	12,3	17,3
Поиск единомышленников и общение с ними (форумы, блоги)	16,5	12,8	70,7
Работа	45,0	15,1	39,9
Получение новостной информации	58,7	19,3	22,0
Обучение	45,9	21,4	32,7
Покупки	23,5	25,7	50,8
Развлечения	60,5	20,5	19,0

При этом информацию, полученную в соцсетях, 38,8% респондентов называют ценной, а 30,2% с её помощью нашли работу или подработки. Всё это свидетельствует о том, что постепенно изменяются, становясь более доступными и эффективными, каналы формирования социального капитала, постепенно обретающего «соединяющее» значение.

Солидарность поколений

Социальная солидарность, которую Э. Дюркгейм [Дюркгейм 1991] считал одной из ключевых характеристик устойчивого общества, раскрывается также и через анализ солидарности поколений. Полученные в ходе проведённого исследования данные отражают направленность и содержание взаимных обменов между молодым и родительским поколениями. Начнём с выяснения того, в чём выражается помощь родителей взрослым детям: денежную помощь от родителей получают две трети миллениалов, причём каждый пятый респондент считает такую помощь существенной. Взрослые дочери получают существенную помощь от родителей чаще, чем взрослые сыновья (соответственно, 25 и 18%). Косвенно это указывает на то, что мужчины в большей степени, чем женщины, воспринимают себя сами и воспринимаются другими членами семьи как финансово самостоятельные субъекты. В то же время о незначительной монетарной помощи сообщили молодые мужчины и женщины примерно в равных долях (44 и 43%).

Наиболее интенсивная материальная помощь от родителей поступает в тот период, когда значительная по численности группа молодёжи получает профессиональное образование (в возрасте 18–22 года). В дальнейшем численность принимающих помощь от родителей сокращается, однако её получают 13% молодых людей в возрасте 32–35 лет, и эта помощь существенна; о незначительной монетарной помощи от родителей сообщают 44% респондентов, находящихся в соответствующем возрастном интервале (см. таблицу 7).

Таблица 7 (Table 7)

**Наличие помощи от родителей деньгами по возрастным группам,
% от проживающих отдельно от родителей, по строке**
*Reception of financial support from parents by age group,
% of those living separately from their parents, by row*

Возрастные группы, лет	Наличие помощи от родителей деньгами		
	Существенная	Незначительная	Отсутствует
18–22	49,6	36,8	13,6
23–27	20,0	50,3	29,7
28–31	17,1	42,5	40,4
32–35	13,3	44,3	42,4
В целом	21,6	44,1	34,3

С получением профессионального образования, особенно высшего, монетарная помощь сокращается, однако и для 16% получивших высшее образование она остаётся существенной. Тем не менее, это наименьшая доля получающих финансовую помощь от родителей среди имеющих высшее профессиональное образование.

Важно обратить внимание на то, что финансовая помощь от родителей поступает безотносительно к тому, как респонденты оценивают своё материальное положение (см. таблицу 8). Это, вероятнее всего, означает, что их оценка осуществляется уже с учётом родительской помощи, которая тем весомее, тем выше респонденты себя оценивают по шкале уровня материального положения.

Таблица 8 (Table 8)

Наличие помощи от родителей деньгами по группам материальной обеспеченности, % от проживающих отдельно от родителей, по строке
Reception of financial support from parents by financial security groups, % of those living separately from their parents, by row

Уровень материальной обеспеченности	Наличие помощи от родителей деньгами		
	Существенная	Незначительная	Отсутствует
Выше среднего	26,1	36,7	37,2
Средний	20,5	46,3	33,2
Ниже среднего	20,4	44,4	35,2
В целом	21,6	44,1	34,3

Если существенную финансовую помощь в целом получают около четверти респондентов, то значительную помощь в немонетарных формах – уже 42%. Лишь каждый четвёртый респондент лишён таких видов помощи. Молодые женщины чаще говорят о получении существенной помощи в немонетарном виде, чем мужчины (соответственно, 46,8 и 37,3%).

Отсутствие монетарной помощи со стороны родителей уже получившим профессиональное образование и работающим компенсируется поступлением родительской помощи в немонетарных формах (см. таблицу 9). Другие респонденты, особенно находящиеся в отпуске по уходу за ребёнком, в большинстве получают нефинансовые виды родительской помощи.

Такие виды помощи в большинстве случаев достаются неполным семьям с детьми, хотя её получают и более половины полных семей с детьми (58%). Наличие внуков, таким образом, сильно стимулирует старшее поколение к осуществлению различных видов нефинансовой помощи.

Неденежные виды помощи поступают в существенных объёмах к молодым людям независимо от их материального положения, формируя доступные для родительских семей стандарты сплочённости поколений.

Далее мы можем дать интегральную оценку помощи представителям молодого поколения со стороны старшего. Согласно полученному распределению, 15,8% молодых людей совсем лишены помощи, 17,7%

получают её в минимальном виде, 28,7% – в среднем. В то же время 37% респондентов характеризуются соответствующим показателем на уровнях выше среднего или высоким.

Таблица 9 (Table 9)

Наличие нефинансовой помощи от родителей по типам занятости,
% от проживающих отдельно от родителей, по строке
Reception of nonfinancial support from parents by types of employment,
% of those living separately from their parents, by row

Тип занятости	Наличие нефинансовой помощи от родителей		
	Существенная	Незначительная	Отсутствует
Работают и не учатся	40,2	32,9	26,9
Работают и учатся	36,7	33,9	29,4
Не работают и учатся	52,4	29,5	18,1
В декрете/отпуске по уходу за ребёнком	51,5	33,5	15,0
Не работают и не учатся	44,3	27,3	28,4
В целом	42,1	32,1	25,8

Теперь рассмотрим другую сторону межпоколенческого обмена – от детей к родителям. Каждый третий респондент сообщает, что он оказывает денежную помощь родителям, причём 23,6% молодых людей считают её существенной. Если получателями финансовой помощи от родителей были скорее молодые женщины, то теми, кто её оказывает, в большинстве случаев оказались молодые мужчины.

Что касается планов помогать родителям в старости – здесь существует полный консенсус относительно того, что такую помощь предстоит оказывать обязательно: это мнение поддерживают 96% опрошенных. Такие ответы, скорее, следует интерпретировать как общее следование социальной норме, нежели как реальные стратегии, которые обязательно будут осуществляться.

Социальные обмены, благотворительность, волонтерство

Анализ международного опыта показывает, что миллениалы являются активными участниками социальных обменов, участвуя в различных видах волонтерства, благотворительности и пр. Подобные социальные практики поддерживаются государственными и общественными институтами: различные виды немонетарных бонусов стимулируют участие молодёжи в социальных обменах. Одной из задач нашего исследования было выяснить, насколько широко подобные социальные практики распространены в России.

Выяснилось, что неродственные социальные обмены находят определённое распространение среди миллениалов, но они значительно уступают родственным обменам. Денежную помощь друзьям на регу-

лярной основе оказывают около 7% респондентов, незнакомым людям – ничтожно малая доля молодёжи, не превышающая 3%. В то же время более половины миллениалов способны оказать экстренную денежную помощь друзьям, а треть опрошенных – незнакомым людям.

С годами каналы монетарной помощи несколько меняются (см. таблицу 10). Так, с возрастом сокращается помощь друзьям, и, наоборот, растёт помощь родственникам (разница между крайними возрастными группами составляет 7 п.п.) и незнакомым людям (соответствующая разница меньше 3 п.п.).

Таблица 10 (Table 10)

Каналы оказываемой монетарной помощи (регулярно или иногда), по возрастным группам, %, допускалось несколько ответов
Source of received financial support (frequent or occasional), by age groups, %, multiple answers were allowed

Возрастные группы, лет	Каналы оказываемой монетарной помощи		
	Родственники	Друзья	Незнакомые
18–22	69,5	68,4	35,8
23–27	77,2	66,0	32,6
28–31	78,2	62,9	38,5
32–35	76,7	59,0	38,0
В целом	75,9	63,8	36,4

Уровень образования молодёжи не оказывает существенного влияния на социальные обмены, можно лишь отметить несколько бóльшую склонность к оказанию неперсонифицированной благотворительности со стороны получивших высшее образование.

Чем выше уровень материального положения респондентов, тем чаще они оказывают денежную помощь кому-либо, особенно родственникам. Что касается помощи незнакомым, то её оказывают в равной степени представители всех доходных групп, но, как правило, это разовая помощь.

Агрегировав полученные данные, мы можем сделать заключение о плотности социальных обменов, в которые включены миллениалы (см. таблицу 11). Модальную группу составляет та часть респондентов, которая включена в два канала денежной помощи в качестве доноров.

Таблица 11 (Table 11)

Включённость в систему оказания монетарной помощи, %
Involvement in financial support provision system, %

Включённость (количество объектных групп)	Число респондентов
Низкая (не более одного канала)	35,5
Средняя (два канала)	40,2
Высокая (три канала)	24,3

По данному показателю мужчины активнее, чем женщины; наиболее высокую включённость в социальные обмены демонстрируют респонденты, находящиеся в возрасте 28–31 год. Низкая включённость в социальные обмены наиболее характерна для малообеспеченных респондентов, а высокая – для имеющих уровень материального положения выше среднего.

Были выявлены представления респондентов относительно того, в каких случаях в первую очередь следует оказывать денежную помощь. Подтвердилось очевидное предположение – тем, кто оказался в трудной жизненной ситуации. А также более половины миллениалов считают, что следует участвовать в различных краудфандинговых кампаниях, в том числе направленных на сбор денег для произведений искусства, создаваемых без помощи государства (см. таблицу 12). Можно сказать, что миллениалы готовы выступать в качестве самостоятельных субъектов социального действия.

Таблица 12 (Table 12)

Представления о том, кому следует оказывать финансовую помощь, % по строке
Opinions on who needs to receive financial support, % by row

Группы получателей	Представления		
	Нужно оказывать помощь	Не нужно оказывать помощь	Затруднились ответить
Находящиеся в сложной жизненной ситуации	91,6	4,6	3,8
Создающие фильмы, спектакли без помощи государства	54,2	35,0	10,8

Рассмотрим неденежные формы благотворительности. Так или иначе, в такую деятельность включена почти половина миллениалов. В отличие от мужчин, которые были более активны в оказании монетарных видов помощи, молодые женщины более активны в оказании помощи немонетарной (соответственно, 37% мужчин и 56% женщин). Наиболее материально обеспеченные респонденты оказались более активны не только в оказании денежной помощи, но также и в немонетарной её форме.

Таким образом, представленные данные показывают, что миллениалы достаточно активно участвуют в различных формах социального обмена, хотя регулярные практики социальной поддержки и благотворительности ещё не нашли массового распространения. Тем не менее ориентация на включённость в социальные обмены среди миллениалов очень высока, о чём свидетельствует, например, тот факт, что 95% респондентов высказывают одобрения волонтерским движениям в стране.

Обратимся к другой стороне социального обмена, то есть к объёмам и источникам помощи, которую представители молодёжи рассчитывают получить в случае необходимости. Её можно рассматривать как сформировавшийся у них социальный капитал. Как следует из данных таблицы 13, по представлениям самих миллениалов, они располагают

значительным объёмом такого вида капитала. Источниками помощи могут выступать прежде всего родственники, затем друзья, на помощь которых рассчитывают более 80% респондентов, и, наконец, на третьем месте – волонтерские и благотворительные организации, помощи от которых ожидает каждый второй респондент.

Таблица 13 (Table 13)

Возможность получения помощи, % по строке
Opportunity for receiving support, % by row

Субъекты	Возможность получения помощи		
	Присутствует	Отсутствует	Затруднились оценить
Родственники	87,0	11,7	1,3
Друзья	81,2	16,8	2,0
Коллеги	63,3	30,8	5,9
Государственные органы	25,9	64,7	9,4
Волонтерские, благотворительные объединения	52,3	33,8	13,9

Агрегировав число источников помощи, получаем индекс солидарности, который у миллениалов значительно выше, чем у старших поколений. Так, менее чем на три источника помощи могут рассчитывать 28,1%, на три-четыре – 59,4%, на пять – 12,5% респондентов.

В то же время имеются определённые возрастные различия, проявляющиеся в том, что с переходом в каждую следующую возрастную когорту снижается численность группы тех, кто рассчитывают на максимальную диверсификацию субъектов помощи, и, наоборот, растёт численность группы, представители которой рассчитывают на минимальное число субъектов помощи. Это означает, что с возрастом и социальным опытом надежды на высокую общественную сплочённость угасают.

Некоторые выводы

При значительном внутреннем разнообразии и неоднородности российские миллениалы выступают в качестве целостного поколения, и по своим социальным ориентациям и поведенческим характеристикам отличаются от старших поколений. Их статусная самооценка существенно выше, и в её основе лежат несколько иные критерии. Хотя уровень материального положения, как и у старших поколений, играет ведущую роль, в основе самоидентификации лежат также уровень образования и профессиональный статус, что, как хочется надеяться, свидетельствует о готовности признать ценности меритократического общества. Социальный капитал миллениалов формируется из иных, чем прежде, более разнообразных и доступных источников, а его использование в социальной и деловой сферах становится более эффективным. Миллениалы декларируют высокую степень солидарности со старшим поколением, одновременно в значительном масштабе принимая

от него финансовую и немонетарную помощь. В то же время они в высшей степени лояльны к различным проявлениям благотворительности и волонтерства, нередко сами в них участвуя. В целом можно сказать, что миллениалы достаточно плотно включены в систему социальных обменов и готовы выступать в качестве самостоятельного субъекта социального действия.

Библиографический список

Авраамова Е. М. 2018. Средний класс: мировые тренды и российские реалии // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 22–33.

Грановеттер М. 2009. Сила слабых связей // *Экономическая социология*. Т. 10. № 4. С. 31–50.

Дюркгейм Д. Э. 1991. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука. 575 с.

Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство. 464 с.

Мангейм К. 1998. Проблема поколений // *Новое литературное обозрение*. № 2 (30). С. 7–47.

Маркузе Г. 1970. Очерк об освобождении. М.: Наука. 80 с.

Никонов Е. Л., Шамис Е. М. 2017. Теория поколений. Необыкновенный Икс. М.: Издательский дом Университета «Синергия». 140 с.

Патнем Р. 1996. Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem. 287 с.

Петухов В. В. 2014 Поколение «нулевых»: идеологические установки и политическое участие в России // *Россия и Китай: молодёжь XXI века [монография]* / отв. редакторы: Горшков М. К., Ли Чунлинь, Голенкова З. Т., Козырева П. М. М.: Новый хронограф. С. 239–259.

Радаев В. В. 2018а. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // *Социологические исследования*. № 3. С. 15–33. 10.7868/S0132162518030029

Радаев В. В. 2018b. Прощай, советский простой человек! // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 51–65.

RuGenerations – российская школа Теории поколений // Сайт проекта «RuGenerations – российская школа Теории поколений». URL: <https://rugenerations.su> (Дата посещения: 14.07.2019).

Тихонова Н. Е. 2018а. Модель субъективной стратификации российского общества и её динамика // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. Т. 126. № 1–2. С. 17–29.

Тихонова Н. Е. 2018b. Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян // *Вестник Института социологии*. № 27. С. 11–43. 10.19181/vis.2018.27.4.536 URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2018_27/Tikhonova_11-43.pdf (Дата посещения: 28.07.2019).

Feuer L. S. 1969. *The Conflict of Generations: the character and significance of student movements*. N. Y.: Basic Books. 543 p.

Ghitza Y., Gelman A. 2014. *The Great Society, Reagan's Revolution, and Generations of Presidential Voting* Yair Ghitza Andrew Gelman / Unpublished manuscript, Columbia University // URL: https://static01.nyt.com/newsgraphics/2014/07/06/generations2/assets/cohort_voting_20140707.pdf (Дата посещения: 14.07.2019).

Lipset S. M. 1972. *Rebellion in the university*. Boston: Little, Brown & Co. 310 p.

Newcomb T. M., Turner R. H., Converse P. E. 1965. *Social Psychology: The Study of Human Interaction*. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston. 495 p.

Putnam R. D. 2000. *Bowling Alone: The collapse and revival of American community*. N. Y.: Simon and Schuster. 541 p.

Strauss W., Howe N. 2009. *The Fourth Turning: What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny*. Crown/Archetype. 400 p.

Mannheim K. 1929. *Ideologie und Utopie*. Bonn. 252 p.

Статья поступила: 23.06.2019

DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.591

The Social Positioning and Social Practices of Russian Millenials

Elena M. Avraamova

Institute of Social Analysis and Forecasting of The Russian Presidential Academy of National and Public Administration (RANEPА), Moscow, Russia

E-mail: avraamova-em@ranepa.ru

ORCID ID: 0000-0002-8849-9429

For citation: Avraamova, E. M. The social positioning and social practices of Russian millenials. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 78–95. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.591

Abstract. This article examines approaches towards studying generations. Millenials are highlighted as a specific object of research. Given their considerable inner diversity and non-uniformity, Russian millenials can be considered to be a holistic generation, which differs from elder generations in terms of social orientations and behavioral characteristics. The social self-identification of Russian millenials is examined, while identity criteria for various youth groups are defined. It is revealed that their self-assessment of status is considerably elevated when compared to elder generations, the former being based on somewhat different criteria. Despite the fact that material well-being, as is the case with elder generations, plays a key role in self-evaluation of status, millenials' self-identification is also based on education level and professional status, which might indicate their willingness to accept the values of a meritocratic society. Millenials' social capital is developed using sources provided by the new information-communication environment, with said sources being more diverse and attainable than ever before. Thanks to these new opportunities for developing social capital, the latter can be used much more efficiently in various environments. Millenials declare their high degree of solidarity with elder generations, while accepting a considerable amount of monetary and non-monetary assistance from the latter. Meanwhile they are extremely sympathetic to various forms of charity and volunteerism, while often participating in such activity themselves. In general, you can say that millenials are rather tightly linked to the system of social exchanges, while being prepared to assume the role of independent subjects of social activity. This article is based on data from a study titled "Differentiation of youth

groups: economic activity, demographic behavior, social practices”, conducted by the Institute for Social Analysis and Forecasting (Russian Academy of National Economy and Public Administration) in 2019. The sample, which represents Russia’s population from age 18 to 35, consisted of 3.5 thousand respondents.

Keywords: youth, socio-economic behavior, socio-economic development, social practices, the theory of generations, the millennials, resources of development, social capital, social structure.

References

- Avraamova E. M. Middle class: global trends and Russian realities. *Social Sciences*, 2018; 2: 22–33 (In Russ.).
- Durkheim D. E. *The division of labour in society*. Moscow: Science, 1991: 575 (In Russ.).
- Feuer L. S. *The conflict of generations: the character and significance of student movements*. New York: Basic Books, 1969: 543.
- Ghitza Y., Gelman A. *The great society, Reagan’s revolution, and generations of presidential voting*. Columbia University, 2014. [Unpublished manuscript]. URL: https://static01.nyt.com/newsgraphics/2014/07/06/generations2/assets/cohort_voting_20140707.pdf [accessed: 14.07.2019].
- Granovetter M.S. The strength of weak ties. *American Journal of Sociology*, 1973; 78 (6): 1360–1380 (In Russ.).
- Inglehart R., Welzel C. *Modernization, cultural change, and democracy. The human development sequence*. Moscow: Novoe izdatel’stvo, 2011: 46 (In Russ.).
- Lipset S. M. *Rebellion in the university*. Boston: Little, Brown & Co, 1972.
- Mannheim K. *Das Problem der Generationen*. *Klner Vierteljahreshefte für Soziologie*, 1928; 7: 158–187.
- Mannheim K. *Ideologie und utopie*. Bonn, 1929.
- Marcuse H. *An Essay on liberation*. Boston: Beacon Press, 1969: 91.
- Newcomb T. M., Turner R. H., Converse P. E. *Social psychology: The study of human interaction*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1965.
- Nikonov E. L., Shamis E. M. *The theory of generations. Unusual X*. Moscow: Izdatel’skij dom Universiteta «Sinergija», 2017:140 (In Russ.).
- Petukhov V. V. *Generation “zero”: ideological attitudes and political participation in Russia*. In: *Russia and China: youth of the XXI century*. Moscow: Novyj hronograf, 2014: 239–259 (In Russ.).
- Putnam R. D. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1994.
- Putnam R. D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon and Schuster, 2000.
- Radaev V. V. 2018 a. Millennials compared to previous generations: an empirical analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*; 3: 15–33 (In Russ.). 10.7868/S0132162518030029
- Radaev V. V. 2018 b. Farewell to the Soviet ordinary man. *Social Sciences*; 3: 51–65 (In Russ.).
- Russian school of the Theory of generations. URL: <https://rugenerations.su> [accessed: 14.07.2019] (In Russ.).
- Strauss W., Howe N. *The fourth turning: What the cycles of history tell us about America’s next rendezvous with destiny*. Crown/Archetype, 2009: 400.
- Tihonova N. E. Model of subjective stratification of Russian society and its dynamics. *Vestnik obshhestvennogo mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii = Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions*, 2018a; 126;1–2: 17–29 (In Russ.).
- Tihonova N. E. Life success and social status factors in the minds of Russians. *Vestnik Instituta sociologii = Bulletin of the Institute of Sociology*, 2018b; 27: 11–43 (In Russ.). 10.19181/vis.2018.27.4.536

The article was submitted on: 23.06.2019

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЁЖИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ

DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.592

Межнациональное и межрелигиозное согласие в среде крымского студенчества

Ссылка для цитирования: Ярмак О. В., Нелина Л. П., Ярмак В. Е. Информационно-коммуникативные риски сетевизации политических отношений // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 3. С. 96–112. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.592

For citation: Yarmak, O. V.; Nelina, L. P.; Yarmak, V. Ye. Interethnic and interreligious unity among Crimea college students. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No 3. P. 96–112. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.592

**Ярмак
Ольга Валерьевна**

Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

olga_yarmak@inbox.ru

**Нелина
Лариса Павловна**

Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

larisanelina@gmail.com

AuthorID РИНЦ: 862892

**Ярмак
Вероника Евгеньевна**

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

veronika_arkhipenko@mail.ru

Межнациональное и межрелигиозное согласие в среде крымского студенчества

Аннотация. Крым и Севастополь являются многонациональными регионами и в них, особенно в крымском регионе, проблема межнационального и межрелигиозного согласия была актуальна в различные периоды истории. С вхождением новых субъектов в состав Российской Федерации эта проблема не потеряла актуальности, а, наоборот, с учётом новых экстремистских и террористических вызовов современного мира приобрела новые аспекты. С одной стороны, в Крыму и Севастополе существует внутренний крымско-татарский вопрос, который необходимо исследовать в рамках достижения межэтнического и межконфессионального диалога, с другой – наличие внешних вызовов заставляет задуматься о формировании межнационального и межконфессионального согласия в молодёжной среде и, в первую очередь, среди студенчества как самой организованной её части. В этой связи исследование, осуществляемое при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-06-00440/19 «Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития» на 2017–19 гг., позволяет выявить механизмы достижения такого согласия. По мнению авторов публикации, межнациональное согласие включает в себя этнические установки, готовность к межнациональным контактам, что, в том числе, формирует национально-государственную и территориальную идентичности. В ходе эмпирического анализа была изучена ценностная компонента: в студенческом сознании присутствуют традиционные ценности, зафиксирована значимость профессионального роста и самореализации, слабость ценностей общих религиозных и национальных интересов. Также были зафиксированы отличия в процессе формирования идентичности у украинской молодёжи. В этой молодёжной группе зафиксирован низкий уровень удовлетворённости социальным обеспечением, значимость ценностей свободы и независимости, религиозного единства; они ощущают принадлежность к своей, украинской культуре, отличной от русской; среди украинцев доминирует мнение о неэффективности защиты суверенитета российским государством. Полученные результаты исследования позволили выявить структурные компоненты межнационального и межконфессионального согласия в различных этнических молодёжных группах, ориентируясь на составляющие национально-государственной, территориальной и культурной идентичности молодёжи. Процесс формирования межнационального и межконфессионального согласия в различных этнических группах крымской молодёжи следует основывать на принципах регионального патриотизма, создании общих культурных кодов, формировании позитивного образа России, усилении экономической и социальной обустроенности молодёжи, создании для неё возможностей профессионального роста и социальных лифтов, объединении молодых людей на основе поколенческих интересов, направленных на самовыражение и самореализацию.

Ключевые слова: межнациональное и межконфессиональное согласие, национально-государственная идентичность, территориальная идентичность, ценностное сознание, ценности, молодёжь

Обращаясь к категориям межнационального и межрелигиозного согласия, понимаем, что по своей структуре и содержанию они шире, чем понятия межэтнической / межнациональной / межрелигиозной толерантности. Исследуемые нами понятия включают в себя не только диалоговые межнациональные и межрелигиозные ценности и установки, но и межэтнические контакты, готовность к достижению межнационального и межрелигиозного доверия. Именно такой подход к анализу межнационального и межрелигиозного согласия использует известный российский социолог, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН Л. М. Дробижева [Дробижева 2003; Дробижева б/г]: ««Межнациональное согласие» – понятие более широкое, чем «позитивные межнациональные отношения» и «толерантность». Оно включает в себя не только благоприятные межнациональные установки, готовность иметь дело с людьми иных национальностей в профессиональной и неформальной сферах общения, но также и ценность диалогового урегулирования противоречивых ситуаций, межличностное и межгрупповое доверие, согласованные ценностные ориентации, общее видение образа мира. Всё это проявляется в способности людей жить в сложном, многообразном мире, взаимодействовать друг с другом на принципах доверия, равенства и справедливости. Критериями интеграции являются гражданская идентичность, согласованность в представлениях об общих целях развития, основных ценностях и жизненных устремлениях, заинтересованность в целостности государства и межнациональном согласии» [Дробижева 2015].

Использование категории «межэтническое согласие» обусловлено «Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года», где межнациональное (межэтническое) согласие является одной из приоритетных целей национальной политики государства¹. В нашем исследовании понятие межнационального согласия понимается как достижение позитивных межэтнических отношений и контактов, согласованных ценностных ориентаций, готовность к межнациональному взаимодействию и способность людей жить в полиэтническом сообществе.

Отражением и индикатором интеграционных и консолидационных процессов в межэтническом пространстве является национально-государственная идентичность. В ходе исследования мы обратимся к понятию национально-гражданской идентичности, раскрываемых Л. М. Дробижевой таким образом: «понятие национально-гражданской идентичности включает не только лояльность государству, но и отождествление с гражданами страны, представления об этом сообществе, ответственность за судьбу страны и чувства, переживаемые людьми (гордость, обиды, разочарования, пессимизм или энтузиазм). Так же, как и в республиканской, локальной, этнической идентичности здесь присутствуют

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666. URL: kremlin.ru/acts/bank/36512 [Дата посещения: 18.04.2019].

когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы (готовность к действию во имя этих представлений и переживаний)» [Дробижева 2008: 218]. «Этническая идентичность так же, как государственная, понимается широко, не только как самоотождествление, но и представление о своём народе, его языке, культуре, территории, интересах, а также эмоциональное отношение к ним, и при определённых условиях готовность действовать во имя этих представлений» [Дробижева 2008: 219]. Данная трактовка этнической идентичности позволяет проанализировать, как политические, социально-культурные, экономические изменения отражаются в государственно-гражданской и национальной идентичностях. Именно в данном ракурсе нами анализируется формирование национально-государственной идентичности крымской студенческой молодёжи, находящейся в переходном (пограничном) состоянии в связи с событиями Крымской весны.

Цель настоящего исследовательского проекта состоит в том, чтобы на основе комплексного мониторингового социологического исследования изучить уровень межнационального и межрелигиозного согласия в студенческой среде Крыма и Севастополя.

Методология исследования базируется на историческом институционализме, сравнительном и конфликтологическом анализе. Исторический институционализм позволяет учитывать историю институционализации межнациональных и межрелигиозных отношений в Крыму. Сравнительный анализ применяется для сопоставления содержательных, динамических и технологических особенностей межнациональных и межрелигиозных отношений в Крыму и Севастополе в разнонациональных молодёжных группах. Конфликтологический анализ позволяет понять процессуальные, структурно-ролевые и функциональные особенности рассматриваемых в исследовании кейсов.

Стратегия прикладного исследования носит гибридный характер, основывается на сочетании количественных и качественных методов, применённых для анализа особенностей восприятия межнациональных и межрелигиозных отношений в крымской студенческой среде.

Эмпирическая модель полевого исследования была построена на комбинации массового опроса (выборочная совокупность 1600 студентов) и глубинного интервьюирования (60 студентов). Выборочная совокупность массового опроса данного исследования репрезентативна возрастному критерию, стратифицирована и распределена по двум территориальным образованиям – Республике Крым и городу федерального значения Севастополь. Построение выборки было многоступенчатым, с применением процедуры поэтапного отбора объектов анализа. На первом этапе была применена вероятностная (гнездовая) выборка, где единицами отбора стали типы поселений с наличием или отсутствием вузовских структур. На втором этапе использовалась квотная выборка. Единицы отбора второй степени определялись на основе сведений (параметров квот) об общем количестве обучающихся в вузе, т. е. элементов генеральной совокупности. Единицы наблюдения отбира-

лись при помощи простого случайного отбора, при котором вероятность быть включёнными в выборку является одинаковой для всех единиц совокупности. Объём выборочной совокупности второй исследовательской волны 2018 г. составил 1600 человек. Размер ошибки выборки не превысил 3%.

Для измерения составляющих межнационального согласия в студенческой среде нами использовалась шкала Богардуса, модифицированная к исследованиям молодёжи. Наш инструментарий содержал специальные вопросы, касающиеся отношения к истории российского государства, понимания образа современной России, определения идентичности, ценностных предпочтений, готовности к межнациональным и межконфессиональным контактам.

При анализе имеющегося эмпирического материала было сформулировано предположение о том, что у молодёжи, проживающей в Крыму и Севастополе, процесс формирования межнационального и межрелигиозного согласия находится в трансформационной стадии и различается в группах, выделенных по национальному признаку. В связи с этим были выделены три группы студенческой молодёжи по национальному самоопределению: «русские», «украинцы» и «крымские татары».

Анализируя национально-государственную идентичность, было осуществлено измерение ощущения близости с той или иной группой, а именно: «мы – граждане Российской Федерации», «мы – люди нашего поколения», «мы – носители определённой культуры», «мы – жители полуострова», «мы – жители нашего города/села», «мы – люди общей судьбы», «мы – мужчины/женщины», «мы – люди одних политических взглядов», «мы – люди одной веры», «мы – люди нашего уровня жизни», «мы – люди нашей национальности», «мы – носители семейной роли, которую человек ощущает в повседневной жизни». Принадлежность к этим группам человек ощущает в повседневной жизни.

Результаты измерения национально-государственной идентичности крымской молодёжи показали, что 44% опрошенных молодых людей определяют себя гражданами Российской Федерации, 40% связывают себя со своим поколением, 38% соотносят себя с представителями одной культуры, 36% воспринимают себя жителями полуострова, 18% определили себя как жителей определённой местности (города/села). К группе людей с общей верой отнесли себя 7% опрошенных, к группе людей одной национальности лишь 6% респондентов (см. рис. 1). В контексте сохранения целостности государства значимо соотношение национально-государственной и территориальной идентичностей. Первая базируется на сопричастности государству, его геополитическому статусу, культурному и духовно-нравственному потенциалу, вторая – на отношении к региону проживания, восприятию экономических, инфраструктурных и социальных изменений в нём. Именно этот факт обусловил наш исследовательский интерес к измерению соотношения молодёжи с группой российских граждан и группой жителей полуострова.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос:
«Какие из перечисленных ниже групп наиболее близкие Вам по духу?», %

Fig. 1. Distribution of answers to the question

«Which of the following groups are closest in spirit to you?», %

Национально-государственная идентичность русской студенческой молодёжи формируется посредством принадлежности к группам российских граждан и жителей Крымского полуострова через ощущение близости со своим поколением и носителями определённой культуры. Формирование национально-государственной идентичности украинской молодёжи базируется на ощущении привязанности к Крыму, носителям определённых культурных ценностей, а также на поколенческих контактах. Крымско-татарская студенческая молодёжь самоопределяется через территориальную, поколенческую и культурную привязки. Необходимо отметить несколько значимых моментов. Во-первых, в группе украинцев и крымских татар менее выражена принадлежность к российским гражданам. Во-вторых, территориальная привязанность к полуострову в большей степени проявилась у крымско-татарской молодёжи. Важным является то, что украинская молодёжь ощущает привязанность к своей (украинской) культуре, отделяя её от русской. Гендерные и конфессиональные связи также более значимы для украинцев. У всех выделенных молодёжных групп объединяющим признаком является невыраженность политического влияния (см. таблицу 1).

Рассмотрение ценностных ориентаций как элементов, скрепляющих полиэтническое сообщество Крыма, обязательно в ходе измерения национально-государственной идентичности и межнационального согласия. Анализ ценностной структуры крымского студенчества показал, что ядро его ценностного сознания составляют здоровье (68%), свобода (65%), профессиональная самореализация (59%), а также любовь (49%), счастливая семья (46%) и друзья (44%). Студенческая молодёжь полуострова ориентирована на профессиональную и личностную самореали-

зацию, при этом она традиционалистская: для неё значимы ценности семейственности, любви и дружбы. Отсутствие в качестве значимого ценностного критерия общих религиозных или национальных интересов свидетельствует о слабости этнического и конфессионального факторов в структуре ценностного сознания молодёжи (см. рис. 2).

Таблица 1 (Table 1)

**Принадлежность к социальной группе
в зависимости от соотнесения себя с определённой национальностью, %
Belonging to a social group depending
on correlation of oneself with a certain nationality, %**

Принадлежность к социальной группе / Национальность	Русские	Украинцы	Крымские татары
Мы – граждане Российской Федерации	54	19	17
Мы – люди нашего поколения	34	32	51
Мы – носители определенной культуры	36	46	20
Мы – жители полуострова	38	46	54
Мы – жители нашего города/села	21	21	7
Мы – люди общей судьбы	12	6	5
Мы – мужчины/ Мы – женщины	10	24	12
Мы – люди одних политических взглядов	10	1	12
Мы – люди одной веры	6	24	12
Мы – люди нашего уровня жизни	7	9	0
Мы – люди нашей национальности	4	9	10
Мы – носители семейной роли	5	10	2

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос:
«Насколько важны для Вас следующие ценности?», %
Fig. 2. Distribution of answers to the question
«How important are the following values for you?», %

Дифференциация ценностных ориентаций в национальных группах показала, что русским важнее ценности здоровья, профессионального роста, свободы, семьи и любви. Для украинцев в первую очередь актуальны здоровье, свобода и материальная обеспеченность, причём именно эти ценности украинцам важны больше, чем русским и крымским татарам. Крымские татары ценят более всего свободу и материальные блага, затем – счастье и любовь. Необходимо отметить, что ценности свободы и материальной обеспеченности в большей степени значимы для украинцев и крымских татар. Профессиональную реализацию более ценят русские, чем украинцы и представители крымско-татарской молодёжи. Общественное признание и власть актуальны в большей степени для крымско-татарской молодёжи, чем для русской и украинской (см. таблицу 2).

Таблица 2 (Table 2)

Распределение ответов на вопрос:
«Насколько важны для Вас следующие ценности?», %, по национальным группам
Distribution of answers to the question
«How important are the following values for you?», %, by national groups

	Материальная обеспеченность жизни	Наличие власти	Общественное признание	Свобода	Образование, саморазвитие, познание	Интересная работа, профессиональный рост	Творческая самореализация	Счастливая семейная жизнь	Любовь	Наличие друзей	Здоровье	Досуг, развлечения	Счастье других людей, самопожертвование
Русские	33	16	9	64	19	64	35	50	50	49	73	30	17
Украинцы	62	22	19	82	19	33	35	45	50	40	86	16	20
Крымские татары	54	37	39	71	34	34	17	48	46	29	53	10	10

С целью более глубокого анализа ценностного сознания крымской молодёжи определялись качества, которыми должен обладать современный молодой человек. Оказалось, что это – честность (52%), ответственность (47%), независимость (42%) и самоконтроль (39%). Треть опрошенных молодых людей считают, что сейчас важно быть эффективным (34%), исполнительным (31%), терпимым и лояльным (30%) (см. рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос:
«Насколько важны для Вас следующие качества?», %
Fig. 3. Distribution of answers to the question
«How important are the following qualities for you? », %

Оценивая актуальные личностные качества в национальных группах, мы выяснили, что независимость в большей степени ценят украинцы, а эффективность – русские и крымские татары (см. таблицу 3).

Таблица 3 (Table 3)

Распределение ответов на вопрос:
«Насколько важны для Вас следующие качества?», %, по национальным группам
Distribution of answers to the question
«How important are the following qualities for you? », %, by national groups

	Твёрдая воля	Эффективность в делах	Независимость	Самоконтроль	Рационализм	Исполнительность	Терпимость, лояльность, чуткость	Честность	Ответственность	Непримируемость к недостаткам
Русские	29	36	44	46	26	36	38	52	51	13
Украинцы	30	18	63	23	22	29	11	51	44	7
Крымские татары	33	36	28	37	33	14	31	43	47	5

Кроме того, студенты указывали качества, которые они ценят в других. Самым основным из таких качеств для крымской молодёжи является общность интересов (89%), а самыми незначимыми оказались общность религиозных взглядов (9%) и этническое происхождение (6%), что говорит о космополитичности современной крымской молодёжи (см. рис. 4).

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Оценивая личность человека в целом, на какие характеристики Вы обращаете внимание прежде всего?», %, выбор не более 3-х вариантов ответа

Fig. 4. Distribution of answers to the question

«Assessing the personality of a person as a whole, what characteristics do you pay attention to first of all?», %, choice of no more than 3 answer options

Значимость общности интересов оказалась важной во всех выделенных нами группах: русские – 89%, украинцы – 79%, крымские татары – 75%. Единственным отличием в национальных группах оказалось то, что украинцы (33%) и крымские татары (19%) более ориентированы на общность религиозных взглядов, чем русские (9%) (см. таблицу 4).

Таблица 4 (Table 4)

Распределение ответов на вопрос:

«Оценивая личность человека в целом, на какие характеристики Вы обращаете внимание, прежде всего?», %, по национальным группам, не более трёх вариантов ответа

Distribution of answers to the question “When evaluating a person’s personality as a whole, what characteristics do you pay attention to first of all?», %, by national groups, choice of no more than 3 answer options

	Общность религиозных взглядов	Общность политических взглядов	Этническое происхождение	Социальный статус	Материальное благополучие	Общность интересов
Русские	9	21	8	26	14	89
Украинцы	33	19	8	25	21	79
Крымские татары	19	21	4	23	8	75

Для понимания ценностно-смысловой конструкции сознания крымской молодёжи исследовалась популярность определённых ценностных смыслов. Показательным стало то, что максимальный вес набрала патриотическая смысловая установка «Мы – наследники истории великой страны!» (39%). Треть опрошенных молодых людей выбрали утверждение о социальной справедливости («Справедливость и социальное государство – главные задачи современного общества» – 36%) и о соотношении личной и общественной свобод («Моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого человека» – 30%). Ценность личного и общественного успеха («Мой личный успех – успех всей страны!») популярна у 28% опрошенных. Необходимость закона и порядка как основ общества осознают 22% респондентов («Фундамент благополучного общества – это закон и порядок»). В рамках нашего исследовательского интереса важным оказалось то, что утверждение «Многонациональность России – наше конкурентное преимущество!» не получило поддержки у большинства опрошенных (13%), что свидетельствует о слабости этнического фактора при формировании смысловых принципов крымской молодёжи (см. рис. 5).

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Какие ценности и смыслы, на Ваш взгляд, распространены в молодежной среде Крыма прежде всего?», %, выбор не более 3-х вариантов ответа

Fig. 5. Distribution of answers to the question «What values and meanings, in your opinion, are prevalent among the youth of Crimea first of all? », %, choice of no more than 3 answer options

В национальных группах распределение оценок смысловых установок показало, что утверждение «Россия – пространство моей личной ответственности!» более значимо в среде русской (17%) и крымско-татарской (13%) молодёжи, а принадлежность к достижениям Родины («Мы – наследники истории великой страны!») присутствует в большей

степени у русских (42%) и украинцев (32%). О преимуществе многонациональности российского государства в большей степени говорили украинцы (30%). Важность соблюдения закона и порядка в большей степени осознают крымские татары (40%), чем украинцы (22%) и русские (17%) (см. таблицу 5).

Таблица 5 (Table 5)

Распределение ответов на вопрос: «Какие ценности и смыслы, на Ваш взгляд, распространены в молодёжной среде Крыма прежде всего?»,
%, по национальным группам, выбор не более 3-х вариантов ответа
Distribution of answers to the question «What values and meanings, in your opinion, are prevalent among the youth of Crimea first of all?», %, by national groups, choice of no more than 3 answer options

	Мой личный успех – успех всей страны!	Спешу людям делать добро!	Россия – пространство моей личной ответственности!	Мы – наследники истории великой страны!	Многонациональность России – наше конкурентное преимущество!	Фундамент благополучного общества – это закон и порядок	Справедливость и социальное государство – главные задачи современного общества	Моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого человека
Русские	29	25	17	42	7	17	36	26
Украинцы	21	15	4	32	30	22	30	33
Крымские татары	21	29	13	8	4	40	40	10

Межнациональное и межконфессиональное согласие в условиях своего формирования поддерживается сходством ценностей и смысловых установок, объединяющих молодёжь и основанных на традициях совместного проживания, исторической памяти советского и постсоветского (украинского) периода, сложившимися социокультурными связями. В этой связи полученные результаты позволяют говорить о консолидирующих факторах при формировании межнациональных и межконфессиональных установок крымского студенчества, что особенно важно в условиях полиэтничного региона.

Данный вывод подтверждается тем, что для 52% опрошенных при выборе друзей не важны их этническая и религиозная принадлежности, а 49% респондентов одинаково относятся к плохим поступкам и преступлениям вне зависимости от национальности и вероисповедания совершившего их человека. Это говорит о наличии готовности к межнациональным и межконфессиональным контактам в студенческой среде: принять человека иной национальности или веры в личное (при выборе спутника жизни) и семейное пространство готовы 37% опрошенных.

Значимым ресурсом межнационального согласия видится наличие мнения о непримиримости к нарушению социальных норм вне зависимости от этнической или конфессиональной принадлежности нарушителя

и готовность к межнациональным контактам в близком и семейном кругу. Позитивной этноконсолидации молодёжи также способствует формирование у неё сходных смыслов и ценностей, общих представлений друг о друге.

Представления о месте, роли и геополитическом значении государства – составляющие его образа в сознании и формирующие национально-государственную идентичность. То, насколько личные цели и интересы молодого человека интегрируются с целями и действиями государства, влияет на конструирование образа государства у молодёжи, что, в свою очередь, формирует её национально-государственную идентичность. Анализ политических и социальных представлений о нашей стране показал, что абсолютное большинство наших молодых респондентов (67%) считают Россию мировой державой, решения и действия которой оказывают глобальное влияние на мир. Пятая часть опрошенных (20%) определяют геополитический статус нашего государства как лидера Евразийского пространства. И 13% опрошенных считают Россию региональной державой, ориентированной на постсоветское пространство и не способной оказывать глобальное воздействие в мире. В целом студенческая молодёжь крымского полуострова считает Россию державой, решения и действия которой оказывают влияние как на мир, так и на Евразийское пространство.

Определение цивилизационного и культурного потенциала российского государства выявило отношение к России как к цивилизации, сохраняющей традиционные ориентиры мировых религий (50%) и соединяющей ценности и традиции Запада и Востока (41%). То есть крымская молодёжь воспринимает новое для себя государство как пространство для достижения межнационального и межконфессионального консенсуса, как интегратора, объединяющего западные и восточные смыслы, духовные ориентиры мировых религий.

Оценки культурного и духовно-нравственного потенциала современной России в национальных группах свидетельствуют о том, что крымские татары (72%) и русские (60%) в большей степени, чем украинцы (38%), считают Россию цивилизацией с традиционными ориентирами мировых религий. Как цивилизацию, соединяющую западные и восточные ценности и традиции, Россию видит половина опрошенных украинцев (54%), треть русских (35%) и пятая часть в группе крымских татар (19%).

Значимы в рамках нашего исследовательского кейса мнения крымской и севастопольской молодёжи о защите суверенитета государства. 50% опрошенных уверены, что Россия защищает свой суверенитет эффективно, 45% – отчасти эффективно, что в целом отражает представления крымской молодёжи о российском государстве как о сильном и суверенном.

В национальных группах зафиксированы следующие тенденции: 60% опрошенных украинцев считают, что Россия недостаточно эффективно защищает свой суверенитет, тогда как 63% респондентов

крымско-татарской национальности и 57% опрошенных русских отметили, что Россия эффективно себя защищает. Выявленные закономерности в национальных группах молодёжи в оценках геополитического статуса России, её цивилизационного и культурного места, защиты суверенитета скрывают потенциальную угрозу успешному протеканию консолидационных процессов достижения межнационального и межконфессионального согласия. В этой связи сформированный образ российского государства у украинской части крымского студенчества вызывает некоторое беспокойство.

Поскольку Республика Крым и город федерального значения Севастополь являются новыми регионами Российской Федерации, для нашего исследовательского проекта представляет интерес анализ процесса формирования позитивного образа российского государства в сознании крымской и севастопольской молодёжи. В связи с этим необходимо учитывать оценочные суждения об изменениях в регионах. В качестве изменений на полуострове крымская молодёжь отмечает повышение уровня безопасности (72%) и эффективную динамику развития социальной инфраструктуры (64%).

Уже неоднократно фиксировалось, что на межэтнические отношения влияют условия жизни: люди с негативными межнациональными установками в основном не удовлетворены своим материальным положением и работой. В свою очередь, доступ к образованию и образовательным услугам позитивно влияет на межэтнические установки, расширяет мировоззрение и понимание других культур. Именно поэтому актуальна не только оценка молодёжью социальных, экономических и культурных изменений на полуострове, но и то, как они затронули её жизнь. Студенты отметили расширение возможностей поступления в российские вузы по всей стране (80%), повышение качества образовательного процесса (63%) и увеличение социального обеспечения студенчества (53%).

В национальных группах оценки возможностей для молодёжи выглядят несколько иначе. Если позитивную динамику поступлений в российские вузы в равной степени отметили все, то повышение качества образовательного процесса в большей степени ощутили русские (68%) и украинцы (65%). Об улучшении социального обеспечения студентов заявили 74% респондентов крымско-татарской национальности, 57% опрошенных русских и только 37% опрошенных украинцев.

Заключение

Анализируя полученные данные, можно констатировать, что межнациональное и межконфессиональное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя являются сложносоставными феноменами, базирющимися на национально-государственной, территориальной и культурной идентичностях. Компонентами национально-государственной

идентичности является сконструированный образ государства, оценка его геополитического статуса и потенциала. Составляющими территориальной идентичности выступают восприятие региона, оценка его экономических изменений, уровень социальных возможностей для молодёжи, её удовлетворённость социальной обеспеченностью; культурная идентичность раскрывается в культурно-смысловых кодах принадлежности к носителям культур.

Сформированный в сознании молодёжи образ России как сильного и суверенного государства, значимого игрока на геополитической и международной арене, государства-цивилизации, объединяющего ценности мировых религий, традиции Запада и Востока, консолидирует межнациональные отношения и связи среди студентов и влияет на достижение межнационального и межрелигиозного согласия между представителями различных национальностей в молодёжной среде Крыма и Севастополя.

Изучая процесс формирования идентичности молодёжи различных национальностей и анализируя её структурные компоненты, можно отметить следующее. У разнонациональной молодёжи процесс формирования идентичности различен: в нём присутствуют как отличительные, так и объединяющие признаки. Для всех национальных групп общим компонентом в структуре национально-государственной идентичности является территориальный: проживание на крымском полуострове (для русских и украинцев) и «наследственная» привязанность к родной крымской земле (у крымских татар). Значимым моментом при построении идентичности студенчества является слабость политического воздействия на него.

Анализ переменных в национальных группах молодёжи выявил отличительные характеристики в украинской группе. У украинской молодёжи Крыма и Севастополя зафиксирован низкий уровень удовлетворённости социальным обеспечением, при этом для неё значимы независимость и свобода, религиозное единство, принадлежность к своей (украинской) культуре, отличной от русской; среди них доминирует мнение о неэффективности защиты суверенитета российским государством. Это свидетельствует о необходимости осуществления отдельной информационно-медийной и просветительской работы с украинской группой молодёжи в Крыму, а также акцента на решение её экономических и социальных проблем, связанных с интеграционными процессами вхождения в экономическое и правовое пространство России.

В целом, подводя итог, можно отметить, что процесс формирования межнационального и межконфессионального согласия в различных этнических группах крымской молодёжи следует основывать на:

- принципах регионального патриотизма с учётом территориальной привязанности молодёжи к Крыму;
- создании общих культурных кодов, объединяющих молодёжь различных национальностей;
- формировании позитивного образа России через повышение привязанности к российскому государству, его историческим символам и культурным смыслам;

- усилении экономической и социальной обустроенности молодежи, создании для неё возможностей профессионального роста и социальных лифтов;
- объединении молодых людей на основе поколенческих интересов, направленных на самовыражение и самореализацию, без политического контекста.

Библиографический список

Дробижева Л. М. 2003. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей. 376 с.

Дробижева Л. М. 2015. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. № 11. С. 80–90.

Дробижева Л. М. Б/г. Интеграционные процессы в полиэтничном российском обществе // Официальный сайт Института социологии РАН. URL: isras.ru/index.php?page_id=882 (Дата посещения: 18.04.2019).

Дробижева Л. М. 2008. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. Ред. М. К. Горшков. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН. С. 214–228.

Статья поступила: 10.05.2019

DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.592

Interethnic and Interreligious Unity Among Crimea College Students

Olga V. Yarmak

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

E-mail: olga_yarmak@inbox.ru

ORCID ID: 0000-0002-3261-0415

Larisa P. Nelina

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

E-mail: larisanelina@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-9975-8628

Veronika Ye. Yarmak

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

E-mail: veronika_arkhipenko@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-5025-9112

For citation: Yarmak, O. V.; Nelina, L. P.; Yarmak, V. Ye. Interethnic and interreligious unity among Crimea college students. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 96–112. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.592

Abstract. The Crimea and Sevastopol are considered to be multinational regions, and within them – especially in the Crimea region – such an issue as interethnic and interreligious accord has been relevant at various points in history. With new subjects having joined the Russian Federation, this issue has not become any less relevant. On the contrary, due to new challenges of the modern world, such as extremism and terrorism, this issue has acquired new aspects. On the one hand, there exists the internal matter of the Crimean Tatars in the Crimea and Sevastopol, which needs to be examined within the context of starting an interethnic and inter-confessional dialog, while on the other hand the presence of external challenges prompts to consider developing interethnic and inter-confessional accord among the youth, primarily among college students, them being the most well-organized youth group. In light of this fact, the study conducted in 2017–2019 with financial support from the Russian Foundation for Basic Research within the framework of research project number 17-06-00440/19 and titled “Interethnic and interreligious unity among Crimea and Sevastopol college students: monitoring and analyzing the development level” allows to determine mechanisms for achieving such unity. According to the authors of this work, interethnic unity includes ethnic attitudes, willingness to partake in interethnic contact, which, among other things, develops national and territorial identity. The value component was examined during the course of empirical analysis: traditional values are in fact present in students’ consciousness; professional growth and self-fulfillment were identified as being important, while values attributed to general religious and ethnic interests were deemed insignificant. Also observed were deviations in the process of identity development among young Ukrainians. Observed within this youth group was a low degree of satisfaction with social provisions, the importance of such values as freedom, independence and religious unity; they feel that they belong to their own Ukrainian culture, which differs from Russian culture; for the most part Ukrainians assume that the Russian government cannot effectively protect their sovereignty. The results of this study allowed for determining the structural elements of interethnic and inter-confessional unity within various ethnic youth groups, with regards to components of young people’s national, territorial and cultural identity. The process of developing interethnic and inter-confessional unity within various ethnic groups of Crimea’s youth should be based on principles of regional patriotism, on creating common cultural codes, developing a positive image of Russia, enhancing young people’s economic and social standing, creating opportunity for professional growth together with social lifts, consolidating young people based on generational interests aimed at self-expression and self-fulfillment.

Keywords: Interethnic and interreligious harmony, national-state identity, territorial identity, value consciousness, values, youth

References

Drobizheva L. M. Social problems of interethnic relations in post-Soviet Russia. Moscow: Center for Universal Human Values: 2003: 376 (In Russ.).

Drobizheva L. M. 2015. Potential of interethnic harmony: understanding of the concept and social practice in Moscow. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2015; 11: 80–90 (In Russ.).

Drobizheva L. M. Integration processes in multi-ethnic Russian society. Official web-site of the Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences. URL: isras.ru/index.php?page_id=882 [accessed: 18.04.2019] (In Russ.).

Drobizheva L. M. National-civil and ethnic identity: positive compatibility issues/ In: *Reforming Russia. Year-book*, V. 7. Ed.by M. K. Gorshkov. Moscow: Institute of Sociology RAS, 2008: 214–228 (In Russ.).

The article was submitted on: 10.05.2019

Трибуна Молодого учёного

DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.595

История изучения электоральной социологии

Ссылка для цитирования: Земскова А. М. История изучения электоральной социологии // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 3. С. 113–130. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.595

For citation: Zemskova, A. Yu. The history of electoral sociology's studies. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 113–130. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.595

**Земскова
Анастасия Юрьевна**

МГИМО (У) МИД России,
Москва, Россия

anast.zemskova@gmail.com

AuthorID РИНЦ: 953292

История изучения электоральной социологии

Аннотация. В современном мире электоральная социология, находясь под пристальным вниманием широкой общественности, а также представителей СМИ, во многом определяет облик социологии как науки в целом. В настоящее время представление о социологии зачастую складывается, исходя из освещаемых в СМИ результатов опросов общественного мнения на политическую и во многом электоральную тематику. Параллельно можно наблюдать другую тенденцию: высокие требования, которые предъявляются к электоральным исследованиям, их верифицируемости и эффективности, способствуют развитию методов социологических исследований и социологии в целом. Научные исследования электоральных процессов отличает конвергенция различных исследовательских школ и парадигм, при которой происходит пересечение подходов и методик. В статье представлены этапы развития электоральной социологии от «соломенных опросов» (этап соломенных опросов, электоральная социология 30–40 гг. XX в., экологический анализ в электоральной социологии, бихевиористский подход, социологическая теория электорального поведения, социально-психологическая теория электорального поведения, рационально-инструментальная теория) до современных теорий электорального поведения, которые в современной электоральной социологии принято называть «постгэлаповскими». Автор раскрывает основные черты каждого этапа формирования современной электоральной социологии, выделяет её достижения и ценность, а также проводит углублённый анализ современных теорий электорального поведения с учётом проблем, лежащих на стыке политической социологии и социологии права, среди которых особое внимание уделяется выборам как политическому феномену, политической культуре и политическим установкам избирателей, особенностям избирательных систем, политическим механизмам и избирательным технологиям.

Ключевые слова: электоральная социология, электоральное поведение, соломенные опросы, «постгэлаповские» методы

Начальный этап становления электоральной социологии. Соломенные опросы

Родиной электоральной социологии, а также основных школ, методов и методик в рамках дисциплины являются США. Электоральные процессы, составной частью которых выступает электоральное поведение, стали предметом изучения общественных наук в США начиная со второй половины XIX в. Как правило, первым этапом становления электоральной социологии называют особую систему подсчёта голосов в день выборов с целью предсказания результатов голосования [Кудрявцева 2009]. В историю социологии данный феномен вошёл под названием «соломенные опросы» (straw polls). Автором термина «соломенный опрос» издание «New Political Dictionary» называет английского юриста Дж. Селдена, который написал следующие строки: «Возьмите солому и подбросьте её в воздух – вы сможете увидеть, куда дует ветер»¹. Данный термин не сразу вошёл в обиход, но к 1866 г. газета «Clevel and Leader» уже публиковала статьи со следующими строками: «...соломенный опрос, проведённый вчера в поезде, показал...» [At a Glance... 1999].

Проведение соломенных опросов, последующая публикация результатов, а также сопутствующие дискуссии среди избирателей и прессы формировали социальный запрос на подобную информацию. Это переросло в укоренившуюся традицию публиковать в газетах результаты опросов накануне общенациональных и местных выборов. Данные публикации стали носить информационную и пропагандистскую направленности, обладающие практической и организационной функциями, тем самым стали предоставлять возможность учесть результаты анализа мнений в процессе принятия решений.

Исследователем электоральных опросов К. Франковичем была приведена выдержка из заметки, опубликованной в 1824 г. в газете «American Watchman and Delaware Advertiser»: «Мы призываем наших уважаемых граждан принять участие в этом начинании – выявлении мнений населения. Пусть политики в Вашингтоне и в других местах знают волю людей и, даже если это не решит проблему, люди хотя бы получат информацию...». [Frankovic 2000].

Основываясь на особенностях избирательной системы США в начале XIX в., можно выделить ещё одну важную функцию подобных опросов. В течение рассматриваемого периода не все граждане имели право голоса, поэтому опросы стали наглядными неофициальными выборами, тем самым показывая, за кого граждане голосовали бы, если бы у них была такая возможность.

В работе «От соломенных опросов к постгэллаповским опросным методам» Б. З. Докторов предлагает разбить первый этап становления электоральной социологии на три периода [Докторов 2013].

¹ Политическая социология в 2 ч. Часть 2. Изд. 2-е, исп. и доп. Учебник и практикум для академического бакалавриата / под ред. Т. В. Евгеньевой. М.: Юрайт, 2018. С. 132.

1789–1824 гг.: предыстория соломенных опросов

В этот период наблюдается процесс возникновения и проектирования института президентства в США, а также системы взглядов общества, прежде всего социальной элиты, на роль различных институтов власти, а также на формирование американской прессы, регулирование её деятельности и определение роли в общественно-политической жизни США. В течение этого периода в стране уже были так называемые бюллетени для голосования, которые представляли собой особый вид регистрационных документов. Избиратели были зарегистрированы в книгах для голосования, в которых также отмечалось, за кого они проголосовали. С учётом особенностей избирательной системы США, гражданами, имеющими право голоса, были белые, финансово независимые мужчины, постоянно проживающие в избирательном округе. В то же время не было ни бюллетеней, ни института тайного голосования. Важно отметить, что администрация Джефферсона на рубеже XVIII–XIX вв. регулярно прибегала к опросам, однако предпочтения избирателей были учтены без учёта демографических характеристик электората. Т. Смит, эксперт по истории избирательных исследований, называет следующие основные причины появления системы соломенных опросов: демократизация общества, стремление укрепить центральную власть и заинтересованность в количественных оценках результатов голосования. Он также обращает внимание на то, что политические группы, заинтересованные в предвыборных прогнозах, переключились на оценку возможных результатов президентских выборов 1824 г. уже в начале 1821 г. [Smith 1990]. Грядущие президентские выборы оставляли место для размышления, что стимулировало проведение опроса избирателей. Во время кампании в 1824 г. были использованы четыре метода сбора информации: опрос участников различных собраний, не связанных с президентскими выборами; опрос участников дискуссионных групп, специально созданных для выяснения электоральных установок; анализ ответов на вопросы, распространяемые по специальным формам в общественных местах; опрос избирателей, которые участвовали в выборах в местные органы власти. Руководителями этих опросов были как сторонники политических партий, так и рядовые граждане. Следует отметить, что опросы привлекли пристальное внимание представителей прессы и общества в целом.

Чтобы охарактеризовать опросы, проведённые во время президентской кампании 1824 г. и последующих десятилетий, Смит предложил термин «протосоломенные опросы». В то же время он не даёт точного определения этого термина, лишь отмечая следующее: «Хотя эти протосоломенные опросы существенно отличались от более поздних соломенных опросов, проводимых в девятнадцатом и начале двадцатого века газетами и журналами, и ещё сильнее – от современных опросов, выросших из работ Гэллапа, Роупера и Кроссли 1936 г., они могут рассматриваться как прародители газетных соломенных опросов» [Smith 1990: 30].

Подводя итог данному периоду, можно сделать вывод, что электоральная социология как наука берёт своё начало во время становления института президентских выборов в США.

1825–1915 гг.: становление и расширение системы соломенных опросов

Одной из характерных черт этого периода является то, что на начальном этапе соломенные опросы в основном проводились газетными изданиями. Журналисты, в компетенцию которых входила разработка вопросников и организация сбора данных, не обладали достаточными навыками, связанными с техникой опросов и техникой выборки. Это объяснялось тем, что на этом этапе основной упор делался на получении максимального объёма данных, а вопросам представления электората отводилась второстепенная роль. Кроме того, у прессы не было задачи чётко контролировать сбор информации. Это выражалось в том, что часто заполненные анкеты возвращались в течение нескольких недель, и поэтому было невозможно зафиксировать динамику электоральных настроений.

Значительный вклад в изучение соломенных исследований второй половины XIX в. внесла С. Хербст, которая пришла к выводу, что соломенные исследования начались в 1820-х гг., однако они приобрели наибольшую популярность только к середине XIX в. Хербст называет этот период эпохой «популярных» опросов и приводит примеры ощущения электоральных предпочтений журналистами и рядовыми гражданами, активно участвующими в избирательных кампаниях [Herbst 1993: 76].

К второй половине XIX в. соломенные опросы стали более сложными и приобрели многоэтапный характер.

В частности, в 1883 г. газета *Boston Globe* использовала инновационный для того времени метод сбора информации, чтобы уточнить окончательный прогноз выборов. Накануне голосований наблюдатели публикаций были направлены в отдельные избирательные округа, а затем на основании их отчётов был предсказан исход выборов в штате [Gallup, Rae 1940: 35]. Ещё один пример такого рода: в 1896 г. несколько чикагских газет провели совместный соломенный опрос, чтобы определить шансы кандидатов на президентскую гонку В. МакКинли и В. Брайана. В частности, газета «Чикаго Рекорд» потратила более 60 тыс. долларов на рассылку опросных листов избирателям случайным образом – один из каждых восьми избирателей в 12 штатах Среднего Запада. Вернулась четверть миллиона карт. Прогноз для Чикаго оказался верным, в то время как другие не подтвердились [Gallup, Rae 1940: 50].

К 1916 г. несколько независимых публикаций внесли значительный вклад в накопление статистических данных для оценки результатов голосования в отдельных штатах в разных частях США. После этого полученные данные были обобщены. В 1924 г. соломенные опросы были

проведены в 43 штатах, в 1928 г. – в 46, что позволило сделать безошибочный прогноз о результатах выборов. По словам одного из первых исследователей и историков опросов К. Робинсона, во время избирательной кампании 1928 г. было проведено около 85 опросов, 75 из них были местными: города, районы и другие сравнительно небольшие поселения. В четырёх опросах, в «Columbus Dispatch», «Cincinnati Enquirer», «Chicago Tribune» и «New York Daily News», участвовали избиратели штата, а иногда и население соседних территорий. Наконец, шесть опросов, финансируемых «Literary Digest», «Газетами Херста», Farm Journal, Pathfinder, Nation и College Humor, были общенациональными, а Farm Journal и Pathfinder были сфокусированы на опросе сельского населения [Robinson 1932: 50–51].

На данном этапе соломенные опросы получили развитие.

1916–32 гг.: эпоха журнала «Literary Digest»

Указанный период можно считать звёздным часом журнала «Literary Digest», название которого во многом стало синонимом опросов. Журнал на основе публикаций и опросов кратко ознакомил общественность с разработанными методами восприятия мнения избирателей. Впервые граждане смогли понять, что такое общественное мнение о кандидатах в президенты.

В 1916 г. в «The Digest» начались соломенные опросы. Журнал попросил подписчиков из пяти штатов – Иллинойса, Индианы, Нью-Джерси, Нью-Йорка и Огайо – ответить на вопрос, кто с большей вероятностью выиграет новые президентские кампании: действующий президент-демократ В. Уилсон или его соперник республиканец Ч. Хьюз.

В 1912 г. Вильсон с большим перевесом опередил бывшего президента Т. Рузвельта (81,9% против 16,6), но назвать имя того, кто будет первым на выборах 1916 г, было сложной задачей. Прогноз «The Digest» был верным, хотя в том году Вильсон (49,2% голосов избирателей) ненамного «переиграл» республиканца (46,1%). В 1920 г., перед тем как партийные конгрессы начали называть своих кандидатов, журнал разослал 11 млн бюллетеней. В последующие годы электоральные опросы проводились в тех же штатах, что и в 1920 г., и дополнительно – в Калифорнии. Прогноз оказался верным, но, видимо, его построение не было сложной задачей: республиканец У. Гардинг (60,3% избирателей и 404 выборщика) значительно опережал демократа Дж. Коха (34,1% и 127 выборщиков). В 1924 г. журнал отправил 16,5 млн карточек: прогноз был благоприятным для республиканца К. Кулиджа (54% и 382 выборщика), который и победил демократа Дж. Дэвиса на выборах (28,8% и 136). Прогноз «обещал» победителю всего на 5% больше. В 1928 г. опросные карточки «The Digest» получили 18 млн владельцев телефонов и автомобилей: ответы респондентов вывели в лидеры республиканца Г. Гувера (63,2%). Он победил

с меньшим числом голосов (58,2%), тем не менее журнал вновь доказал состоятельность своих прогнозов. Более того, в 1924 г. был сделан безошибочный прогноз относительно результатов голосования во всех штатах, исключая Кентукки и Оклахому. Четыре года спустя неверные прогнозы были даны в отношении только четырёх штатов. 3 сентября 1932 г. «The Digest» опубликовал следующий материал: «На двадцати миллионах конвертов вручную написаны адреса. Двадцать млн опросных бюллетеней отпечатаны. Двадцать млн писем подготовлены, сложены и вложены в конверты <...> Вновь «The Digest» запускает огромную опросную машину, которая достигла результатов «мистической точности» в 1924 и 1928 гг.» [Turning... 1932]. Классическое исследование методики и результатов опросов «The Literary Digest», которое журнал провёл в 1930 г., показало, что число возвращённых карточек было низким (от 9,1% в 1922 г. до 23,8% – в 1930 г.) и окончательную выборку нельзя было считать репрезентативной. Тем не менее, журнал оставался верен избранной методике. Прогноз 1932 г. остался в истории как крайне точный. 5 ноября 1932 г. журнал опубликовал данные о том, что губернатор Рузвельт наберёт 55,99% голосов и имел сторонников в лице 474 выборщиков. Официальная статистика приводит цифры 57,4% голосов и 472 выборщика соответственно [Докторов 2013]. Таким образом, журнал «The Literary Digest» в своих прогнозах не ошибся ни разу, предугадывая исход президентских выборов с 1920 по 1932 гг., тем самым увеличив число подписок до двух миллионов экземпляров.

Несмотря на то, что соломенные опросы возникли в конце XVIII в., этот метод используется по сей день. Однако, сегодня под ним, как правило, подразумеваются опросы, проводимые по упрощённым схемам (без учёта влияния многих факторов), что снижает качество конечных данных. Например, глава ВЦИОМа В. Федоров, говоря об избирательной кампании А. Навального на пост мэра Москвы 2013 г., назвал опросы, проведённые его сторонниками, непрофессиональными. «Это печальный факт. В США они прекратились в 1930-х гг. Эта иллюзия, которая быстро развеялась там, может быть очень дорогой для тех, кто в неё верит», – сказал Федоров на пресс-конференции¹.

Тем не менее соломенные опросы являются важным этапом в развитии электоральной социологии, поэтому в общественном дискурсе не должно фигурировать исключительно критическое и предвзятое отношение к ним. Во-первых, они выполняли важные социальные и культурные функции, а во-вторых, формировали фундамент, на котором основывалось дальнейшее развитие научных методов и приёмов в электоральной социологии. Наконец, данная методика стала платформой для создания и тестирования новых методов опроса.

¹ Глава ВЦИОМ считает непрофессиональными опросы, проводимые сторонниками Алексея Навального // ТАСС, 21 августа 2013. URL: <http://tass.ru/politika/663980> [Дата посещения: 04.07.19].

Электоральная социология в 30–40-е гг. XX в.

В конце 30-х гг. XX в. электоральная социология вступает в стадию институционализации. Для этого этапа характерно возникновение исследовательских центров, которые проводят изучение политических установок и электорального поведения. Кроме того, быстрыми темпами происходит формирование профессионального сообщества, в университетах начинается преподавание электоральной социологии.

Особое место среди таких центров принадлежит институту Гэллапа, основанному в 1935 г., который на сегодняшний день проводит исследования во многих странах мира. Основатель института Дж. Гэллап внёс качественные изменения в ряд методов и методик изучения электоральных процессов, прежде всего он развил и усовершенствовал выборочный метод в предвыборных опросах. Несмотря на то, что его первые прогнозы отличались серьёзным отклонением от реальных результатов, например, прогноз итогов выборов президента США отличался погрешностью в 6,8% в 1936 г.; 5,4% в 1948 г. и 4,4% в 1952 г., дальнейшие прогнозы были отмечены высокой степенью точности, что позволило институту Гэллапа обрести репутацию одного из самых авторитетных центров изучения общественного мнения, которой он обладает по сей день¹.

Важное место на данном этапе занимает Чикагская школа, в рамках которой сформировалось три поколения исследователей. Помимо того, что представители данной школы впервые открыли социологический факультет, социологический журнал и профессиональное сообщество социологов, они основывали свои исследования на реальных жизненных ситуациях. Их теоретические размышления изобиловали цитатами из проведённых интервью, личных документов, личных вещей субъектов. Таким образом, на основе синтеза аналитических методов, полевых исследований и учебного процесса в университете удалось решить ряд специфических проблем города [Клюшкина 2000].

В указанный период электоральная социология проникает в Европу, где, в частности, получает развитие в гитлеровской Германии. Факт сотрудничества ряда учёных с нацистским режимом (например, К. Шмитта и Э. Ноэль-Нойман), безусловно, подлежит осуждению, однако факт того, что сделанные в области электоральной социологии открытия носили научный характер и обогатили дисциплину, остаётся неоспоримым. В 1947 г. в послевоенной Германии уже известная немецкая исследовательница Э. Ноэль-Нойман, проходившая обучение в США, открывает в Алленсбахе институт по изучению общественного мнения. С её именем связаны открытие и анализ таких явлений в поведении электората, как «спираль молчания» [Noelle-

¹ Официальный сайт института Гэллапа: <https://www.gallup.com/corporate/212381/pressing-problems-solved.aspx>

Neumann 1984]¹ и «сдвиг последней минуты»². Для Ноэль-Нойманн были характерны тщательная методическая выверенность проводимых исследований и использование новых элементов в социологическом инструментарии. Это выразилось, в частности, в создании так называемого «железнодорожного теста» [Березина 1995: 26]³. Успехи Ноэль-Нойманн по изучению электоральных процессов были по достоинству оценены профессиональным сообществом, а сама Ноэль-Нойманн в течение длительного периода возглавляла созданную Всемирную Ассоциацию по изучению общественного мнения (World Association of Public Opinion Research).

¹ Теория, утверждающая, что человек с меньшей вероятностью выскажет своё мнение на ту или иную тему, если чувствует, что находится в меньшинстве, так как боится возмездия или изоляции (игнорирования). Этот страх служит началом спирали и затем всё увеличивается. К основным положениям спирали молчания относят следующие:

1. Люди боятся быть отвергнутыми из их социального окружения, что называется «страхом изоляции»;
2. Люди постоянно наблюдают за поведением окружающих, отмечая для себя, что получает одобрение, а что – неодобрение общества;
3. Люди неосознанно издают собственные угрозы изоляции, показывая сигналы одобрения или неодобрения;
4. Угроз изоляции возможно избежать, воздерживаясь от заявлений, способных, по мнению человека, вызвать возражения;
5. Люди больше склонны публично утверждать то, что будет принято положительно;
6. Спиральный эффект начинается, когда люди высказываются уверенно, оппозиция чувствует ещё больший страх изоляции и ещё больше убеждена в необходимости хранить молчание, так как она – в меньшинстве. Эти чувства становятся всё более интенсивными в геометрической прогрессии и с той, и с другой стороны;
7. Чтобы привести в действие спираль, в проблеме должна быть ощутимая нравственная составляющая;
8. Если есть общественный консенсус, спираль не будет активизирована. Обязательно должны присутствовать две противостоящие стороны;
9. СМИ оказывают большое влияние на этот процесс;
10. Страх и угроза изоляции являются подсознательными процессами;
11. Спираль молчания имеет власть над общественностью только ограниченное время;
12. Если какая-либо тема активизирует спираль молчания, это означает, что вопрос представляет большую угрозу общественному согласию.

Источник: Noelle-Neumann, E. 1984. *The Spiral of Silence: Public Opinion – Our social skin*. Chicago: University of Chicago. ISBN 0226589366 (2nd edition, 1993).

² Ситуация, при которой незадолго до выборов резко меняются электоральные ориентации части избирателей.

³ «Железнодорожный тест» представляет собой процедуру, относящуюся к проективной технике. Используется следующая конструкция: «Предположим, Вам предстоит проехать пять часов в поезде и кто-то из попутчиков в Вашем купе начинает выступать в поддержку (в каждом втором интервью – в осуждение) кандидата «А». Станете ли Вы беседовать с этим человеком, чтобы лучше познакомиться с его позицией, или не обратите на это внимание?» Таким образом моделируется публичная ситуация, в которой готовность дискутировать или отмалчиваться выступает показателем устойчивости электоральных ориентаций. В последующем к этому тесту были добавлены новые формулировки, цель которых – выявить готовность публично признаться в симпатиях к той или иной партии. Вопрос был сформулирован так: «Теперь выскажите своё мнение о партии, которая ближе всего к Вашим воззрениям. Хотите ли Вы что-нибудь сделать для партии, которую Вы считаете лучшей?». В качестве вариантов предлагались различные возможности поддержки. Причём все варианты предусматривали публичность выражения симпатий, даже самые застенчивые могли проявить свою лояльность. И хотя самым распространённым традиционно является ответ: «Ничего из перечисленного не стал бы делать для партии, которой симпатизирую», тем не менее эта процедура позволяет с высокой точностью фиксировать направленность общественных настроений. Например, выявляется состояние депрессии у сторонников отдельных партий, а также другие скрытые тенденции, обнаружить которые иными методами не удаётся. *Источник:* [Березина 1995: 26].

Представляется интересным тот факт, что американская и европейская социологические школы развивались параллельно и обе смогли добиться существенных результатов. Дальнейшее развитие электоральной социологии связано с появлением и последующей сменой ключевых методов и методик поэтапного исследования, среди которых наиболее значимыми являются: этап «экологического анализа» и бихевиористский этап.

Экологический анализ в электоральной социологии

Суть экологического анализа заключается в выделении так называемых экологических единиц. Экологические единицы основаны на статистических данных, полученных в результате оценки результирующего влияния тех факторов, которые детерминируют направленность электоральных ориентаций. Прежде всего, – это природные, экономические, исторические, политические и социокультурные факторы. Одним из адептов применения экологического подхода является один из основателей Чикагской школы Р. Парк, который указывал на общие принципы изучения систем в социологии и экологии. Подход Парка опирается на демонстрацию зависимости общественных отношений от среды, в которой эти отношения формируются. Кроме того, Парк проводил параллели между конкуренцией в обществе и естественным отбором в природе. Также, по его мнению, «экологический порядок общества» возникает под воздействием такого понятия, как миграция [Парк 2011]. Эволюция экологического подхода связана с внедрением опросов общественного мнения. Характерной особенностью являлось сочетание двух видов индикаторов, что давало возможность выделить электоральные зоны, в которых устойчиво преобладал определённый тип участия в выборах и голосования. На данном этапе можно говорить о совершенствовании – усложнении и углублении электоральной социологии.

Бихевиористский этап

Как и экологический анализ, этот этап характерен не только для электоральной социологии, но и для значительного спектра гуманитарных дисциплин в принципе. В электоральной социологии бихевиоризм проявился в том, что в рамках этого подхода электоральному поведению придаётся структурированность и иерархизированность, оно раскладывается на составляющие элементы. Ярким представителем школы бихевиоризма в электоральной социологии является группа учёных во главе с П. Лазарсфельдом и Б. Берельсоном. Группе принадлежит авторство

ряда методологических нововведений, например, панельного метода¹ и латентного анализа². Группа тщательно исследовала влияние на электорат СМИ и изучала значение межличностного общения и реакции типичного избирателя на СМИ [Lazarsfeld 1968].

На данном этапе прогресс социологии выборов связан с углублением анализа электорального поведения избирателей и синтеза выводов, а также с усовершенствованием методов исследования.

Вторая половина XX в. в развитии электоральной социологии отличается становлением и оформлением трёх основных теорий электорального поведения: социологическая, социально-психологическая и рационально-инструментальная.

Социологическая теория электорального поведения

В основе социологической теории электорального поведения лежит принадлежность избирателя к некой социальной группе. Основной идеей данного подхода является то, что различные социальные группы имеют схожее электоральное поведение. Главным критерием, определяющим выбор в ходе голосования, является солидарность и общность интересов с социальной группой. Выдающимися представителями данного подхода стали С. М. Липсет и С. Роккан [Lipset 2012]. По мнению этих учёных, значительное влияние на электоральные процессы оказывают четыре вида «расколов» (расслоений): центр–периферия, государство–церковь, город–село, собственники–рабочие.

Подход Липсета и Роккана был широко инкорпорирован в исследование электоральных процессов на Западе, однако важно отметить, что при его применении возник ряд сложностей в связи с тем, что в индустриально развитых обществах социальные конфликты приобретают иной характер. Данную проблему разрабатывал Рональд Инглхарт [Inglehart 1990].

¹ Панель – выборочная совокупность опрашиваемых единиц, подвергаемых повторяющимся исследованиям, причём предмет исследования остаётся постоянным. Членами панели могут быть семьи, организации, эксперты, которые с определёнными оговорками остаются постоянными. Панельный метод опроса имеет преимущества по сравнению с обычными одноразовыми опросами, так как он даёт возможность сравнивать результаты последующих опросов с итогами предыдущих и устанавливать тенденции и закономерности развития изучаемых явлений.

² Метод вероятностно-статистического моделирования, идея которого основана на предположении, что наблюдаемое поведение (напр., ответы индивидов на вопросы теста или анкеты) есть внешнее проявление некоторой скрытой (латентной) характеристики, присущей индивидам. Задача метода заключается в том, чтобы, изучив наблюдаемое поведение индивидов, вывести эту скрытую характеристику и разделить (классифицировать) индивидов по сходству (равенству) её значений. *Источник:* Анализ латентно-структурный // Российская социологическая энциклопедия URL: <http://sociologicheskaya.academic.ru/47> (Дата посещения: 04.07.19).

Социально-психологическая теория электорального поведения

Эта теория электорального поведения была разработана в 60-х гг. XX в. Основой стало изучение партийной системы США. Ведущая роль в развитии социально-психологической теории принадлежит группе исследователей во главе с Э. Кэмпбеллом. С точки зрения исследователей этой группы, системообразующей особенностью электорального поведения является идентификация партии, то есть необходимость избирателя выразить эмоциональную солидарность с политической партией. Формирование партийной идентификации происходит в детстве под влиянием родителей и социальной среды будущего избирателя.

Значительный вклад в развитие этой теории внёс Д. Батлер, Д. Стоукс, С. Элдерсвелд, А. Перчерон, М. Дженнингс, С. Фланаган. Последний пришёл к выводу, что основой голосования может быть не только идентификация партии, но и эмоциональная приверженность определённому идеологическому направлению. Отмечается, что идентификация дополняется другими психологическими детерминантами избирательного выбора: эмоциональным отношением к кандидатам и социально значимыми проблемами, роль которых остаётся неоднозначной. Неоднозначность выражается в том, что электоральные предпочтения формируются под влиянием значимых проблем. Более того, граждане, которые сформировали партийную идентичность, в основном заинтересованы в таких проблемах, другими словами, они не склонны менять партийные предпочтения из-за разногласий по частным вопросам.

Слабым местом этой теории является неспособность объяснить динамику электоральных предпочтений. В частности, в 1960 – 70-х гг. произошло массовое изменение традиционных партийных предпочтений, что послужило основанием для критики социально-психологической теории.

Рационально-инструментальная теория электорального поведения

Сторонники рационально-инструментальной теории электорального поведения исходят из того, что рациональные мотивы, основанные на прагматическом расчёте, являются основой электорального поведения. Рациональное поведение в исследованиях направлено на максимизацию преимуществ, которые каждый избиратель понимает индивидуально, и на минимизацию усилий по выбору избирателей.

Основоположником инструментального подхода является Дж. Шумпетер, который в своей работе «Капитализм, социализм и демократия» изложил его основы. Он проводит параллели между избирательной политикой и рынком товаров и услуг. Предложение поступает

от политических партий, а спрос исходит от рационально настроенных избирателей, которые выбирают политические программы [Schumpeter 1995]. Кроме того, теория рационально-инструментального поведения на выборах разрабатывалась М. Хиничем и М. Мангером, М. Льюис-Бекем и др.

В «Экономической теории демократии» Э. Даунс развивает эту теорию, утверждая, что «каждый гражданин голосует за партию, которая, по его мнению, даст ему больше преимуществ, чем кто-либо другой» [Downs 1957: 36]. По его мнению, избиратель, делая выбор, учитывает наиболее общие программные установки партий, отражённые в их идеологиях.

М. Фиорина считает, что взаимосвязь экономических факторов и рационального электорального поведения является наиболее важным аспектом при принятии решений на выборах, поскольку избиратели учитывают своё финансовое положение при прежней администрации [Fiorina 1981: 5].

В рамках теории рационально-инструментального поведения значительное место отводится концепции «асимметричного» экономического поведения, согласно которой, с одной стороны, избиратели выражают готовность наказать правительство за неэффективную экономическую политику, а с другой – они далеко не всегда склонны поощрять правительство следовать успешным экономическим курсом.

На современном этапе рационально-инструментальная теория (существенный вклад внесли Пауэлл и Уиттен, а также Кларк и Уитли) к экономическим детерминантам добавляет идеологические позиции партий и политический контекст в принципе.

Широкий пласт вопросов, изучаемых в рамках теории рационально-инструментального поведения, связан с факторами, которые влияют на электоральное поведение. Учёные отмечают, что открытым остаётся вопрос политической заинтересованности избирателей в позициях партий по ряду вопросов.

В рамках рассматриваемой теории существуют два феномена – «эгоцентрическое» и «социотропное» голосование. В случае «эгоцентрического» голосования избиратели голосуют, основываясь на собственном экономическом положении. «Социотропное» голосование подразумевает в качестве основы голосования оценку положения общества в целом. Кроме того, существует дискуссия о превалировании ретроспективного либо перспективного голосования, то есть ретроспективная оценка результатов работы власти либо ожидание будущего успеха правительства.

Помимо этого, как уже отмечалось в данной статье, одной из проблем, возникшей перед представителями социально-психологической теории, стала динамика электоральных предпочтений. Представители рационально-инструментальной теории, изучая это явление, столкнулись с так называемой проблемой «раздельного голосования», которое влечёт за собой «раздельное правление». Раздельное голосование изучали Э. Кемпбелл, Э. Тафт, Дж. Крамер и ряд других исследователей. Суть

раздельного правления в том, что иногда при выборах исполнительного органа власти электорат отдаёт предпочтения политическим силам одного конца спектра, а при выборе законодательного органа – другого. Зачастую эти силы находятся в состоянии оппозиции. Раздельное голосование может быть объяснено следующими факторами:

- численность избираемого института,
- социокультурные и демографические характеристики электората,
- особенности избирательных систем,
- время проведения выборов представительных институтов.

Важно отметить, что изучением электоральной динамики занимались и европейские исследователи. К примеру, Р. Динкель пришёл к выводу, что партии, одерживавшие победу на общенациональных выборах в Германии, зачастую проигрывали на уровне выборов в местные представительные органы [Dinkel 1978].

Взгляд на динамику электоральных предпочтений через призму концепции первостепенных и второстепенных выборов был предложен К. Рейфом и Г. Шмиттом, которые пришли к заключению, что электоральное поведение на выборах, имеющих первостепенное значение (иными словами, на выборах самого важного политического института), по некоторому числу показателей отличается от электорального поведения на второстепенных выборах, т. е. института, который обладает меньшим влиянием. Для объяснения этого феномена исследователи выявили ряд особенностей, которые отличают первостепенные выборы от второстепенных. Во-первых, второстепенные выборы отмечаются более низкой явкой. Во-вторых, результат второстепенных выборов – это в большей степени результат идеологического конфликта между политическими партиями, а не столкновения проблемных позиций или непосредственно лидеров партий. Третья особенность второстепенных выборов заключается в том, что часто оппозиционные партии пользуются значительной поддержкой, в то время как проправительственные партии не получают необходимого количества голосов. В этом случае происходит своего рода протестное голосование, когда граждане, проголосовавшие за оппозиционные партии, выражают недовольство политикой правительства [Reif, Schmitt 1980].

Основным недостатком, который присущ рационально-инструментальной теории голосования, является слабая объяснительная сила аргументов в отношении явки избирателей. В этом смысле голосование не является рациональным, поскольку связанные с ним «расходы» не компенсируются получаемыми выгодами.

Стоит сказать, что рационально-инструментальная теория голосования является самой широкой и больше других теорий подвергается критике с различных сторон. С другой стороны, по мнению многих исследователей, именно она лучше всего отражает поведение граждан на выборах.

Заключение. Современное состояние электоральной социологии

Сегодняшнее состояние изучения электоральных процессов отличается конвергенция различных исследовательских школ и парадигм, при которой происходит пересечение подходов и методик, в том числе тех, которые были описаны выше.

Б. З. Докторов, на которого мы уже ссылались в данной работе, называет текущий период в электоральной социологии «постгэллаповским», исходя из колоссальной эволюции методов и методик изучения электоральных процессов, которые были разработаны в 30-е и 40-е гг. XX в. На данном этапе в основном используются новые методы анализа с использованием математических моделей и регрессионных уравнений. Пик их использования пришёлся на президентские выборы 2008 и 2012 гг. в США. Статистические модели математика Н. Сильвера строились с учётом прошлых индексов одобрения деятельности действующего президента. Кроме того, метод прогноза А. Лихтмана – «13 ключей от Белого дома» – делает прогноз о смене власти на уровне партии. В этом методе вообще не используются опросы – анализируя политическую и экономическую ситуацию по 13 параметрам, уже за два года можно спрогнозировать выбор электората. Другие методы, относящиеся к «постгэллаповским», – кибер-опросы, опросы по мобильному телефону, метод случайного вопроса [Докторов 2013]. Современные «постгэллаповские» методы и методики отличаются большой точностью, верифицируемостью и научностью в целом, что, конечно, во многом связано с общим уровнем развития технического прогресса.

Однако хотелось бы сделать важное замечание, что сам по себе факт появления опросных методов в конце XX – начале XXI вв. является недостаточным условием для причисления их к постгэллаповским. Главным же критерием в этом случае является доказуемость путём научных методов. Кроме того, новая методика должна принципиально отличаться от гэллаповской технологии прежде всего в сфере организации взаимодействия между респондентом и исследователем. В большей степени исследователь работает с информацией – строит математические модели на основе данных из прошлого и делает на их основе прогноз на будущее.

К новейшим методам изучения электоральных установок, которые отвечают обозначенным критериям, можно отнести следующие:

- техника случайных ответов;
- опросы обогащённого общественного мнения;
- онлайн опросы;
- киберопросы (интерактивные речевые опросы);
- вероятностные опросы.

В то же время, по мнению части учёных, электоральная социология остаётся закрытой и неизученной. Это обусловлено острой конкуренцией на рынке социологических услуг, которая вынуждает защищать авторские инновационные методы и методики и создавать новые для достижения высокого качества проводимых электоральных исследований и точности прогнозов.

Библиографический список

Докторов Б. З. 2013. От соломенных опросов к постгэллаповским опросным методам. М.: Радуга. 72 с.

Березина Е. В. 1995. Этапы прогнозирования результатов голосования // Ценностные ориентации и социальное поведение в изменяющихся условиях. Региональные аспекты: Сб. мат. межрег. науч. практ. конф. социологов. Самара. С. 24–31.

Клюшкина О. Б. 2000. Построение теории на основе качественных данных: из истории развития методологического направления // Социологические исследования. № 10. С. 92–101.

Кудрявцева Н. Ф. 2009. Опрос, который изменил опросы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 87.

Липсет С. М. 2012. Некоторые социальные предпосылки демократии: Экономическое развитие и политическая легитимность // Концепция модернизации в зарубежной социально-политической теории, 1950–1960 гг. Сб. переводов / Сост. и пер. Николаев В. Г. Отв. ред. Ефременко Д. В., Мелешкина Е. Ю. М.: РАН ИНИОН. С. 1663–1666.

Парк Р. Э. 2011. Избранные очерки: сборник переводов / Под ред. Д. В. Ефременко. М.: РАН ИНИОН. 321 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=132571> (Дата посещения: 28.02.2019).

Шумпетер Й. 1995. Капитализм, социализм и демократия / Под ред. В. С. Автономова. М.: Экономика. 540 с.

At a Glance: The Iowa Straw Poll // Washingtonpost.com. 13.08.1999. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-srv/politics/campaigns/wh2000/stories/strawpoll081399.htm> (Дата посещения: 28. 02. 2019).

Dinkel R. 1978. The Relationship between Federal and State Elections in West Germany // Elections and Parties., M. Kaase, K. Von Beyme (eds.). London: Sage Publications.

Downs A. 1957. An Economic Theory of Democracy. N.Y.: Harper & Row. 321 p.

Fiorina M. 1981. Retrospective Voting in American National Elections. New Haven.

Frankovic K. A. 2000. Election Polls. The Perils of Interpretation // Media Studies Journal. Vol. 14. No. 1. P. 104–109.

Gallup G., Rae S. F. 1940. *The Pulse of Democracy: The Public-Opinion Poll and How It Works*. New York: Simon and Schuster.

Herbst S. 1993. *Numbered Voices. How Opinion Polling Has Shaped American Politics*. Chicago: University of Chicago Press. 235 p.

Inglehart R. 1990. *Culture Shift in Advanced Industrial Society*, Princeton University Press. 504 p.

Lazarsfeld P. 1968. An episode in the history of social research // *Perspectives in American history*.

Lipset S., Rokkan S. 1967. *Party systems and voter alignments: cross-national perspectives*. New York: Free Press. 554 p.

Noelle-Neumann E. 1984. *The Spiral of Silence: Public Opinion – Our social skin*. Chicago: University of Chicago. 277 p.

Robinson C. E. 1932. *Straw Votes: A Study of Political Prediction*. New York: Columbia University Press. P. 50–51.

Reif K., Schmitt H. 1980. *Nine Second-Order National Elections: A Conceptual Framework for the Analysis of European Election Results* // *European Journal of Political Research*. Vol. 8. No 1. P. 3–44.

Turning Up for «The Digest's» Presidential Poll // *The Literary Digest*. 1932. September 3.

Smith T. 1990. *The First Straw? A Study of the Origins of Election Polls* // *Public Opinion Quarterly*. Vol. 54. No. 1. P. 21–36.

Статья поступила: 12.05.2019

DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.595

The History of Electoral Sociology's Studies

Anastasiya Yu. Zemskova

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia

E-mail: anast.zemskova@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-7438-9894

For citation: Zemskova, A. Yu. The history of electoral sociology's studies. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 113–130. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.595

Abstract. In our modern world electoral sociology, which is under constant scrutiny by the general public, as well as members of the media, in many ways shapes the image of sociology as a scientific discipline. Today sociology is often represented by media reports about the results of public opinion polls on the subject of politics and electoral affairs. Meanwhile a certain other trend is apparent: the high expectations imposed on electoral studies, as well as on their verifiability and efficiency, encourage the further development of sociological research and sociology in general. Scientific studies on electoral processes are defined by the convergence of various schools and paradigms of research, which implies an overlapping of different approaches and methods. This article presents the stages of electoral sociology's development, from "straw polls" to contemporary theories of electoral behavior (the straw poll stage, electoral sociology in the 1930's and 1940's, ecological analysis in electoral sociology, the behavioral approach, the sociological theory on electoral behavior, the socio-psychological theory of electoral behavior, the theory of instrumental rationality), which in modern electoral sociology are known as "post-Gallup" theories. The author reveals the main characteristics of each stage of modern electoral sociology's development, while highlighting its achievements and value, and giving a comprehensive analysis of modern theories of electoral behavior, with

regards to issues located on the line between political sociology and sociology of law. Among these issues special consideration is given to elections as a political phenomenon, the political culture and political attitudes of the electorate, features of voting systems, political mechanisms and electoral technologies.

Keywords: electoral sociology, electoral behavior, straw surveys, «post-Gallup» methods

References

At a Glance: The Iowa straw poll. In: Washingtonpost.com. 13.08.1999. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-srv/politics/campaigns/wh2000/stories/strawpoll081399.htm> [accessed: 09.06.2019].

Doktorov B. Z. From straw polls to postgallup pollsmethods. Moscow: Raduga, 2013: 72 (In Russ.).

Dinkel R. The relationship between federal and state elections in West Germany. In: Elections and parties. M. Kaase, K. von Beyme (eds.). London: Sage Publications, 1978.

Downs A. An Economic Theory of democracy. New York: Harper & Row, 1957: 321.

Fiorina M. Retrospective voting in American national elections. New Haven, 1981.

Frankovic K. A. Election Polls. The perils of interpretation. Media Studies Journal, 2000; Vol. 14; 1: 104–109.

Gallup G., Rae S. F. The pulse of democracy: The public-opinion poll and how it works. New York: Simon and Schuster. 1940.

Herbst S. Numbered voices. How opinion polling has shaped American politics. Chicago: University of Chicago Press, 1993: 235.

Inglehart R. Culture shift in advanced industrial society. Princeton University Press, 1990: 504.

Klyushkina O. B. Construction of theory on the basis of qualitative data: from the history of methodological development. Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies, 2000; 10; 92–101 (In Russ.).

Kudrjavceva N. F. The Poll That Changed Polling // Izvestija Rossijs`kogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena = Bulletin of Russian State Pedagogical University name of A. I. Gercen, 2009; 87.

Lazarsfeld P. An episode in the history of social research. In: Perspectives in American history. 1968.

Lipset S. M. Some social requisites of democracy: Economic development and political legitimacy. In: The concept of modernization in foreign socio-political theory, 1950–1960. Moscow: INION, 2012: 1663–1666 (In Russ.).

Lipset S., Rokkan S. Party systems and voter alignments: cross-national perspectives. New York: Free Press, 1967: 554.

Noelle-Neumann E. The spiral of silence: Public opinion – our social skin. Chicago: University of Chicago, 1984: 277.

Park R. E. Selected essays: collection of translations. D. V. Efremenko (ed.). Moscow: INION, 2011. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=132571> [accessed: 09.06.2019] (In Russ.).

Reif K., Schmitt H. Nine Second-Order National Elections: A Conceptual Framework for the Analysis of European Election Results. European Journal of Political Research, 1980; 8; 1: 3–44.

Robinson, C. E. Straw votes: A study of political prediction. New York: Columbia University Press, 1932: 50–51.

Shumpeter J. Capitalism, socialism and democracy. V. S. Avtonomova (red.). Moscow: Ekonomika, 1995: 540 (In Russ.).

Smith T. The first straw? A study of the origins of election polls. Public Opinion Quarterly, 1990; 54; 1: 21–36.

Turning up for «The Digest's» Presidential Poll. The Literary Digest, 1932; September 3.

The article was submitted on: 12.05.2019

Трибуна Молодого учёного

DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.596

Модернизация сектора обращения с отходами в России: поле экспертного анализа

Ссылка для цитирования: Ермолаева Ю. В. Модернизация сектора обращения с отходами в России: поле экспертного анализа // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 3. С. 131–150. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.596

For citation: Ermolaeva, Yu. V. Modernizing Russia's waste management industry: the scope of expert analysis. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No 3. P. 131–150. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.596

**Ермолаева
Юлия Вячеславовна**

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

mistelfrayard@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 722143

Модернизация сектора обращения с отходами в России: поле экспертного анализа

Аннотация. Актуальность проблемы обращения с отходами в России стала особенно острой в 1990-х гг. и последующей реструктуризации промышленного сектора, когда перестали существовать доступные в советской системе элементы модели циклического производства и переработки материалов. Долгое время не было подходящих государственных программ, сочетающих экономически целесообразный подход с экологически ориентированными технологиями. В статье приводятся результаты исследования на основе экспертных интервью по теме модернизации сектора управления отходами в России в период с 2014 по 2017 гг. Экспертами стали специалисты различного профиля: сотрудники некоммерческих организаций (НКО), эоактивисты, учёные гуманитарного и естественнонаучного направлений, представители бизнес-сектора, государственного управления, профессиональные экологи и технологи. В интервью подробно рассматриваются проблемы экологической модернизации по разным отраслям: права, экономики, экологически ориентированных технологий, где особый акцент поставлен на разрешении социальных вопросов и институциональных проблем развития отрасли. Динамику развития модернизации сектора управления отходами за последнее время (с 2010 по 2017 гг.) эксперты характеризуют как положительную. Однако по каждому направлению существуют недоработки, которые необходимо оперативно разрешить, чтобы соответствовать современным требованиям в области устойчивого развития и охраны окружающей среды. В секторе правового обеспечения нет чёткости в функциональном распределении обязанностей участвующих в правовом взаимодействии сторон. В секторе институционального управления отсутствует цепочка стейкхолдеров, соответствующая схеме безотходной экономики. Социальная политика и структура рынка труда в секторе обращения с отходами также не проработаны. Особый резонанс вызывает проект «Чистая страна» и функциональность территориальных схем в области обращения с отходами на территории России. В качестве основного ресурса инициативно выступают некоммерческие организации и бизнес-сектор, которому необходима правовая и экономическая государственная поддержка в виде хорошо сформированной законодательной базы, учитывающей интересы всех лиц, принимающих решения. В качестве безотлагательной меры необходимо снижение негативного влияния отходов на окружающую среду.

Ключевые слова: отходы, модернизация экологической политики, управление отходами, территориальные схемы

В 1972 г. В докладе Римскому клубу «Пределы роста» [Meadows D. L. et al. 1972; Медоуз и др. 2007] была сформирована ключевая роль отходов как главного препятствия на пути растущего народонаселения к экономически благополучному обществу, поскольку модель неограниченного экономического роста спровоцировала укрепление позиции культуры «общества потребления». Глобальная повестка дня по целям устойчивого развития предполагает создание безотходной модели производства в качестве разрешения проблемы отходов и нарастающего количества химических загрязнителей [UNEP 2011; Wilson et al. 2013].

Современные социологи, исследующие проблемы глобального риска [Гидденс 1994; Луман 2004; Валлерстайн 2001; Бек 2000], также учитывают нарастающее влияние химических загрязнений и отходов на развитие человеческих сообществ. Ухудшение здоровья людей, усиление глобального экологического неравенства между группами происходит вследствие высокого количества загрязняющих веществ [Луман 2004].

Глобальное научное сообщество ООН UNEP считает необходимым создать сервис по сбору и переработке отходов в заселённых территориях и городах, доступный для всего населения и безопасный для окружающей среды [Managing... 2013]. Конкретно, к 2020 г. планируется увеличить количество городов с ресурсоэффективной структурой [Global Waste... 2015; Marshall, Farahbakhsh 2013]. Также ООН планирует к 2030 г. существенно сократить количество смертей и болезней, зависящих от воздействия опасных химических веществ в атмосфере, гидросфере и почве; добиться экологически безопасного управления химическими веществами и отходами производства и потребления, руководствуясь принципами «зелёной химии» в производстве товаров и услуг; сократить влияние человеческого фактора в области охраны труда, снизить неконтролируемые загрязнения полигонов и мусоросжигательных заводов; сократить количество пищевых отходов, создав сельскохозяйственную и продовольственную структуру, которая могла бы обеспечить пищевые ресурсы для всего населения и уменьшить количество отходов [Mavropoulos 2010; Klundert, Anshetz 2001]. Немаловажно, что безотходная экономика требует трансформации не только промышленного сектора, но и создания нового рынка труда, где усилен экологический и социальный компонент, т. е. должны быть оборудованы «зелёные» рабочие места, соответствующие принципам безотходного и ресурсоэффективного безопасного производства, и обеспечено привлечение эксклюзивных групп населения [Veolia 2009].

Текущая ситуация с твёрдыми бытовыми или коммунальными отходами (далее – ТКО) в России имеет много общего с состоянием данного сектора в странах Центральной и Восточной Европы около 10–15 лет назад [Waste in Russia...].

Процесс институционализации политики управления отходами в России был нелинейным и проходил несколько стадий:

1. Закрытые экономические границы в 1930-е гг. в СССР позволили создать прототип циклической экономики, где товары и отходы после использования снова возвращались в производство [Зайцев 2012]. Вместе с разными отраслями промышленности были созданы соответствующие отрасли переработки для бумаги, стекла, пластмасс, чёрных и цветных металлов; существовали жёстко регулируемые ГОСТы для создания продукции, нацеленные на удлинение срока службы товаров и материалов.

2. В процессе реформирования экономики с 1991 г. все созданные в 1930–80-х гг. инструменты государственной политики в области управления отходами и отрасли переработки были отменены, а модернизация сектора управления отходами затянулась на два десятилетия. Отрасли производства и переработки оказались больше не связаны друг с другом, а основную функцию по сбору и вывозу отходов принял на себя муниципалитет; утилизацией отходов стали заниматься частные компании. Департаменты и министерства оказались ответственны за отдельные отрасли производства и потребления, но не связаны в единую функциональную систему с единой схемой учёта отходов и ответственности [Лихачева, Советов 2017]. С реформой отрасли в 1998 г. процесс институционализации продолжился введением понятия отходов как ресурсов, и особенно активно преобразуется с 2010 г. путём внедрения различных этапов переработки отходов как обязательных для участников процесса производства.

3. С 1 января 2017 г. запрещается захоронение отходов, в состав которых входят полезные компоненты, подлежащие утилизации; формально это означает, что должна быть создана эффективно действующая целостная инфраструктура¹. На данный момент в России по-прежнему преобладает функциональное управление, т. е. за каждым органом закреплено определённое обязательство. Используются схемы управления, которые также встречаются и в мировой практике: централизованная схема управления (наличие общей государственной программы); федеральная система распределения задач и формирование регулятивных органов, отличающихся у разных субъектов Федерации; практикуется государственное частное партнёрство; в 2017 г. появились территориальные схемы с внедрением регионального оператора, который контролирует вывоз и утилизацию отходов в регионах и городах.

На данный момент эти схемы апробируются в совместной с бизнесом программе управления. Однако с точки зрения ресурсосбережения промышленный сектор на практике реализует не самые подходящие решения. В 2016 г. государством был принят приоритетный проект «Снижение негативного воздействия на окружающую среду посредством

¹ Федеральный закон от 29.12.2014 N 458-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления, отдельные законодательные акты РФ и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) РФ» // URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/39919.html/> (Дата посещения: 05.06.2018).

ликвидации объектов накопленного вреда окружающей среде и снижения доли захоронения твёрдых коммунальных отходов»¹. В данном проекте с кратким названием «Чистая страна» в рамках государственной политики происходит расширение и лоббирование технологических приоритетов мусоросжигания, а также рекультивация и создание новых полигонов².

Плата за негативное воздействие на окружающую среду как для граждан, так и для частного сектора несоизмеримо мала по сравнению с реальным экономическим и экологическим ущербом³. Многие законодательные акты в области ответственности за утилизацию отходов до сих пор остаются похожими на рамочные или модельные⁴.

Предполагается, что в малоотходных производствах выбросы не превышают уровня, при котором предотвращаются необратимые экологические изменения, однако это не учтено в существующем аппарате в качестве санкционированных действий для участников процесса производства и потребления [Зайцев 2012].

Ключевая практическая проблема состоит в том, что декларируемая концепция устойчивого развития и безотходного производства и её фактическая реализация расходятся, поскольку расходятся позиции групп, регулирующих и поддерживающих разные концепции и проекты технической реализации безотходной экономики и повышения эффективности утилизации отходов. При сложившейся в настоящее время в РФ модели функционального управления твёрдыми коммунальными отходами (ТКО) решение задач организации сбора и переработки отходов не входит в перечень полномочий ни одного из ведомств, за которыми закреплены функции надзора и контроля, вывоз осуществляется муниципалитетом, а переработка – частными предприятиями.

Цель данной статьи проанализировать мнения представителей различных экспертных групп (наука, бизнес, государственное управление, НКО, гражданские активисты) в решении ключевых вопросов управления отходами и выделить ориентиры, на которые они опираются.

¹ Снижение негативного воздействия на окружающую среду посредством ликвидации объектов накопленного вреда окружающей среде и снижения доли захоронения твердых коммунальных отходов / Паспорт приоритетного проекта. Протокол от 21 декабря 2016 г. № 12 // URL: <http://static.government.ru/media/files/B3JtWzMSWVAHKKTd6plVchwnOLWEYmF9f.pdf> (Дата посещения: 13.08.2019).

² Чистая страна // URL: <http://cleancountry.ru/> (Дата посещения: 05.06.2018)].

³ О региональных аспектах обращения с отходами потребления в Российской Федерации // Федеральная служба по надзору в сфере природопользования. Доклад руководителя Росприроднадзора В. В. Кириллова, 2013 г. URL: http://rpn.gov.ru/sites/all/files/documents/doklady/doklad_kirillova_v.v.docx (Дата посещения: 13.08.2019).

⁴ Федеральный закон от 29.12.2014 N 458-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления, отдельные законодательные акты РФ и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) РФ» // URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/39919.html/> (Дата посещения: 05.06.2018).

Методы исследования

Оценка текущей ситуации в секторе проблем отходов на примере России составлялась на основе данных экспертных интервью. Всего было проведено 30 интервью средней длительностью один час в промежутке с 2014 по 2017 гг. Экспертные группы формировались из различных отраслей, представляющих определённые социальные интересы и цели (наука, бизнес, государственное управление, НКО, гражданские активисты) в решении вопросов управления отходами.

Академическое сообщество представляли ученые из МГУ им. Ломоносова, РХТУ им. Менделеева, Института социологии РАН, Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии (НГСХА), Международного независимого эколого-политологического университета (Академии МНЭПУ), среди которых были социологи, экологи, экономисты, технологи.

Из сферы НКО опрошены представители организаций «Мусора. Больше.Нет», «Коалиция “ПРО Отходы” (Центр экономии ресурсов)», «Раздельный сбор», «Экологическое движение ЭКА», «Greenpeace», движение «Сделаем», БЭФ «Моя планета», т. е. ведущие НКО, участвующие сегодня в решении проблемы отходов.

Из бизнес-сектора опрошены представители организаций «Таратрейд», «Ассоциация переработчиков отходов», «Экобюро Greens». Дополнительно к интервью использовались материалы компаний «Мегаполис-ресурс», «Сфера экологии».

Государственное управление представлено департаментом экологии и природопользования г. Москвы и дополнено открытыми материалами Министерства экологии и природных ресурсов РФ.

Экспертами в области обращения с отходами являлись профессионалы, которые имели долговременный (не менее 5 лет) проект, а также научные труды, общественные достижения или бизнес в сфере экологии и природопользования, либо занимали руководящую/консультативную должность в системе управления отходами.

В соответствии с целью исследования предпочтение было отдано экспертам, учитывающим всероссийский опыт и региональные особенности. Было обязательным, чтобы эксперт являлся практикующим в данный момент времени, продолжал принимать решения или проводил исследования в сфере управления отходами.

Текущая ситуация обращения с отходами в оценке экспертов

Респонденты сходятся в том, что нужна общая система с фиксированными функциями агентов в цепочке создания эффективной политики в обращении с отходами: в ней должны участвовать государство,

муниципалитет, бизнес, граждане, активисты (экологические движения), НКО. Из подсистем упоминаются: экономическая, социальная, политическая, правовая. Респонденты также сходятся во мнении, что идеальная система управления – лестница Лансинка¹, где приоритет отдан предупреждению образования отходов.

Наиболее подробно в интервью были озвучены вопросы перераспределения власти и бюрократии. Для решения проблемы отходов эксперты предлагали специальный единый аппарат вместо сложной системы функциональных бюрократических взаимодействий. Ответственность и функции многих государственных инстанций в сфере управления отходами пересекаются, сам аппарат имеет много ответственных лиц с собственными интересами и скорее адаптирован для линейной экономики (производство, потребление, утилизация на полигонах и мусоросжигательных заводах (далее – МСЗ)). Заявленная идея замкнутого цикла управления отходами должна отражаться в соответствующей структуре, где каждая организация и группа создает единую систему ответственности, а не выполняет отдельные функции. Аппарат управления должен быть информативно и доступно для населения представлен в СМИ государственными службами. Для рядовых граждан обратная связь не предусматривается.

Для представителей государственного сектора и иных лиц, принимающих решения, характерно восприятие переработки отходов как экономически невыгодного, в то время как для остальных категорий экспертов отходы однозначно воспринимаются как ценный ресурс, под который необходимо заложить правильную экономическую базу.

Эксперты-экологи анализируют проблему отходов с точки зрения системного подхода и роли человека в образовании отходов. Критике подвергаются рост производства, современный подход к нормированию загрязняющих веществ, его неадекватность в оценке тех элементов, которые наносят вред при микроскопических количествах – в первую очередь это касается диоксинов.

Эксперты-социологи, помимо экономического акцента, уделяют большое внимание культуре обращения с отходами и поднимают тему эксклюзии человеческих сообществ. Фиксируется влияние идеологии «одноразового потребления», концепции преждевременного устаревания предметов. Ускоренный ритм функционирования сообществ в контексте отходов приобретает специфический социальный контекст: человек вынужден стремиться к обновлению навыков, знаний, предметов, иначе он может оказаться «выброшенным» на периферию своего сообщества. *«Главная проблема одна для всего мира: принцип капиталистического производства не учитывает последней стадии (фазы) произ-*

¹ Ад Лансинк в 1979 г. придумал последовательность предпочтения способов обработки мусора, которую сторонники зелёной экономики называют «Лестница Лансинка». Последовательность приоритетов такова: сначала необходимо создать инфраструктуру для предотвращения появления мусора, затем практиковать повторное использование предметов, потом следует повторное использование материалов при помощи их переработки, и только в конце приоритетов стоит сжигание мусора и захоронение его на полигонах.

водственного процесса, а именно: необходимости утилизации отходов. Есть отдельные разработки; например, как уменьшить давление человека на природу (экономия ресурсов, рационализация их использования, переработка (утилизация) отходов). Но при этом старая философия отношения человека к природе сохраняется, а народонаселение и его аппетиты растут» (О. Н. Яницкий, экосоциолог).

Представители НКО совмещают в своей деятельности сразу несколько функций: с одной стороны, они координируют население, с другой – пытаются повлиять на представителей власти, предлагая свои организационные ресурсы. В сфере управления отходами НКО имеют большой трудовой ресурс, поскольку есть мощные всероссийские движения с развитым аппаратом регулирования региональной деятельности («Мусора.Больше.Нет», «Раздельный сбор», зелёное движение «ЭКА», токсическое направление программы Greenpeace, движение «Сделаем», «Свалки нет» и др.), которые обеспечивают высокую степень вовлечённости разных социальных групп и других природоохранных организаций на местах. Сотрудники НКО оказываются ближе и доступнее людям, желающим получить необходимую информацию об отходах или помощь в реализации проектов по благоустройству.

В работе с населением представители НКО главной целью видят пробуждение мотивации граждан и повышение уровня экологической грамотности; в работе с представителями власти их задача – осторожно, методично и точно донести свои требования и мнения жителей относительно приоритетов экологической безопасности. Проводятся разъяснительные работы с населением, как правильно составлять заявления и петиции, как продвигать совместные решения с муниципалитетом и представителями власти по внедрению раздельного сбора отходов (далее – РСО) в жилых комплексах или на природоохранных территориях.

Иногда НКО выполняют не только свои основные функции (просвещение, интеграция населения, экоактивизм), но и создают внутренний бизнес на основе предприятия, где они участвуют в экологически ориентированных бизнес-проектах с определённой долей прибыли, оказывают коммерческие услуги населению или ведут B2B-консалтинг, для чего создаётся ИП или фирма.

У НКО есть комплексное видение ситуации функциональных проблем обращения с отходами: по их мнению, не хватает государственной поддержки инициатив и введения закона, подразумевающего ответственность всех участвующих сторон. У населения отсутствует мотивация, так как не хватает практических знаний о том, какой вред могут нанести отходы человеку и окружающей среде, не будучи должным образом утилизированы. Весь бизнес НКО делят на экологически ответственный (с которым можно сотрудничать на предмет экологических технологий) и бизнес, с которым нужно вести просветительскую и консультативную работу, как с населением. Представителей сферы управления НКО разделяют по ценностям, заложенными в их бизнес; например, бизнес может быть эко-

логически ориентированным либо в большей степени ориентированным на решение экономически насущных проблем, получение сиюминутной прибыли. На основании ценностей, которыми руководствуются промышленность, бизнес и власть, происходит отбор по конструктивному совместному сотрудничеству с НКО. *«Множество доступных ресурсов в России, «голландская болезнь», большие территории способствовали распространению полигонов. Сейчас особенно важен конфликт между Москвой и МО, где расположены основные свалки. К тому же, лоббируются проекты по мусоросжиганию, плюс возникает проблема с коррупцией. С технологиями проблем нет, так как есть предприниматели, которые создают проекты вопреки сложившейся системе. Самое сложное для бизнеса – это экономическая модель, где тяжело выйти на окупаемость. Компании находят решения для нашего менталитета. Ранее казалось, что РСО – это нереально»* (Т. Честина, Всероссийское движение «ЭКА»).

Представители экологически ориентированного бизнес-сектора видят в отходах ресурс, а проблемы реализации – в препятствиях к построению экологически ответственного и прибыльного бизнеса со стороны государства. Бизнесу не хватает технологических мощностей, которые на данный момент может обеспечить РСО (поскольку перерабатывается всего около 10% всего вторичного сырья), и закона, прописывающего ответственность каждого участника процесса: *«Проблемы отходов сейчас в том, что низы [население] хотят – и подписи собрали, и опросы провели, что готовность есть, а верхи [государство] – нет. Решить ситуацию – это не только поставить отдельные баки, а наладить инфраструктуру. Первую линию по переработке батареек открыл бизнес, а не государство. На 10–15% здесь оправдано увеличение коммунальной платы»* (Е. Смирнова, биолог, экономист и предприниматель, «Экобюро Greens»).

Большинство экспертов высказываются о неопределённости позиции социально-экологической политики в продвижении к безотходной экономике; данная неопределённость выражена в несоответствии декларируемых целей и практической реализации экологически ориентированных технологий в области управления отходами.

Экономический аспект: рынок переработки отходов

Ситуация, сложившаяся в секторе управления отходами, всеми экспертами сводится к необходимости переосмысления экономических ориентиров: *«В России слишком дешёвое первичное сырьё и слишком монополизирован (точнее, «олигополизирован») рынок сырья (как следствие особенностей системы власти), чтобы всерьёз заниматься проблемой отходов как вторичного сырья. Ненамного лучше экологический аспект обращения с отходами – территория большая, нет нужды думать о рациональной переработке – вывезли и захоронили»* (В. Пашинский, химик-эколог).

Первый этап в управлении отходами должен начинаться с модели производства товара. Здесь несколько направлений работы:

- производить товары из материалов, пригодных для вторичной переработки;
- производить меньше товаров (т. е. в конечном счёте и отходов) по количеству (например, ориентируясь на спрос, а не стимулируя предложение);
- проводить оценку жизненного цикла товара и производственных процессов, а также экологический маркетинг до выпуска товара, а не во время и не после;
- -необходимо пересмотреть уровень потребления и его темпы, вывести перепотребление из «моды»: *«Меньше товаров – меньше мусора. Но ещё важнее, что чем меньше товаров, тем больше свободного времени. Если вы используете автомобиль в два раза дольше, то чтобы заработать на новый, вы можете работать в два раза меньше. И ещё в два раза меньше, если вы используете автомобиль на двоих с кем-то».* (Д. Старк, создатель движения «Мусора.Больше.Нет»).

Экспертами предполагалось, что государство может ввести экономически прибыльные льготы, что муниципалитет должен выбирать экологически ответственные компании, компании обязаны проводить политику корпоративной социальной ответственности (далее – КСО) и обладать оборудованием, не минимизирующим вред для окружающей среды, граждане – разделять отходы, НКО – выполнять функции просвещения, интеграции и координации.

Особую место в интервью заняли проблемы участия бизнеса в структуре управления отходами. Бизнес делится на промышленный, business-as-usual (т. е. построенный на линейной модели – от производства к полигонам) и экологически ориентированный (безотходное производство). Важно расширение всех секторов бизнеса с упором на экологизацию технологического процесса, проведение экологического маркетинга продукции: *«Сейчас компания вносит экологические достижения в отчёт по КСО или отчёт об устойчивом развитии, потому что это важно и для инвесторов, ориентированных на экологию»* (Е. Смирнова).

Представители ассоциаций переработчиков высказывали свои мнения: *«Основная цель – объединение предприятий, которые занимаются сбором и транспортировкой по признаку перерабатывающей отрасли. Наша миссия – сделать приоритет переработки выше, чем захоронения»* (Р. Чередниченко, Ассоциация переработчиков отходов).

Бизнес, может, и делает своё производство экологически ответственным за счёт разных организационных и управленческих инструментов. Об этом свидетельствует опыт «Сферы экологии», «Таратрейд», Kuusakowski Recycling, Мегаполисресурс. Этими инструментами стали

социальные и экономические отношения, построенные на основе горизонтального, прямого и сетевого взаимодействия с компаниями, составляющими цепочку поставок товаров и вторсырья: «У нас не коммерческие отношения с физическими лицами. Это и есть наша КСО» (Антон Кузнецов, директор «Сферы экологии»). Эксперты рассказывают о том, что нынешнее законодательство является препятствием для них, т. к. нет экономических инструментов поддержки экобизнеса, это снижает рентабельность предприятия, но не означает, что бизнес по переработке создать невозможно. Предприниматели находят новые пути: кооперируются с НКО, создают рабочую сеть экоответственных структур.

Формируется имидж компании, позволяющий привлекать к взаимодействию экоориентированные группы, которые можно классифицировать следующим образом:

- нормативные группы – правительство, регулирующие органы, отраслевые ассоциации;
- функциональные группы – сотрудники, профсоюзы, поставщики, дистрибьюторы, сервисные организации;
- диффузные (периодически вовлекаемые, рассеянные) группы – журналисты, НКО;
- группы потребителей – различные сегменты, распределённые по потребностям-запросам.

Не все компании имеют возможности участия в тендерах в качестве региональных операторов в существующих территориальных схемах.

Роль государства в секторе обращения с отходами вызвала большой отклик у респондентов: «Во-первых, чиновники – это та часть общества, которая меньше всех других может сделать для решения проблемы отходов. А, во-вторых, именно от них остальная часть общества ожидает больше всего» (Д. Старк).

Бизнес-сектор ждёт от государства вполне конкретных правовых изменений, чтобы открыто развернуть свою деятельность: «Все ждут поправок 89 закона. Власть интересуется прибылью, которую могут распределить в госбюджет, но в поправках не учитывался перечень вторсырья по товарам и нормативам. А если ты используешь какое-то сырьё и у тебя есть норматив по его образованию, то у тебя образуются отходы, то есть вторсырьё. Если будут льготы для бизнеса, то бизнес пойдёт туда активнее» (Р. Чередниченко).

Эколого-технологический аспект в обращении с отходами

Эксперты высказали пожелания по корректировке технологических вопросов урегулирования ТКО. Все мусорные полигоны и мусоросжигательные заводы должны быть оборудованы по нормативам эколого-

гической безопасности, однако их количество необходимо сокращать. Особенно спорным для экспертов оказался вопрос об увеличении количества полигонов и МСЗ в городских поселениях, поэтому сообщество разделилось на сторонников «за» и «против» МСЗ. Ключевыми факторами разделения оказался их возможный экологический вред, целесообразность рационального использования ресурсов при их участии в сравнении с отраслью переработки, которая возвращает отходы в цикл использования. Введение в технологическую схему управления отходами МСЗ возможно только для опасных и неперабатываемых отходов и только при условии, что вредоносные вещества сжигаются при температуре не менее 1200°C [Петросян, Шувалова 2017]. Однако у большинства экспертов есть сомнения, что технологический регламент способен обеспечить это условие: *«Все говорят о вреде выбросов от мусоросжигания, но никто при обсуждении переработки отходов не говорит о вредных выбросах [имеются ввиду пластмассы и сложные химические вещества, горение которых мало изучено], которые также есть в процессе переработки»* (Э. Расулмухамедов, технолог). *«Профессиональный рост неизбежно повлечёт укрепление личной гражданской позиции: чем больше осознаёшь вред мусоросжигания, тем увереннее себя чувствуешь в своей правоте, тем легче убеждать людей в необходимости отдельного сбора отходов и развитии отходоперерабатывающей отрасли»* (А. Гаркуша, экоюрист).

Что касается полигонов, то необходима реконструкция существующих полигонов, обеспечение экологической изоляции при одновременной выработке тепла из биогаза.

Конечной точкой в приоритете природопользования должно являться сохранение природных ресурсов и возвращение как можно большего количества материалов в цикл при прочих равных условиях соблюдения экологических предписаний [Gentil et al. 2010]. Следовательно, лобби МСЗ такого обеспечить не сможет: *«[Отходы нужно расположить] в соответствии со следующей иерархией приоритетов: повторное использование, использование в качестве перерабатываемого материального сырья, использование в качестве энергетического сырья, захоронение в целях планировки местности, собственно захоронение. Схемы неизбежно будут иметь локальную специфику»* (В. Пашинский).

Вопрос о том, являются ли отходы возобновляемым источником энергии, спорный, вызывает сомнение, что в модернизации экологической политики их (отходы) можно эффективно использовать как ресурс. Переработка твердых коммунальных отходов находит больше категорически отрицательных комментариев, чем полигоны и использование осадочного ила.

Эксперты сошлись во мнении, что существующие полигоны небезопасны для работы на них с точки зрения нормативов охраны труда: *«Да, работа опасна, особенно при нарушении технологий обращения с отходами. Какие существуют методы снижения вреда для здоровья работников? Соблюдение установленных технологий обращения с ТБО, в том числе использование средств индивидуальной защиты. Соблюдаются ли данные меры? Обычно нет»* (В. Пашинский).

Во вторую очередь от нарушений работы полигонов и МСЗ страдают граждане: *«В принципе работа на любом полигоне опасна как для здоровья работающих на нём, так и для населения, живущего вокруг. Полигоны опасны тем, что утечка из них может распространяться на десятки и сотни километров, а вредные вещества могут трансформироваться, накапливаться и т. д. во всех средах: воздухе, воде, почве. Это называется “социально-экологическим метаболизмом”»* (О. Н. Яницкий).

Проблемой использования любых технологий утилизации отходов стало недоверие к техническому регламенту и человеческому фактору в охране труда. В утверждении, что «воздухоочистительные фильтры МСЗ безопасны: они задерживают 99,99% загрязнений», нет информации о том, что завод может функционировать постоянно, и мусор сжигается тоннами, а величина от тонны в остаток 0,01% постоянно аккумулируется и подразумевает килограммы остатков золы и токсичных веществ, требующих отдельных полигонов для захоронения. В пользу МСЗ может использоваться маркетинговый тезис о высоком качестве иностранных разработок – «швейцарского качества», «безопасных» МСЗ, используемых на Западе. Но умалчивается о том, что Евросоюзом уже утверждена программа по минимизации МСЗ и отказу от них в дальнейшем. Кроме того, в странах Европы в силу их малой территории потребность в выработке энергии иная, и энергетические схемы и программы исключают мусор как ВИЭ [Allesch, Brunner 2014]. Есть определённое расхождение в фактах и их интерпретации относительно вреда и избавления от диоксинов. Эксперты могут ориентироваться на высокую температуру дожигания, однако в то же время даже минимальное количество образующихся диоксинов превышает предельно-допустимые концентрации (ПДК). Преобразование экологических выгод в экономические (например, когда зола используется в укладке асфальта) приводится в качестве примера ресурсосберегающего и цикличного производства. Выступающие за МСЗ и расширение территорий полигонов упоминают, что отдельный сбор отходов не исключает проблемы переработки. Однако мусоросжигание и полигоны противоречат принципам ресурсосбережения, если используются как основные технологии, поскольку материалы не возвращаются в цикл производства.

Социальный аспект

Социальный аспект принимается во внимание в России меньше всего, в том числе и опрошенными экспертами. Хотя в глобальной повестке дня устойчивого развития это один из основных проблемных пунктов, решение которого должно быть первоочередным в рамках политики управления отходами, т. к. человеческий ресурс и экологи-

чески ориентированные действия – главный капитал общества [Medina 1990; 1997; 2008]. Социальный аспект в данном ключе имеет несколько направлений развития:

- соблюдение инвайронментальной справедливости (равномерное минимальное распределение экологических рисков в виде загрязнений) у разных категорий населения, что напрямую влияет на качество жизни и здоровья граждан;
- создание рабочих мест (экологически и социально ориентированных, где планируется переориентация сектора промышленности на «зелёное» производство с перераспределением рабочих мест) [Schübeler et al. 1996; Wilson et al. 2013];
- поиск неформальных и эксклюзивных рабочих групп, которые можно внедрить в официальный сектор экономики из теневого сектора, обеспечив должный уровень охраны труда (сборители отходов, мигранты, бедные слои населения). Этот сектор хоть и мал по численности, но важен для модернизации политики обращения с отходами [Dias 2011];
- экологизация системы производства и повышение квалификации работников при освоении «зелёных» стандартов.

Вопрос о сборителях отходов был неожиданным для экспертов. В России данная группа не сформирована, чтобы учитывался её вклад в модернизацию сектора управления отходами. Предполагается, что первоначально должны быть решены проблемы социально-экологической политики, чтобы затем уже думать о конкретных социальных программах. Применительно к сборителям отходов у экспертов возникли следующие комментарии:

- мусоросборители – социально незащищённая группа, которую можно встроить в социально ориентированную экономику: *«Сборителей можно встроить, это рабочие места, нужно изменить отношение к ним и рассматривать как социально полезную профессию. Теневая экономика может быть опасна в ситуации, когда рабочих мест нет, а работа мусорщиков заменяется машинным трудом, – начинаются общественные волнения»* (Т. Честина);
- мусоросборители как маргиналы, критическая, рискогенная группа: *«Во всём мире к такой работе привлекаются люди низших социальных слоёв. Но, как правило, они бесправны»* (О. Н. Яницкий);
- мусоросборители как самостоятельный феномен, который имеет свои психологические особенности, не ассоциируется с положением рабочего или постоянным занятием: *«Это вопрос психологии. Есть люди, которые хотят найти работу, – они её найдут. А это определённый тип людей, они к этому склонны. На сортировке могут быть места, но приемлемо ли это для них? Здесь важен лавинообразный механизм вовлечения людей в процесс, критическая масса людей, чтобы работа стала нормой»* (Д. Старк).

Экспертам задавались вопросы о культуре обращения с отходами, о том, как конструируется норма в обществе. Проблема восприятия отходов у населения, по их мнению, имеет следующие черты:

- Отходы вытесняются из нормальной жизни как физически (выбрасываются, избегаются), так и психологически: *«Психологически человек вытесняет проблему отходов. Кто угодно будет выносить мусор, только не я. А когда он видит кучу у мусорного бака – виноват кто угодно, власть, но не он. В его сознании не связывается, что этот мусор – тот же самый, который он выкинул в ведро. Человека надо с мусором примирить. Мне кажется, всё начинается с детства. Когда идём с детьми на улице, а там валяется фантик, ребёнку интересно, он хочет его поднять, посмотреть, но ему кричат: не трожь, это гадость, брось! И у него вырабатывается привычка, и с этим неврозом мы живём»* (Д. Старк).

- Отходы в контексте культуры воспринимаются как *отношение к ценностным объектам – природе и человеческим отношениям: «Отношение к отходам такое же, как к людям. [Что, по Вашему мнению, означает понятие «культура обращения с отходами»?] Не производить лишнего, произведённое обработать/использовать без вреда для окружающих»* (Р. Чередниченко).

- В сознании человека и различных социальных групп есть некоторая норма чистоты и «замусоривания», которая формируется в конкретном ситуативном окружении; человек мусорит в соответствии с представлениями об этой норме. Она динамична, её границы меняются в зависимости от устоявшихся норм *«Социум поддерживает «нормальное» состояние своей среды. В части мусора это означает, что есть некоторый привычный уровень. И отклонения от него как в сторону чистоты, так и в сторону замусоренности, «исправляются». У каждого человека есть зона комфорта. Или, другими словами, свои верхние и нижние границы нормы, приближение к которым вызывает дискомфорт, а пересечение – активные действия. Сумма этих зон комфорта и составляет групповое представление о норме. И чем больше вы будете убирать, тем больше будут мусорить. Норма не меняется снаружи, а только изнутри коллектива»* (Д. Старк).

- Некоторые эксперты под нормой подразумевают также моду на поведение: *«Мода чуть ли не самый важный аспект в поведении человека»* (Е. Смирнова). Если ввести моду на экоориентированный образ жизни и РСО, это может быть воспринято обществом. Чтобы у населения было стремление вести экологоориентированный образ жизни, необходим вклад большинства населения. *«Чем больше людей вовлечено в простые разумные действия, тем легче мы дойдём до большего. Давайте сначала на две-три, нежели разделять сразу на пять-шесть разных видов пластика»* (Е. Смирнова); *«Людям, которые смотрят СМИ, сложно объяснить, что всё не совсем так. Во всём нужен хоть и маленький, но конкретный результат»* (И. Сосунова, экосоциолог, социальный политик).

Чёткой ориентации или нормы поведения в контексте политики обращения с отходами нет, существуют разные нормы внутри разных противоборствующих лобби.

Заключение

В целом динамику изменений в политике управления отходами эксперты оценивают положительно, учитывая в первую очередь обновление законодательной базы.

Эксперты-социологи, занимаясь разными вопросами экологической тематики, учитывали влияние отходов на культуру; экологи (и те, кто близки к отрасли химии окружающей среды) изучают отходы в рамках системного влияния на окружающую среду.

Учёные, работающие в сфере естественных и технических наук, знакомят нас с новыми возможностями «зелёной» химии, «зелёных» технологий, раскрывают концепцию ресурсосбережения. Для них важна метаболическая цепочка без потерь материалов и утечек загрязняющих веществ. Создание безотходной технологии базируется на принципах «зелёной» экономики, эта категория специалистов станет главным идеологом в дизайне производства по мере продвижения экологической политики. Наука и технологии должны стать экологически и экономически выгодными, тогда экологическая модернизация будет идти как стабильный процесс.

Представители НКО и экологических движений, специализирующиеся на проблеме отходов, пришли к пониманию необходимости активистской деятельности в результате осознания личного влияния на окружающую среду, желания объединиться с сообществом, лично повлиять на ситуацию и конструирование коллективных действий.

Понимание того, что в будущем мусор станет прибыльной нишей в России, мотивирует бизнес-представителей этой сферы деятельности, у них наиболее ярко выражено восприятие отходов как финансовых и материальных ресурсов. У большинства из них проявляется активистская позиция: чем ближе ориентация к социальному предпринимательству, тем больший идеологический фокус на пользу экосистеме и обществу.

Представители власти стараются совместить две позиции: функциональное (распределение и делегирование) видение проблемы отходов с экономическими и бюрократическими затратами. Правительство не отрицает важности отдельного сбора отходов, но в большинстве территориальных схем и проектов фигурируют в основном мусоросжигание и полигоны, они лоббируются и продвигаются как экологически ориентированные. Сжигание и захоронение отходов не может быть решением проблемы ресурсосбережения, учитывая данные о конечном вреде мусоросжигательных заводов.

Расхождения экспертов возникли на почве эколого-технического аспекта управления отходами. Среди экологов, представителей НКО и экоориентированного бизнеса нет лояльности к увеличению МСЗ и расширению полигонов. Технологи и представители власти могут согласиться с продвижением такой программы при некоторой оговорке о контролируемом количестве используемого сырья. Для решения проблемы отходов эксперты предлагали создать отдельный единый аппарат вместо сложной системы функциональных бюрократических взаимодействий. Однако аппарат может включать много ответственных лиц со своими интересами, не просто будет получить обратную связь. Идея замкнутого цикла должна отражаться в структуре группы лиц, принимающих решения, а не носить отдельные функциональные связи.

Политика в отношении обращения с отходами должна строиться одновременно в двух направлениях: ресурсосбережение и охрана окружающей среды (решение уже существующих проблем загрязнения).

На данный момент в России имеется множество черт линейной «коричневой» экономической модели производства: сырьё активно экспортируется, наличие свободного пространства способствует расширению полигонов за счёт ресурсов территории. Есть территориальная несогласованность, отходы образуются в крупных городах, но свалки располагаются в областях, что влечёт множество социальных конфликтов и способствует распространению зон экологического неравенства населения. Однако процесс институционализации уходит от дисфункциональных элементов к организованному, функциональному управлению (с точки зрения рационального природопользования, «зелёной» экономики, устойчивого развития). Это значит, что с расширением влияния концепции безотходной экономики более высоким статусом будут обладать экологически ориентированные (и прибыльные для экономики) специалисты, проекты и методы.

Библиографический список

Бек У. 2000. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция. 384 с.

Валлерстайн И. 2001. Мир – Система. М.: Университетская книга. 208 с.

Гидденс Э. 1994. Судьба, риск и безопасность // THESIS. Вып. 5. С. 107–134.

Зайцев В. А. 2012. Промышленная экология: учебное пособие. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний. 382 с.

Лихачева О. И., Советов П. М. 2017. Методологические аспекты управления сферой обращения с твердыми бытовыми отходами // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 10. № 4. С. 34–67.

Луман Н. 2004. Социальные системы. М.: Логос. 118 с.

Медоуз Д., Рандерс Й, Медоуз Ден. 2007. Пределы роста. 30 лет спустя / Пер. с англ. М.: ИКЦ «Академкнига». 342 с.

Петросян В. С., Шувалова Е. А. 2017. Химия и токсикология окружающей среды. М.: Буки Веди. 640 с.

Allesch A. Brunner P. 2014. Assessment methods for solid waste management. Waste Management & Research. № 30 (6). 461–473 p.

Dias S. 2011. Integrating Informal Workers into Selective Waste Collection: The Case of Belo Horizonte, Brazil, WIEGO Policy Brief (Urban Policies). № 4. P. 121–133.

Gentil E., Damgaard A., Hauschild M. 2010. Models for waste life cycle assessment // Review of technical assumptions. Waste Management. Vol. 30. Issue 12. P. 56–69.

Global Waste Management Outlook. 2015. United Nations Environment Program. 346 p.

Klundert V., Anschütz A. 2001. Integrated Sustainable Waste Management – the Concept. WASTE, Gouda, The Netherlands. 252 p.

Managing a municipal solid waste – a review of achievements in 32 European countries. European Environment Agency, Copenhagen, 2013. 40 p.

Marshall R., Farahbakhsh K. 2013. Systems approach to integrated solid waste management in developing countries // Waste Management. № 33. P. 988–1003.

Mavropoulos A. 2010. Megacities Sustainable Development and Waste Management in the 21st Century, ISWA 2010. World Congress, Hamburg, Germany. 13 p.

Meadows D. L. et al. 1972. The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. New York: Universe Books. 203 p.

Medina M. 1990. Scavenging on the Border // A Study of the Informal Recycling Sector in City: Porrua. 230 p.

Medina M. 1997. Informal Recycling and Collection of Solid Wastes in Developing Countries // Issues and Opportunities. Tokyo: United Nations University / Institute of Advanced Studies. 24. P. 156–164.

Medina M. 2008. The informal recycling sector in developing countries – Organizing waste pickers to enhance their impact. Gridlines. 4 p.

Schübeler P., Wehrle K., Christen J. 1996. Conceptual framework for municipal solid waste management in low-income countries. SKAT, St Gallen, Switzerland, SKAT. UMP / SDC Collaborative Program on Municipal Solid Waste Management in Developing Countries. Urban Management Program (UMP) Working Paper Series. № 9. P. 59–70.

UNEP. 2011. Green Economy report. Chapter: Waste. 52 p.

Veolia C. 2009. From waste to resource: an abstract of world waste survey. Environmental Services, Edition Economica. 25 p.

Waste in Russia: garbage or a valuable resource? Scenarios for the development of the solid municipal waste management sector. 2015. IFC Advisory Programs in Europe and Central Asia. Program to stimulate investment in resource efficiency. 92 p.

Wilson D., Velis C., Rodic L. 2013. Integrated sustainable waste management in developing countries. Proceedings of the Institution of Civil Engineers, Waste and Resource Management. 347 p.

Статья поступила: 27.08.2018

DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.596

Modernizing Russia's Waste Management Industry: The Scope of Expert Analysis

Yulia V. Ermolaeva

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: mistelfrayard@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-7421-2044

For citation: Ermolaeva, Yu. V. Modernizing Russia's waste management industry: the scope of expert analysis. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 131–150. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.596

Abstract. Issues concerning waste management in Russia became especially relevant during the 1990's with the ensuing restructuring of the industrial sector, when certain components of cyclic production and recycling of materials – which were available during Soviet times – simply ceased to exist. For many years there were no appropriate government programs that could combine an economically feasible approach with environmentally oriented technologies. This article presents the results of a study based on expert interviews on the subject of modernizing Russia's waste management industry throughout the years 2014–2017. The lineup of experts consisted of specialists in various fields: nonprofit organization employees, environmental activists, researchers in the field of humanitarian and natural sciences, businessmen, government officials, professional environmentalists and engineers. The interview carefully examines environmental modernization issues in various fields: legislation, economics, environmentally oriented technologies, where particular emphasis is laid upon resolving social issues and institutional problems with developing this sector. Experts have noticed a positive dynamic in the modernization of the waste management industry during recent years (2010–2017). However, certain omissions are apparent in every area, which must be promptly rectified in order to comply with modern requirements when it comes to stable development and environmental protection. In the field of legal support there is no clear functional allocation of responsibilities among those parties participating in legal interaction. The field of institutional management lacks a chain of stakeholders fit for a waste-free economy. Social policy and labor market structure in the waste management industry are also not fully developed. The project "Clean country", as well as the functionality of territorial models in the field of waste management in Russia, bears special relevance. Non-profit organizations have offered to assume the role of the main resource, together with the business sector, which is in need of legal and economic support on behalf of the government in the form of well thought-out legislative framework, which would consider the interests of all parties participating in decision-making. As for actions which need to be taken immediately, it is essential to reduce the negative impact of waste on the environment.

Keywords: waste, modernization of environmental policy, waste management, expert

References

Allesch A. Brunner P. Assessment methods for solid waste management. *Waste Management & Research*, 2014; 30 (6): 461–473.

Bek U. Risk Society: Towards a New Modernity. Moscow: Progress-Traditsiya, 2000: 384 (In Russ.).

- Dias S. Integrating Informal Workers into Selective Waste Collection: The Case of Belo Horizonte, Brazil, WIEGO Policy Brief (Urban Policies), 2011; 4: 121–133.
- Gentil, E., Damgaard A, Hauschild M. Models for waste life cycle assessment: Review of technical assumptions. Waste Management, 2010; 30; 12: 56–69.
- Global Waste Management Outlook. United Nations Environment Program. 2015: 346.
- Klundert V., Anschütz A. Integrated Sustainable Waste Management – the Concept. WASTE, Gouda, The Netherlands, 2001: 252.
- Fate, Risk and Security. In: A. Giddens. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991: 109–143.
- Likhacheva O. I., Sovetov P. M. Methodological aspects of solid waste management. In: *Ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecasts*, 2017; 10; 4: 34–67 (In Russ.).
- Luman N. Social systems. Moscow: Logos, 2004; 5: 118 (In Russ.).
- Managing a municipal solid waste: A review of achievements in 32 European countries., Copenhagen: European Environment Agency, 2013:40.
- Marshall R. Farahbakhsh K. Systems approach to integrated solid waste management in developing countries. Waste Management, 2013; 33: 988–1003.
- Mavropoulos A. Megacities Sustainable Development and Waste Management in the 21th Century, ISWA 2010 World Congress. Hamburg, Germany, 201:13.
- Meadows D. L. et al. The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. New York: Universe Books, 1972: 203.
- Meadouz D., Randers Y., Meadouz Den. Limits to Growth: The 30-Year Update. Moscow: Akademkniga, 2007: 342 (In Russ.).
- Medina M. 2008. The informal recycling sector in developing countries: Organizing waste pickers to enhance their impact. Gridlines: 4.
- Medina M. Informal recycling and collection of solid wastes in developing countries: Issues and opportunities. Tokyo: United Nations University: Institute of Advanced Studies, 1997; 24: 156–164.
- Medina M. Scavenging on the border: A study of the informal recycling sector in city: Porrua, 1990: 230.
- Petrosyan V. S., Shuvalova Ye. A. Environmental chemistry and toxicology. Moscow: Buki Vedi, 2017 (In Russ.).
- Schübeler P., Wehrle K., Christen J. Conceptual framework for municipal solid waste management in low-income countries. SKAT, St Gallen, Switzerland, SKAT. UMP.SDC Collaborative Program on Municipal Solid Waste Management in Developing Countries. Urban Management Program (UMP) Working Paper Series, 1996; 9: 59–70.
- Vallerstain I. World – Sistem. Moscow: Universitetskaya kniga, 2001: 208 (In Russ.).
- Wilson D., Velis C., Rodic L. Integrated sustainable waste management in developing countries. In: Proceedings of the Institution of Civil Engineers, Waste and Resource Management, 2013: 347.
- Zaytsev V. A. Industrial ecology. Moscow: BINOM. Laboratoriya znaniy. 2012: 382 (In Russ.).

The article was submitted on: 27.08.2018

Трибуна Молодого учёного

DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.594

Функционирование российских «фабрик мысли» в информационном обществе

Ссылка для цитирования: *Ивченкова М. С.* Функционирование российских «фабрик мысли» в информационном обществе // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 3. С. 151–164. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.594

For citation: Ivchenkova, M. S. The operation of Russian “think tanks” in an information society. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No 3. P. 151–164. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.594

**Ивченкова
Мария Сергеевна**

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

m.ivchenkova@gmail.com

AuthorID РИНЦ: 513175

Функционирование российских «фабрик мысли» в информационном обществе

Аннотация. Информационное общество задаёт новые векторы развития всем социально-политическим и социально-экономическим институтам. От того, насколько оперативно и профессионально эти институты имплементируют в свою практику новые информационно-коммуникационные технологии и адаптируются к реалиям современного мира, зависит его эффективность и последующее развитие. В статье рассматривается функционирование социально-политического института «фабрики мысли» в условиях растущей роли интернета и распространения социальных медиа. Традиционно «фабрики мысли» (англ. think tank), или «аналитические центры», изучаются политологами и специалистами по международным отношениям как элементы политических систем, но с распространением и развитием этих организаций в мире, расширением их функций появляется необходимость в социологическом осмыслении места и роли фабрик мысли в обществе. В статье они рассматриваются как социально-политический институт, являющийся одновременно и генератором, и проводником социально значимой информации для власти и социума. Ключевой функцией этого института называется коммуникативная, в которой заключается социальный потенциал фабрик мысли как элемента развития общественного сознания и демократизации общества. Для оценки функционирования аналитических центров в России автор обращается к результатам мирового рейтинга фабрик мысли Global Go To Think Tank Index. В целом российские аналитические центры высоко оцениваются зарубежными экспертами, хотя и имеют ряд специфических черт. Большинство из них в России аффилированы с государственными структурами или существуют на базе научных учреждений Российской академии наук и вузов, получая финансирование из государственного бюджета. В сферу их научно-аналитической деятельности входят в основном вопросы внешней политики, международных отношений, мировой экономики. Социологический анализ происходящих в обществе процессов представлен в повестках дня российских фабрик мысли крайне фрагментарно. В информационном пространстве аналитические центры представлены слабо. Они почти не используют современные коммуникационные технологии, что оказывает влияние на изолированность экспертного сообщества от социума.

Ключевые слова: фабрики мысли, аналитический центр, социально-политический институт, СМИ, социальные медиа, информационное общество

Современное общество в первую очередь ассоциируется с информацией – её огромными и неограниченными объёмами, доступностью и постоянным движением. Новые информационные реалии влияют и трансформируют абсолютно все социально-политические и социально-экономические институты. Готовность применять новые информационные технологии в деятельности этих институтов обуславливает эффективность их функционирования в современном мире. Таким образом, информационное общество даёт традиционным институтам новые возможности, расширяя и усиливая их функции обратной связи с социумом.

Изучая новые возможности институтов в информационном обществе, считаем целесообразным обратиться к анализу функционирования такого социально-политического института, как «фабрики мысли».

«Фабрики мысли» (англ. think tank) или «аналитические центры» традиционно изучаются политологами и специалистами по международным отношениям как институты публичной политики, занимающиеся исследовательской, аналитической и экспертной деятельностью с целью участия в формировании повестки дня как внутренней, так и внешней политики государства.

Фабрики мысли в странах Запада

Первые «фабрики мысли» возникли в США после Второй мировой войны как организации по обеспечению национальной безопасности посредством анализа информации о социальном, политическом, экономическом состоянии других стран. Чуть позже аналитические центры появились в Великобритании для рассмотрения управленческих проблем, связанных с реализацией государственной политики. Функции фабрик мысли в Советском союзе отчасти выполняли институты Академии наук, хотя в полном смысле этого понятия первые фабрики мысли начали свою работу только в конце 1980-х гг.

В процессе своего развития и институционального становления фабрики мысли приобретали всё новые черты, характеристики, функции. На сегодняшний день, по данным исследовательского проекта Пенсильванского университета The Think Tanks and Civil Societies Program (TTCSP), по всему миру насчитывается 8248 аналитических центров [McGann 2019]. Увеличение их количества сопровождается ростом интереса исследователей к этому предмету.

Большое внимание учёные уделяют типологизации аналитических центров, анализу направлений их аналитико-экспертной деятельности, их внутренней организационной структуре и источникам финансирования. Но наибольший интерес вызывает оценка деятельности фабрик мысли, их реальное и потенциальное влияние на политику стран и общества в целом.

Значимыми работами по анализу роли аналитических центров и экспертных сообществ в США и других странах являются публикации П. Диксона [Диксон 2004], Д. Стоун [Stone 1996], Д. Абельсона [Abelson 2002], Дж. Макганна [McGann 2009; 2016], Т. Тройя [Troy 2002; 2012].

Российские учёные также не оставляют в стороне изучение этого института. В поле их научных интересов оказывается изучение структуры функционирования фабрик мысли в США [Кочетков 2010; Беляев 2016] и Европе [Медушевский 2015; Старкин, Приписнова 2016]. Осмыслению растущего числа экспертно-аналитических структур в Азии посвящает свои работы К. Р. Вода [Вода 2016; 2018]. Методологию вопроса, историю становления и развитие фабрик мысли в нашей стране изучают А. Ю. Сунгуров, А. А. Балаян [Балаян, Сунгуров 2014; 2016].

В виду большого разнообразия организационных форм аналитических центров, обусловленного возможностями и одновременно ограничениями политических режимов, в которых они функционируют, ведётся активная полемика по операционализации понятия «фабрики мысли». Наиболее полным, на наш взгляд, является определение, предложенное Дж. Макганном. Фабрики мысли – это организации, занимающиеся политико-ориентированными исследованиями и разработкой практических рекомендаций по вопросам внутренней и внешней политики государства с целью информационной поддержки политиков и общественности в принятии обоснованных решений в процессе взаимодействия в поле публичной политики. Фабрики мысли могут быть как аффилированными к государству, так и независимыми институтами, функционирующими на постоянной основе, но не созданными под проект. Они выполняют связующую роль между академическим сообществом и лицами, участвующими в процессе принятия политических решений, являются мостом между властью и обществом, выступая в общественных интересах в качестве независимых трансляторов результатов фундаментальных и прикладных исследований на понятном и доступном для политиков и широкой общественности языке [McGann 2018: 11].

Продолжая логику анализа Макганна, можно с уверенностью сказать, что фабрики мысли – это социально-политический институт, являющийся и генератором, и проводником социально значимой информации для власти и социума. Информация, транслируемая фабриками мысли, становится не только источником некоего экспертного знания, но и инструментом влияния и на процесс принятия политического решения, и на процесс формирования поддержки населением принятого решения. Таким образом, одной из ключевых функций фабрик мысли является производство информации.

Обладая большим интеллектуальным потенциалом, они проводят фундаментальные и прикладные исследования, разрабатывают на их основе рекомендации и прогнозы. Целью их работы является анализ, организация и донесение максимально актуальной и взвешенной информации политическим структурам, участвующим в принятии решений. Ведь вызов современного общества не в обладании информацией, доступ к которой почти неограничен, а в скорости её отбора, интерпретации и эффективном применении. Именно поэтому американские исследователи называют фабрики мысли важнейшим ресурсом «нового мышления» и оригинальных идей [Хаасс 2006].

В качестве каналов донесения результатов своей аналитическо-экспертной деятельности центры используют открытые дискуссионные площадки (конференции, круглые столы), публикации статей, монографий, специальных докладов, участие в рабочих и экспертных группах при органах государственной власти. Кроме того, ведущие представители центров могут выступать на телевидении, радио, давать комментарии журналистам, представлять результаты своей работы в сети интернет.

Трансляция информации подразумевает коммуникацию – это ещё одна функция фабрик мысли. В первую очередь, это коммуникация экспертного сообщества и властных структур. Аналитические центры предоставляют необходимую информацию по актуальным вопросам внутренней и внешней политики, производят оценку текущего состояния социума и общественно-значимых проблем. Для государственных структур разрабатываются концептуальные стратегии, программы развития и ситуативные аналитические обзоры.

Важность коммуникационного взаимодействия фабрик мысли и политиков не вызывает сомнения, особенно в современном информационном обществе, где ускорение социального времени требует от политических лидеров и государственных институтов высокого уровня информационно-аналитического сопровождения для оперативной оценки быстроменяющихся трендов и последующего принятия взвешенных политических решений. Коммуникационные механизмы власти и аналитических центров отработаны и достаточно эффективно функционируют, причём с обратной связью со стороны государственных структур в виде запросов конкретных аналитических продуктов, персональных консультаций политиков, площадок для открытой дискуссии экспертов с политической элитой.

Не стоит забывать ещё об одном акторе коммуникации – социуме. Несмотря на колоссальную работу, проводимую фабриками мысли, она почти незнакома широкой общественности, так как фокус трансляции экспертного знания смещён в сторону государственных структур (особенно в странах, где институт аналитических центров недостаточно развит). Тем не менее работа фабрик мысли в области распространения альтернативных политических концепций и формирования политической повестки дня должна быть понятна каждому гражданину.

Коммуникационная функция фабрик мысли включает в себя просветительский аспект в отношении с социумом в части информирования граждан, привлечения внимания общественности к тому или иному социально значимому вопросу. Другими словами, фабрики мысли могут оказывать значительное влияние на формирование общественного мнения как в отношении отдельной проблемы, так и по поводу политического курса государства в целом. А. Денхэм и М. Гарнетт в своей фундаментальной работе о фабриках мысли в Великобритании особо отмечают тот факт, что фабрики мысли способны формировать «климат общественного мнения» [Denham, Garnett 1998].

На наш взгляд, не следует так уж преувеличивать значимость фабрик мысли, но и не стоит упускать важность развития взаимодействия экспертного сообщества с социумом в части донесения качествен-

ной и понятной информации. Зачастую фабрики мысли производят узкоспециализированную аналитическую информацию, ориентированную на специалистов, работающих в государственных органах, поэтому адаптация материалов для широкой общественности необходима. Каналами распространения социально значимой информации для населения могут быть как традиционные СМИ, так и новые медиа, популярные у молодого поколения.

Вышеизложенные функции носят универсальный характер и отражают базовый идейный смысл и миссию, которую несёт каждая фабрика мысли, но аналитические центры в разных странах существенно отличаются друг от друга. Различия обусловлены колоссальным разнообразием национальных и геополитических факторов политического устройства и социально-экономического состояния государств. Например, в США, на долю которых приходится четверть всех фабрик мысли мира, их функционал расширяется. Помимо производства научно-аналитической информации и её трансляции власти и социуму, аналитические центры участвуют в рекрутировании экспертов в органы государственного управления и, наоборот, дают возможность чиновникам поработать в научно-исследовательских центрах. С приходом к власти нового президента в США некоторые позиции в правительстве занимают ведущие представители фабрик мысли, а после окончания срока они могут вернуться к исследовательской работе; у госслужащих также есть возможность профессионального перехода в аналитические центры. Это явление получило название «принцип вращающихся дверей» и оценивается учёными как одна из важнейших функций фабрик мысли для американской политической системы [Хаасс 2006].

Рассмотренный функционал фабрик мысли позволяет говорить о политической природе этого института и о его важном социальном потенциале. Они как социально-политический институт, лежащий в основе развития современного демократического общества, не могут обходиться в своей работе без социологического знания. Социология необходима и на этапе подготовки аналитических материалов, и уже после их донесения до властных структур. Результаты фундаментальных социологических исследований необходимы для подготовки документов органам государственной власти, но важен и социологический анализ эффективности разработанных рекомендаций и стратегий, а также социологическая экспертиза обратной связи экспертного сообщества с широкой общественностью. Ускорение социального времени и развитие информационных технологий обязывает фабрики мысли трансформироваться. Они должны собирать на своих площадках учёных и экспертов различных отраслей гуманитарного знания для эффективного и своевременного реагирования на социальные и политические процессы, происходящие на региональном уровне и в глобальном масштабе.

Ежегодно с 2009 г. Пенсильванский университет публикует мировой рейтинг фабрик мысли Global Go To Think Tank Index. Это единственный в мире официально признанный исследовательский проект по

изучению экспертно-аналитических центров и их роли в социально-политическом развитии общества. Рейтинг формируется на основе экспертизы деятельности фабрик мысли на региональном и международном уровнях. Около 2000 учёных, частных и корпоративных спонсоров, политических деятелей и журналистов ранжируют аналитические центры по различным критериям, разработанным командой исследователей The Think Tanks and Civil Societies Program (TTCSP), а также оценивают по двум категориям: направление исследований и знаковые достижения в прошедшем году. К оцениваемым критериям относятся научная репутация организации, состав и деловая репутация исследователей и аналитиков центров, доступ к влиятельным политическим деятелям, качество проводимых исследований, донесение результатов исследований до политической элиты и широкой общественности, степень представленности в информационном пространстве и ряд других.

Российские фабрики мысли

По результатам последнего опубликованного рейтинга фабрик мысли 2018 г. [McGann 2019], в котором было оценено 8 248 организаций по всему миру, количество аналитических центров в России увеличилось до 215; таким образом наша страна оказалась на седьмом месте среди стран с наибольшим количеством аналитических центров. Первое место традиционно заняли США с 1871 организацией, второе и третье у Индии (509) и Китая (507), где последние годы этот социальный институт активно развивается, четвёртое место получила Великобритания (321 центр), на пятом месте Аргентина (227), на шестом – Германия, насчитывающей 218 фабрик мысли.

Три российские фабрики мысли попали в общемировой рейтинг Top Think Tanks Worldwide 2018 (U.S. and non-U.S.) – это Московский центр Карнеги (27 место), Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН) (33 место), Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России) (125 место).

В топ-3 регионального рейтинга по Центральной и Восточной Европе Top Think Tanks by Region 2018 – Top Think Tanks in Central and Eastern Europe вошли Московский центр Карнеги (4 место) и ИМЭМО РАН (9-е), ряд других российских аналитических центров также заняли места в этом рейтинге: Центр экономических и финансовых исследований и разработок, МГИМО МИД России, Независимый институт социальной политики, Институт США и Канады РАН, Институт экономической политики имени Егора Гайдара (Институт Гайдара), Санкт-Петербургский центр гуманитарных и политических исследований, Экономическая экспертная группа, Российский совет по международным

делам (РСМД), Фонд «Институт экономики города», Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, Центр независимых социологических исследований, Фонд «Центр стратегических разработок “Северо-Запад”», Институт прикладных экономических исследований РАНХиГС (ИПЭИ), Центр международной и региональной политики (CIRP).

Российские фабрики мысли индексируются в рейтингах по направлениям исследовательской работы в области:

- обороны и национальной безопасности (Институт США и Канады РАН, ИМЭМО РАН, Совет по внешней и оборонной политике, МГИМО МИД России, Российский совет по международным делам);
- внутренней экономической политики (Центр экономических и финансовых исследований и разработок, Центр фискальной политики, МГИМО МИД России, Институт Гайдара, Институт экономики РАН);
- политики в области образования (Центр изучения образовательной политики Московской высшей школы социальных и экономических наук);
- внешней политики и международных отношений (ИМЭМО РАН, Совет по внешней и оборонной политике, Институт Европы РАН, Институт США и Канады РАН, МГИМО МИД России, Российский совет по международным делам);
- проблем развития внешней политики (ИМЭМО РАН, Институт Гайдара, МГИМО МИД России);
- международной экономической политики (ИМЭМО РАН, МГИМО МИД России, Институт Гайдара);
- науки и техники (МГИМО МИД России);
- социальной политики (Социологический институт Российской академии наук, Фонд «Институт экономики города», Независимый институт социальной политики);
- транспарентности власти и эффективного государственного управления (Проектно-учебная лаборатория антикоррупционной политики НИУ ВШЭ, Правозащитный центр «Мемориал», Международный аналитический центр «RethinkingRussia»).

Российские аналитические центры не представлены в рейтингах фабрик мысли, занимающихся проблемами энергетики и природных ресурсов, окружающей среды и здравоохранения. Вероятно, это связано не столько с отсутствием экспертно-аналитической работы в данных направлениях, сколько с публичностью организаций, занимающихся научными разработками в данных сферах.

Рейтинг фабрик мысли Пенсильванского университета распределяет организации также по различным достижениям и проектам, осуществлённым в предыдущем году. Российские центры представлены почти во всех номинациях.

Изучая рейтинги и экспертные оценки, можно говорить о достаточном разнообразии аналитических центров в России. Большинство фабрик мысли – это институты Российской Академии наук и вузы, что объясняется историей формирования данного института в нашей стране. В Советском союзе в Академии наук и учреждениях высшего образования создавались и активно развивались научно-исследовательские лаборатории с лучшими аналитиками, представлявшими социально значимую информацию партийной элите. Только в 1990-х гг. стали создаваться частные исследовательские и консалтинговые компании, которые могли претендовать на статус фабрик мысли.

В настоящее время зарубежные эксперты в первую очередь отмечают эффективную работу российских аналитических центров, аффилированных к государству (ИМЭМО РАН, Совет по внешней и оборонной политике, Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации), но и независимые центры получают высокие оценки. Так, в список лучших независимых фабрик мысли мира 2018 г. попали Независимый институт социальной политики, Центр экономических и финансовых исследований и разработок, Российский совет по международным делам.

Основными исследовательскими темами передовых фабрик мысли в России являются прежде всего вопросы внешней политики и международных отношений. Это можно объяснить спецификой академических школ, на базе которых функционируют лучшие фабрики мысли страны. Так МГИМО МИД России традиционно готовит специалистов-международников, собирая в своих стенах как учёных политологов, так и действующих дипломатов. Деятельность ИМЭМО РАН направлена на исследование основных тенденций развития современной мировой политики и мировой экономики.

Более «молодые» фабрики мысли включают в свою повестку дня анализ внутривнутриполитических процессов. В Московском центре Карнеги существует отдельная программа по изучению российской внутренней политики и политических институтов, в рамках которой проводится не только анализ политического развития страны, но и изучаются общественные представления россиян о демократических ценностях. Существенный объём аналитических разработок российских фабрик мысли приходится на анализ внутренней экономики и места России в глобальной экономике (Центр экономических и финансовых исследований и разработок, Независимый институт социальной политики). «За кадром» остаётся социологический анализ происходящих в стране и мире процессов. Социологическое знание представлено в ключевых темах российских фабрик мысли весьма фрагментарно.

Фабрики мысли в информационном поле

Анализируя деятельность фабрик мысли как социально-политического института, следует обратить внимание на их место в информационном поле. Традиционные СМИ с начала развития института фабрик

мысли были основным инструментом донесения позиций экспертов до адресата. Периодические издания различных форматов и сегодня являются площадками презентации аналитико-исследовательских проектов, но реалии современного мира обязывают аналитические центры быть лидерами в онлайн среде.

Интернет даёт огромные возможности фабрикам мысли в реализации их коммуникативной функции, особенно в части налаживания канала передачи социально значимой информации социуму. Понимая растущую роль интернета и стремительно развивающихся онлайн сервисов, учёные Пенсильванского университета уже с 2011 г. включили в свой проект анализа деятельности фабрик мысли оценку уровня их представленности в интернете и социальных сетях, а в 2014 г. выделили отдельную номинацию «Лучшие в социальных сетях». Лидерами по использованию новых коммуникационных технологий в своей деятельности являются крупнейшие аналитические центры США и Великобритании. В 2017 г. экспертами впервые была отмечена и российская организация – Московский центр Карнеги. В рейтинге 2018 г. он занял 22-е место за эффективное использование социальных медиа и социальных сетей и 48-е место за представленность в интернет-пространстве [McGann 2019: 206, 219].

У Московского центра Карнеги поддерживается страница в Facebook с 29,5 тысячами подписчиков, есть Twitter и канал на YouTube. Работает страница Центра и в российской сети ВКонтакте (4,5 тыс. подписчиков). До блокировки Telegram весной 2018 г. Московский центр Карнеги вёл в этом мессенджере канал с более чем 4-мя тысячами читателей. Кроме того, у Центра разработано и доступно для скачивания в AppStore и Google Play мобильное приложение с возможностью читать материалы сайта Центра и исследования экспертов на русском и английском языках. Высокая активность Московского центра Карнеги в социальных сетях и широкое качественное представление в сети интернет объяснимо его ключевыми задачами, к которым относится донесение результатов исследований до максимально широкого круга лиц, а не подготовка аналитических материалов для внутреннего пользования¹.

Активность ИМЭМО РАН в социальных сетях не столь высока. Институт представлен в Facebook и Twitter, но аудитория подписчиков значительно меньше, чем у Московского центра Карнеги: чуть менее 2-х тыс. подписчиков в Facebook и 650 читателей в Twitter. МГИМО МИД России по статистическим показателям представленности в социальных медиа безусловный лидер, но это в первую очередь вуз, аудитория фоловеров которого студенты и выпускники, а публикационная активность в социальных сетях связана в основном с новостями университета, а не распространением экспертно-аналитических материалов.

¹ Тренин Д. Интервью // Познер. Гость – Дмитрий Тренин. Первый канал. Выпуск от 26.11.2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3sYlzHKkmgf> (Дата посещения: 06.03.2019).

Активная работа по расширению представленности в интернет-пространстве ведётся Российским советом по международным делам (РСМД), неслучайно организация выделена в номинации «Фабрики мысли, на которые стоит обратить внимание в 2019 г.» [McGann 2019: 213]. РСМД представлен во всех социальных сетях и мессенджерах. Самая большая аудитория у РСМД в Facebook – 13,5 тысяч подписчиков. Примечательно, что Совет делает видео трансляции своих деловых мероприятий, число просмотров которых достигают 4 000. Это достаточно высокие показатели для специализированного профессионального контента.

В целом российские фабрики мысли слабо представлены онлайн, что сокращает их возможности в реализации такой важной функции, как информирование широкой общественности по социально значимым вопросам. Аналитические центры не должны становиться популярными каналами массовых коммуникаций или СМИ, но по средствам новых коммуникационных технологий им необходимо адекватно вписываться в информационное пространство, занимать своё место в информационном обществе с целью уменьшения разрыва экспертного сообщества и социума.

Являясь производителями и трансляторами политико-ориентированной информации, фабрики мысли для эффективного функционирования в условиях информационного общества должны максимально оперативно реагировать на изменения технологий и умело имплементировать их в работу.

Библиографический список

Балаян А. А., Сунгуров А. Ю. 2014. Фабрики мысли: международный и российский опыт: учеб. пособие. СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ-Санкт-Петербург. 236 с.

Балаян А. А., Сунгуров А. Ю. 2016. Фабрики мысли и экспертные сообщества. СПб.: Алетейа. 240 с.

Беляев А. Ю. 2016. Анализ активности фабрик мысли: подходы и объясняющие модели (на примере опыта США) // Социум и власть. № 2 (58). С. 52–58.

Вода К. Р. 2016. Роль экспертов в эволюции американо-японского альянса // Международные процессы. Т. 14. № 2 (45). С. 123–132. <http://doi.org/10.17994/IT.2016.14.2.45/9>

Вода К. Р. 2018. Азиатские «мозговые центры»: положение в мире и влияние на внешнюю политику // Сравнительная политика. Т. 9. № 3. С. 5–13. <http://doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-3-5-13>

Диксон П. 2004. Фабрики мысли. М.: АСТ. 512 с.

Кочетков Г. Б. 2010. Использование прикладных социальных исследований в общественной политике // США и Канада: экономика, политика, культура. № 9 (489). С. 85–102.

Медушевский Н. А. 2015. Борьба за толерантность в идейной конфронтации европейских фабрик мысли // Полис. Политические исследования. № 5. С. 107–118. <http://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.09>

Старкин С. В., Приписнова Е. С. 2016. Деятельность европейских экспертно-аналитических центров: проблемы идентификации // Политика и общество. № 10 (142). С. 1377–1386. <http://doi.org/10.7256/1812-8696.2016.10.16630>

Хаасс Р. Н. 2006. «Мозговые центры» и американская внешняя политика: точка зрения политика / eJournal USA. Т. 7. № 3. Ноябрь 2002 г. // Центр гуманитарных технологий. 09.10.2006. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/4569> (Дата посещения: 01.09.2018).

Abelson Donald E. 2002. Do Think Tanks Matter? Assessing the Impact of Public Policy Institutes. Montreal and Kingston: McGill-Queens University Press. 251 p.

Denham A., Garnett M. 1998. British Think-Tanks and the Climate of Opinion. London: UCL Press. 222 p.

McGann James G. 2009. Think Tanks and Policy Advice in the United States: Academics, Advisors and Advocates. New York. 196 p.

McGann James G. 2016. The Fifth Estate: Think Tanks, Public Policy, and Governance, Washington D.C., Brookings Institution Press. 240 p.

McGann James G. 2018. 2017 Global go to Think Tank Index Report. https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1012&context=think_tanks (Дата посещения: 01.09.2018).

McGann James G. 2019. 2018 Global Go To Think Tank Index Report. TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports. 16. URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/16 (Дата посещения: 01.05.2019).

Stone D. 1996. Capturing the Political Imagination: Think Tanks and the Policy Process. London: Frank Cass. 331 p.

Troy T. 2002. Intellectuals and the American Presidency Philosophers, Jesters, or Technicians? Rowman & Littlefield. 280 p.

Troy T. 2012. Devaluing the Think Tank. National Affairs. № 10. URL: <https://www.nationalaffairs.com/publications/detail/devaluing-the-think-tank> (Дата посещения: 01.09.2018).

Статья поступила: 03.06.2019

DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.594

Russian Think Tanks Functioning and Information Society

Maria S. Ivchenkova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: m.ivchenkova@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-9297-814X

For citation: Ivchenkova, M. S. The operation of Russian “think tanks” in an information society. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 151–164. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.594

Abstract. Information society sets new directions for development of all social, political and economic institutions. An efficiency and further development of any social institution will depend on how readily and professionally it implements new informational and communicative technologies and adopts them to the reality of the modern world. This article is invited to review functions of social and political institution - think tank - in the context of increasing role of Internet and social media expansion. Traditionally think tanks (or analytical centers) are studied by political scientists and experts in international relations as elements of political systems. With think tanks development and spread around the world and also with evolution of their functions there is a need for sociological reflection on place and role of think tanks in the society. The author considers think tanks as a socio-political institution that generates and provides significant information to the authorities and to the society. According to author’s opinion, the key function of think tanks is communication in which the social capacity of think tanks consists as an element of public consciousness development and democratic society promotion. To access the functioning of analytical centers in Russia, the author refers to the results of Global Go To Think Tank Index. In general, Russian think tanks are highly recognized by foreign experts all though having their specific characteristics. The majority of think tanks in Russia are government affiliated or organized on the base of Russian Academy of Science and universities. The scope of Russian analytical centers’ research mainly includes issues on foreign policy, international relations and world economy. Sociological analysis of current social processes is presented fragmental in the agenda. Russian think tanks are poorly represented in informational space. Russian think tanks make little use of modern communicative technologies that has an impact on expert community isolation from the society.

Keywords: think tank, analytical center, social-political institution, mass media, social media, information society

References

Abelson Donald E. Do Think Tanks Matter? Assessing the Impact of Public Policy Institutes. Montreal and Kingston: McGill-Queens University Press, 2002: 251.

Balayan A. A., Sungurov A. Yu. Think Tanks: International and Russian Experience: Handbook]. Sankt-Peterburg: Otdel operativnoj poligrafii NIU VSHEH-Sankt-Peterburg, 2014: 236 (In Russ.).

Balayan A. A., Sungurov A. Yu. Think Tanks and Experts Communities. Sankt-Peterburg: Aleteja, 2016: 240 (In Russ.).

Belyaev A. Yu. Analysis of the Think Tank Activity – Approaches and Explicative Models as Exemplified by the USA Experience. *Socium i vlast’ = Society and Power*, 2016; 2 (58): 52–58 (In Russ.).

Denham A., Garnett M. British Think-Tanks and the Climate of Opinion. London: UCL Press, 1998: 222.

Dikson P. Fabrikimysli. Think Thanks. Moscow: AST, 2004: 512 (In Russ.).

Haass R. N. Think Tanks and U.S. Foreign Policy: A Policy-Maker’s Perspective. *Tsentr gumanitarnykh tekhnologii*. 09.10.2006. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/4569> [accessed: 09.06.2019] (In Russ.).

Kochetkov G. B. Applied Social Research in Public Policy. *SShA I Kanada: ekonomika, politika, kul’tura = USA and Canada: Economy, politics, culture*, 2010; 9 (489): 85–102 (In Russ.).

McGann J. G. Think Tanks and Policy Advice in the United States: Academics, Advisors and Advocates. New York, 2009: 196.

McGann J. G. The Fifth Estate: Think tanks, public policy, and governance. Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2016: 240.

McGann J. G. 2017 Global Go To Think Tank Index Report. 2018. URL: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1012&context=think_tanks [accessed: 09.06.2019].

McGann J. G. 2018 Global Go To Think Tank Index Report. 2019. URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/16 [accessed: 09.06.2019].

Medushevskii N. A. Concept of tolerance in the ideological confrontation of European think tanks]. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*, 2015; 5: 107–118 (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.09>

Starkin S. V., Pripisnova E. S. Activities of European expert-analytical centers: Problems of identification. *Politika I obshchestvo = Polici and Society*, 2016; 10 (142): 1377–1386 (In Russ.) <http://doi.org/10.7256/1812-8696.2016.10.16630>

Stone D. Capturing the Political Imagination: Think Tanks and the Policy Process. London: Frank Cass, 1996: 331.

Tevi T. Intellectuals and the American presidency Philosophers, jesters, or technicians? Lanham: Rowman& Littlefield, 2002: 280.

Tevi T. Devaluing the Think Tank. National Affairs, 2012; 10. URL: <https://www.nationalaffairs.com/publications/detail/devaluing-the-think-tank> [accessed: 09.06.2019].

Voda K. R. The Role of Experts in the Evolution of the US-Japan Alliance. Mezhdunarodnye process = International Processes, 2016; 14; 2 (45): 123–132 (In Russ.) <http://doi.org/10.17994/IT.2016.14.2.45/9>

Voda K. R. Asian Think Tanks: Global Role and Impact on Foreign Policy. Sravnitel'naya politika = Comparative politics, 2018; 9; 3: 5–13 (InRuss.) <http://doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-3-5-13>

The article was submitted on: 03.06.2019

О НОВЫХ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ

DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.598

Что происходит в социальной структуре российского общества?

Ссылка для цитирования: Широкалова Г. С. Что происходит в социальной структуре российского общества? // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 3. С. 165–172. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.598

For citation: Shirokalova, G. S. What is happening within the social structure of Russian society? Reviewing Zh. Toschenko's study "The precariat: from the proto-class to a new class". *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 165–172. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.598

Широкалова Галина Сергеевна

Нижегородская государственная
сельскохозяйственная академия,
Нижний Новгород, Россия

shirokalova@list.ru

AuthorID РИНЦ: 497528

Что происходит в социальной структуре российского общества?

Аннотация. В рецензируемой монографии Ж. Т. Тощенко «Прекариат: от протокласса к новому классу»¹ анализируются факторы формирования новой социальной общности – прекариата. Проводится критический разбор современных исследований изменений социальной структуры отечественными и зарубежными авторами, что позволяет выявить специфические явления и тенденции. Конкретизируются показатели расширения новых нестандартных форм занятости, относительность профессиональной специализации, несопоставимость выполняемой работы с уровнем образования и квалификации, что порождает иные самооценки и достижительные практики. Отсутствие подушки «экономической безопасности» и социальных гарантий у значительного числа населения расширяет границы этой социальной общности, а либеральная политика лишь усугубляет ситуацию риска. Фактологическая основа монографии столь обширна, что может служить своеобразной энциклопедией современных трудовых отношений в России.

Ключевые слова: прекариат, класс, общество риска, общество травмы, Россия

¹ Тощенко Ж. Т. 2018. Прекариат: от протокласса к новому классу. Монография / Ж. Т. Тощенко. Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М.: Наука. 350 с.

В данной монографии, как и в прежних работах автора («Парадоксальный человек», 2009; «Кентавр-проблема: опыт философского и социологического анализа», 2011; «Фантомы российского общества», 2015), анализируется одна из злободневных проблем современности – кардинальное изменение социальной структуры общества и появление на исторической арене новой общности (класса) – прекариата. Причём, не для констатации текущего положения вещей, а с целью верификации методологии, позволяющей понять причины, дать прогноз развития этого уникального и специфического социального явления, а, следовательно, предложить направления преодоления кризисных явлений.

Прежде всего отметим логичность структуры работы, что подтверждается названиями её разделов: «Теоретико-методологические основы исследования прекариата», «Структура прекариата: основные группы», «Настоящее и будущее прекариата».

Несомненное достоинство монографии – обширная источниковая база, на основе которой дана характеристика динамики социальных трудовых процессов в позднем СССР и современной России. Это официальные статистические данные, результаты исследований ведущих социологических центров, проведённых в том числе под руководством автора, научные публикации и др. Особую ценность представляют приложения с эмпирическими данными, анализ которых даёт читателю возможность верифицировать как выводы автора, так и собственные убеждения.

Основной посыл авторской позиции – изменение социальной структуры общества, начавшееся после разрушения СССР, – отражает новый уровень технологического развития экономики (его гибкость, флексибельность), с одной стороны, а с другой – либеральную политику, направленную на использование новых форм эксплуатации во имя безудержного роста прибыли как международного, так и отечественного капитала. Эти процессы не могли пройти бесследно для общественного сознания, которое чрезвычайно болезненно реагировало на эти процессы.

В название монографии вынесено понятие «прекариат», пока не часто используемое при характеристике социальной структуры в России. Подчеркнём особо – *пока*. Аргументы Ж. Т. Тоценко достаточны для доказательства, что новая социальная общность (класс) – не издержка логики общественного развития и не исключение из него, а принципиально новое явление, которое требует глубокого осмысления и определения его роли не только в настоящем, но и в будущем времени (с. 6 монографии).

Что же обеспечивает принципиальную новизну анализа? Ответ на этот вопрос зависит от выбора методологии исследования. Автор берёт за основу классовый подход к анализу социальной структуры, всесторонне исследуя её специфическую социально-экономическую основу, учитывающую новые социально-экономические и политические реалии (с. 7).

В начале монографии даётся предварительное определение прекариата – «принципиально новое образование, означающее социальный слой, который олицетворяет отчуждение не только от результатов труда, но и от всего общества значительных социальных групп, испытывающих особые, изодранные формы эксплуатации их труда, знаний, квалификации, что в конечном счёте влияет на качество их жизни» (с. 6).

На первый взгляд, оно несколько обобщённо формулирует признаки нового класса, что не позволяет увидеть его специфику. Действительно, отчуждение от результатов труда и общества в целом было характерно и для *пролетариата*. Формы эксплуатации были также весьма разнообразными, зависели от знаний и квалификации наёмных работников. В этом убедится каждый, прочитав классические работы Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1845 г.) и К. А. Пажитнова «Положение рабочего класса в России» (1908 г.). Следовательно, перед автором стоял вопрос о необходимости уточнения методологии и методов для выявления оснований нового класса в современных социально-экономических условиях. По мнению Ж. Т. Тощенко, «скорее всего, первостепенное значение приобретают оценка социально-экономического положения людей, выявление наиболее значимых характеристик жизнедеятельности различных социальных групп». Автор, учитывая методологическое значение для своего исследования классического определения классов В. И. Ленина (отношение к средствам производства, особое место в исторически определённой системе общественного производства, роль в общественной организации труда, способ получения и размер той доли общественного богатства, которой они располагают), в то же время считает, что в современный период для классовообразования приобретают значение показатели *занятость*, *социальные гарантии* и такая социально-психологическая установка, как *степень уверенности в будущем*.

Не требует особых доказательств, что все критериальные признаки в условиях современности имеют качественно отличную специфику не только по сравнению с классическим периодом капитализма. Она определяется всей гаммой общественных отношений, включая национальные и религиозные традиции, что принципиально изменяет соотношение факторов («кнута и пряника») воздействия на работников наёмного труда.

По итогам анализа отношений, складывающихся в трудовой сфере, Ж. Т. Тощенко уточняет характеристики прекариата: «Это часть социализированного населения, нацеленного на участие в трудовой жизни общества, на сохранение своего, пусть и деформированного, статуса, не утратившего социальные связи с окружающим миром, нацеленного на удовлетворение потребностей, часто выражающихся в поддержании своего достойного времени существования, но поставленных в ограничивающую их сферу трудовых и социально-экономических отношений» (с. 60). И далее: «прекариат – это формирующийся класс, который, с одной стороны, олицетворяет социальные слои, обладающие профессиональными знаниями, квалификацией, опытом и стремящиеся построить

рациональные взаимосвязи с обществом и государством, с другой – это быстро растущий слой работников нестабильного социального положения с неопределённой, флексибильной (гибкой) степенью занятости, с неустойчивыми формами распределения прибавочного продукта и произвольной оплатой труда. Они полностью или частично лишены доступа к социально-правовым гарантиям и к средствам социальной защиты и, как следствие, не видят удовлетворяющих их перспектив гражданской (публичной) и личной (приватной) жизни» (с. 68).

Исходя из такого определения, в монографии делается очень важный вывод о структуре прекариата, что позволяет конкретно анализировать те социальные группы, которые входят в его состав. К ним, по мнению автора, относятся работники с *неформальной, временной, сезонной или эпизодической занятостью, носящей негарантированный, нестабильный, неустойчивый, преходящий характер*. При этом, автор убедительно показывает, что численность прекариата растёт, имеет устойчивую тенденцию к увеличению, в том числе и за счёт людей, пока имеющих постоянную занятость.

Как и всякое глубокое научное исследование, монография обостряет постановку и иных принципиальнейших вопросов, ориентируя на продолжение теоретических поисков в дискуссиях, поскольку открывает новые аспекты оценки действительности. В связи с этим хотелось бы обсудить несколько проблем.

С многочисленными фактами, приведёнными автором для доказательства неизбежности появления класса прекариата в ситуации роста масштабов и разнообразия факторов риска и правомерности выделения его как самостоятельного явления в научном дискурсе, не поспоришь – их число можно умножать до бесконечности.

Ж. Т. Тощенко приводит многочисленные доказательства того, как риск, ставший повседневностью, жизненным фоном, формирует общество травмы, заменяя *Жизнь* для многих социальных групп *Существованием*. Но даёт ли это основание для выделения принципиально нового этапа в жизни человечества? Предыдущим формациям название давалось, как правило, исходя из нарицательного имени правящего класса (рабовладельческая, феодальная, капиталистическая) или подчёркивания отсутствия таковых (первобытно-общинная, коммунистическая). Автор предлагает социально-психологическую характеристику общества, являющуюся производной от социально-экономических условий, определив его как *общество травмы*. Новый подход к выбору критериального показателя фиксирует значимость психологического фактора для современного человека. Но что – очередной этап развития капиталистических отношений или принципиально иная, самостоятельная фаза общественного развития? Ответа пока нет. Не случайно одна из глав имеет заголовок «Общество травмы вечно?».

Действительно, закономерен вопрос: насколько граждане ощущают/осознают травматичность социальных отношений? Ранее такие травмы, возникавшие в результате войн, «гасились», как показывает

опыт прошлых этапов развития, в течение жизни одного поколения через уменьшение эмоциональности исторической памяти, а при переходе от одной формации к другой – несколько дольше из-за длительности социальных процессов во всех сферах общественной жизни. Не подобная ли ситуация и сейчас? Ведь отвечая на вопрос ВЦИОМ «Счастливы ли Вы?» более 80% дают положительный ответ. Возможно, ощущение травмы до сих пор присуще тем, кто в сознательном возрасте пережил разрушение СССР и «дикие девяностые»? Оставшиеся в живых вынуждены вписаться в не ими заданные реалии. Однако это прежде всего лишь ностальгия поколения, которое уже не может что-либо изменить в силу возраста, места в социальной структуре и т. п. Социально-психологическая травма уйдёт вместе с ними.

Новые поколения вписаны с рождения в конкурентную реальность и воспринимают её как норму жизни. Ностальгия родителей по доперестроечным социальным отношениям не отменяет убеждённости, что социализм не жизнеспособен в условиях глобального рынка. Левые движения немногочисленны и в основном маргинальны (фиксирую без отрицательного контекста). Политика государства на стимуляцию в человеке потребностей «био», а не «социо», наполнила новым смыслом пирамиду Маслоу.

К признакам общества травмы Ж. Т. Тощенко относит также разрушение материальной базы РФ, сравнивая современные показатели с советскими (с. 22–23). Это уже иной – объективный критерий. Но пустырь на месте колхоза-миллионера – это травма? Или травма – это социально-психологическое состояние, сопровождающее изменённую мобильность: статусную, профессиональную, территориальную, идеологическую? На наш взгляд, изменение структуры и показателей производства – факторы травмы.

Автор на вопрос: может ли общество травмы быть вечным, отвечает: нет, если будет на то политическая воля (с. 26). И этот ответ – тоже повод для дискуссии. У меня лично нет сомнений, что будет проигнорировано требование оппозиции о введении прогрессивного налога. *Не* изменится Трудовой кодекс в пользу наёмных работников. Государство *не* ограничит аппетиты руководителей организаций в пользу их подчинённых. Слабость протестов против пенсионной реформы показала власти, что можно наступать на права большинства и дальше. Например, 60-ти часовая рабочая неделя: это желание олигархата неспроста озвучил Прохоров.

Есть резон в выводе автора, что «возникновению прекариата во многом способствовала политика российских неолибералов, которые реализовывали придуманные ими схемы, исходя из личных измышлений, не советуясь с экспертами, а тем более с народом, которого они стремились (в который раз!) ошастливать (с. 74).

Мой вывод: «дорогие россияне» сегодня живут не в стране, а *на территории обмана*. И этот обман воспроизводят они сами. Он стал стилем жизни на работе, в семье, в дружбе. Ни в чём человек так не талант-

лив, как в искусстве самооправдания. Мантра «Все сейчас так живут» снимает нравственные ограничения и психологическое напряжение за счёт распада сознания. Напомним о ранее введённом автором понятии «парадоксальный человек».

Значимыми в теоретическом и практическом смысле являются заслуживающие внимания положения, обстоятельно рассмотренные и проанализированные Ж. Т. Тощенко. К ним можно отнести вопрос о возможности участия этого класса в политической жизни общества и, если потребуется, в политической борьбе. Но какова вероятность организации и самоорганизации этих групп?

В монографии рассматриваются некоторые новые формы отстаивания своих интересов в трудовых и жилищно-бытовых конфликтах, в деятельности антиглобалистских, экологических и субкультурных организаций, которые на вооружение избирают различные ранее не практиковавшиеся формы уличного протеста – организация «монстраций», блокирование улиц, воспрепятствование деятельности отдельных организаций, выставление пикетов у государственных учреждений. Смысл многих из этих акций – всеми способами и символами продемонстрировать свою незащищённость, нестабильность, иррациональность своего существования.

В этой связи очень интересен один вывод о роли и значении прекариата в политической борьбе в других странах. Ж. Т. Тощенко доказывает, что Трампа выбрал американский прекариат, ставший политической силой (с. 72). Хотя верно и другое: выбрать президента и добиться поворота к «государству всеобщего благоденствия» при новых технологиях управления – не одно и то же даже в США, где массовые протесты являются нормой.

В монографии сдержанно оцениваются возможности прекариата – у него нет признанных лидеров, отсутствует объединяющая идеология. Хотя, как справедливо отмечает автор, пролетариат также начинал свою деятельность разрозненными группами, долгое время не имел общепризнанных политических руководителей, а опыт борьбы накапливался постепенно.

Особое значение приобретает вывод, что прекариат комплектуется, складывается практически из всех слоёв современного общества, олицетворяет огромную массу людей, занимающих неустойчивое, нестабильное социальное положение, которое носит не временное, а длительное состояние. У этих людей нет уверенности в своей необходимости обществу, в своём праве претендовать на занятость по своей или смежной профессии, на социальную защищённость, на надежду в гарантированном будущем своей семьи и своих близких в ситуации, когда неизвестно, кому предъявлять претензии, кроме безымянных и неопределённых социальных институтов.

Таким образом, для прекариата *вопросы о занятости, о социальных гарантиях, о будущей судьбе – это вопросы не столько о том, ЧТО делать, сколько о том, КЕМ быть в этом мире.* Социальные группы

(слои), обозначаемые этим словом, олицетворяют отчуждение не только от результатов труда, но и от всего общества, испытывают особые, изощрённые формы эксплуатации их труда, знаний, квалификации.

Все это позволило автору монографии сделать вывод, что прекариат во многом ещё «класс-в-себе», находится на стадии протокласса, но постепенно шаг за шагом превращается в «класс-для-себя».

Статья поступила: 14.08.2019

10.19181/vis.2019.30.3.598

What is Happening Within the Social Structure of Russian Society?

Gallina S. Shirokalova

Nizhny Novgorod State Agricultural Academy, Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: shirokalova@list.ru

ORCID ID: 0000-0003-4089-5446

For citation: Shirokalova, G. S. What is happening within the social structure of Russian society? Reviewing Zh. Toschenko's study "The precariat: from the proto-class to a new class". *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 165–172. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.598

Abstract. This peer-reviewed monograph, written by Zh. T. Toschenko and titled "The precariat: from the proto-class to a new class", analyzes certain factors in the emergence of a new social community – the precariat. A critical analysis of contemporary studies on shifts in social structure is conducted by Russian and foreign authors, which allows for identifying certain specific phenomena and trends. Specified are parameters of the expansion of unconventional forms of employment, the relativity of one's specialty, the incommensurability of work performed and one's education and qualification, which produces alternative self-assessments and achievement practices. A lack of a layer of "economic security" and social guarantees for a considerable portion of the population extends the boundaries of this social community, while liberal policy exacerbates the unstable situation. The factual basis of this monograph is so comprehensive that it can serve as a sort of encyclopedia of contemporary labor relations in Russia.

The article was submitted on: 14.08.2019

ВЕСТНИК *Института* **СОЦИОЛОГИИ**

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Главный редактор:

Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:

Полина Михайловна Козырева,
Ирина Альбертовна Халий

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

E-mail: vestnik@isras.ru

Размещение журнала: <http://www.vestnik-isras.ru>